

ЧЕЛОВЕК

Иллюстрированный
научно-популярный журнал

Выходит 6 раз в год

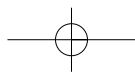
Журнал основан в 1990 году
академиком И.Т. Фроловым

№ 5 (сентябрь — октябрь)

Учредитель:
Российская академия наук,
Президиум

“Наука”

СОДЕР

Человекознание: история, теория, метод

Трансдисциплинарность в философии и науке.
Материалы круглого стола 5

Культурно-антропологические доминанты
терроризма
М.А. Мануильский 20

Перспективы гуманизма

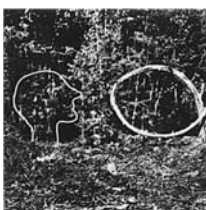

Проекты улучшения человека и тезис
технологической неизбежности
Е.Г. Гребенщикова 30

Откуда и куда

Трансформация концепта “гений” в художественном
сознании английского просвещения
первой половины XVIII века
А.В. Волошинов, В.В. Кирюшкина 40

Мера всех наук

Проблемы этики технонауки в трудах Э. Агацци
М.И. Фролова 55

Лицо человеческое

Рудольф Деккер, историк
Ю.П. Зарецкий 69

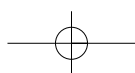
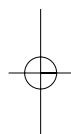
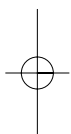

Долгосрочные тенденции автобиографического
творчества в Нидерландах. (Пер. с англ.)
Р. Деккер 71

Философская антропология: страницы классики
Идентичность и ее тень. (Социокультурные
конфигурации самотождественности)
П.С. Гуревич, Э.М. Спирова 84

Жизнь перед лицом смерти. (Из лекции “Человеческая
сила и цикл поколений”). (Пер. с англ.)
Эрик Эриксон 95

ЖАНИЕ

Из фондов культуры

---

111 Человек в киновселенной семьи Германов
Н.А. Шаховская

Театр Но в эпоху Эдо: элитарное искусство
и массовый зритель

126 *А.П. Бурькина*

Мемориал

Символические и коммуникативные функции
памятников сотрудникам органов правопорядка

140 *А.Д. Попова*

Тайна сия велика

“Личный миф” Ореста Кипренского

157 *В.И. Чайковская*

Гуманитарная хроника

Феномен автобиографии: междисциплинарные
исследования

165 *Е.К. Карпенко*

Листая новые страницы

От Карла Маркса к Карлу Барту

172 *В.А. Бачинин*

Духовный резонанс со временем. Творчество и судьба
Даниила Гранина

177 *А.П. Марков*

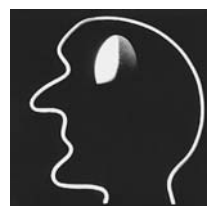
39 Новые книги

---

185 Аннотации и ключевые слова публикуемых статей

190 Содержание на английском языке

192 К сведению авторов

Журнал издается под руководством Президиума РАН

Редакционный совет:

<i>академик</i>	Велихов Е.П.
<i>академик</i>	Иванов В.В.
<i>академик РАО</i>	Лиханов А.А.
<i>академик</i>	Янин В.Л.

Редакционная коллегия:

<i>член-корреспондент РАН</i>	Юдин Б.Г., главный редактор
<i>кандидат психологических наук</i>	Авдеева Н.Н.
<i>доктор философских наук</i>	Артемьева Т.В.
<i>доктор философских наук</i>	Борзенков В.Г.
	Воробьев С.Л.
<i>академик</i>	Гусейнов А.А.
<i>доктор философских наук</i>	Диев В.С.
<i>доктор исторических наук</i>	Дробижева Л.М.
<i>доктор психологических наук</i>	Знаков В.В.
<i>кандидат философских наук</i>	Мануильский М.А., зам. гл. редактора
	Островская Г.В., отв. секретарь
<i>академик</i>	Петров Р.В.
	Резниченко Л.А.
<i>академик РАО</i>	Рубцов В.В.
<i>академик</i>	Степин В.С.
<i>академик</i>	Тишков В.А.
<i>доктор физико-математических наук</i>	Тропп Э.А.
<i>академик</i>	Челышев Е.П.

Над номером работали:

	Буторина В.В.
	Малков С.М.
	Марабанец С.М.
	Махиянова Е.Б.
	Мышко Т.Л.
	Щадилова К.А.
<i>зав. отделом оформления</i>	Юрчевская Г.Н.
<i>техническое редактирование и верстка</i>	Нефедова Г.О.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Материалы круглого стола

3 марта 2016 года в секторе методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН состоялось обсуждение коллективной монографии «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы» [10]. Обсуждаемая тема — сегодня одна из востребованных, поскольку налицо усиление интеграционных тенденций в развитии научного знания, обусловленных как внешними по отношению к науке факторами, так и внутренними императивами. В дискуссии приняли участие представители разных дисциплин. Публикуем некоторые из выступлений: **Андрея Алексеевича Воронина**, доктора философских наук, ведущего научного сотрудника ИФ РАН; **Марины Сергеевны Киселевой**, доктора философских наук, профессора, зав. сектором методологии междисциплинарных исследований человека; **Ларисы Павловны Киященко**, доктора философских наук, ведущего научного сотрудника ИФ РАН. Вел заседание **Борис Григорьевич Юдин**, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИФ РАН.

Б.Г. Юдин: Наша сегодняшняя дискуссия за круглым столом посвящена проблемам, которые оживленно обсуждаются в литературе, анализирующей особенности современной науки и ее взаимодействия с обществом. Непосредственный повод нашей встречи — выход в свет книги «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы». Эта книга, на мой взгляд, представляет собой наиболее основательное в нашей литературе исследование проблематики трансдисциплинарности. Самим понятием трансдисциплинарности фиксируется прежде всего то обстоятельство, что исследовательская деятельность сегодня все чаще выходит за рамки не только отдельных научных дисциплин (становясь таким образом междисциплинарной), но и науки в целом. Научное исследование выступает при этом в качестве лишь одной из состав-

ляющих, пусть даже наиболее значимой, инновационного процесса.

Наука, как отмечают Хельга Новотны и ее соавторы, «не может больше рассматриваться как некое автономное пространство, четко отграниченное от всего другого — общества, культуры и... экономики. Напротив, все эти сферы стали настолько «внутренне» гетерогенными и «внешне» взаимозависимыми, даже выходящими за собственные пределы, что они перестали быть различными и различимыми (при этом категории «внутреннее» и «внешнее» в какой-то мере утрачивают свой смысл)» [14, р. 1].

Как представляется, в этих словах удачно передан такой важный аспект трансдисциплинарности, как особая, можно сказать, органичная встроенность науки в ткань современного общества. Иногда говорят, что если прежде взаимоотношения науки с общест-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

вом можно было выразить оборотом “наука и общество”, то сегодня более адекватным стало выражение “наука в обществе”. Нынешний характер этих взаимоотношений таков, что далеко не всегда бывает возможно сколько-нибудь четко выявить и отделить то, что внутреннее присуще науке, от того, что располагается вне ее.

В этом контексте вполне резонным представляется вопрос о том, каким образом тема трансдисциплинарности связана с проблематикой, которой занимается журнал “Человек”. На мой взгляд, связь эта достаточно очевидна. В самом деле, человек является объектом изучения самых разных наук — и естественных, и общественных, и гуманитарных. Утверждение, согласно которому проблематика человека носит комплексный и междисциплинарный характер (я не буду здесь вдаваться в анализ того, как соотносятся между собой два этих понятия), в последние десятилетия стало общим местом. Дело, однако, в том, что в современной реальности изучение человека очень часто бывает не самоцелью, а средством для решения задач вполне практических, например, для разработки технологий, призванных так или иначе воздействовать на человека, взаимодействовать с ним, помогать ему и т.п. Х. Новотны и ее соавторы говорят в этой связи о контекстуализации, имея в виду, что знания сегодня вырабатываются в “контексте приложений” [Ibidem]. И очень часто этот контекст приложений центрируется вокруг человека.

Иначе говоря, при более детальном рассмотрении во всех такого рода случаях выясняется, что человек, на которого ориентированы эти технологии, со всеми своими ценностями, мотивами, побуждениями, интересами не помеща-

ется ни в жестких дисциплинарных рамках, ни даже в более широких рамках, задаваемых тем или иным комплексом научных дисциплин. И вот этот зазор между человеком, каким он видится сквозь призму какой-либо научной дисциплины или даже их совокупности, и человеком живым, реальным, не очень-то поддающимся разнообразным классификациям и рубрикам, и пытается заполнить понятие трансдисциплинарности.

В качестве иллюстрации здесь можно сослаться на развернувшиеся сегодня дискуссии относительно возможностей и пределов применения к человеку технологий редактирования генома [12]. Участники этих дискуссий — далеко не одни только генетики, специалисты в области молекулярной биологии и информатики. Обсуждаемые в ходе дискуссий вопросы выходят за рамки этих естественных и технических дисциплин, затрагивая будущее, возможно, не такое уж отдаленное, человека и человечества. Очевидно, что речь при этом идет как о значимости получаемых экспериментальных данных и надежности разрабатываемых технологий редактирования генов, так и о тех ценностях, во имя которых будут применяться эти технологии, и о моральных нормах, которыми следует руководствоваться при их разработке и применении.

Обращаясь к проблематике трансдисциплинарности, следует отметить, что один из продуктивных путей ее осмысления — это анализ ее в соотношении с понятием междисциплинарности. Отечественная традиция исследования феномена междисциплинарности восходит ко второй половине 1970-х — 1980-м годам. В это время серьезное внимание исследователей привлекали вопросы взаимодействия общественных, естественных и технических наук;

большую популярность приобрела мысль о том, что наиболее серьезные открытия делаются на стыках наук¹. Очень часто цитировались слова В.И. Вернадского о том, что “в наше время рамки отдельной науки, на которые распадается научное знание, не могут точно определять область научной мысли исследователя, точно охарактеризовать его научную работу. Проблемы, которые его занимают, все чаще не укладываются в рамки отдельной, определенной, сложившейся науки. Мы специализируемся не по наукам, а по проблемам...” [1, с. 118]

Именно в этом контексте объектом пристального интереса стал и такой феномен, как междисциплинарные исследования. И подобно тому, как в наши дни при анализе трандисциплинарности приходится весьма серьезно и основательно обращаться к теме междисциплинарности, в те годы разработка проблематики междисциплинарных исследований заставляла обратиться к вопросу о том, а что такое, вообще говоря, представляет собой научная дисциплина? Наиболее значительными в этом отношении стали публикации М.К. Петрова [8; 7; 9], Э.М. Мирского [5; 4] и А.П. Огурцова [6].

Если попытаться в самой краткой форме подытожить сделанное ими и их коллегами, то следует прежде всего сказать о том, что под научной дисциплиной все они понимали не столько некоторую область исследований, сколько структурную, организационную единицу науки. В частности, А.П. Огурцов показал, что по своему генезису понятие научной дисциплины близко к тому значению термина “дисциплина”, которое имеет в виду следование, подчинение некоему твердо установленному порядку.

В работах Э.М. Мирского была предложена несколько парадок-

Трансдисциплинарность
в философии
и науке

Борис Григорьевич
Юдин

сальная, но притом весьма убедительная концепция, в соответствии с которой исследования, выполняемые на переднем крае науки, по своей сути бывают скорее междисциплинарными, чем дисциплинарными. Во всяком случае, для тех, кто непосредственно проводит исследование, его принадлежность к той или иной научной дисциплине отнюдь не является вопросом первостепенной важности. И лишь после того, как исследование привело к получению определенного результата, встает вопрос об оформлении, “упаковке” этого результата, и это оформление производится по канонам дисциплинарно организованного знания. Научная дисциплина, таким образом, — это своего рода социальная матрица, которая обеспечивает трансляцию внутри исследовательского сообщества и сгущение, конденсацию полученных знаний от переднего края исследований. Результат проведенного исследования оформляется сначала в виде статьи, публикуемой в дисциплинарном научном журнале, а затем — через такие стадии, как обзорная статья, обобщающая результаты целой группы близких по тематике исследований, научная

¹ См., напр., [3].

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

монография, охватывающая более обширный массив исследований, доходит до стадии дисциплинарного учебника. С другой стороны, в рамках дисциплинарной структуры происходит продвижение индивида, по мере усвоения этих знаний, от студенческой скамьи до выхода на передний край науки и проведения самостоятельных исследований.

Таков в самом общем виде механизм получения и функционирования знаний в рамках традиционно организованной науки. Одна из ее существенных особенностей состоит в том, что она ориентирована на получение универсально (то есть независимо от контекста) значимых знаний, которые будут справедливы всегда и везде, коль скоро соблюдаются определенные граничные условия.

Здесь, как мы видим, нет никакой необходимости обращаться к понятию трансдисциплинарности. Оно становится важным тогда, когда научные знания функционируют в рамках того комплекса, который нередко называют технонаукой и который ориентирован на получение контекстно зависимых знаний, требующихся “здесь и сейчас”. В подобных ситуациях задачи пополнения массивов дисциплинарного знания отступают на второй план, основное же внимание направляется на получение эффективных, безопасных, приемлемых для потребителя технологических решений.

М.С. Киселева: Как я понимаю важность обсуждаемой книги? Во-первых, очевидна ее актуальность: новые развивающиеся направления в науке, как естественной, так и гуманитарной, сегодня разворачиваются именно как междисциплинарные/трансдисциплинарные. Различение и описание того, что происходит на разных “этажах” и “разветвлениях” научного знания — необходи-

мые ориентиры для современного ученого, втянутого или только понимающего необходимость вступить в область междисциплинарных взаимодействий. Во-вторых, книга интересна авторскими методологическими концептуализациями, свидетельствующими о глубокой философской рефлексии современного научного знания, без которой наука не актуализируется культурой. В-третьих, авторы настаивают во многих разделах этого объемного труда на востребованности ценностей научного сообщества — коммуникативности, ответственности, добросовестности, — что составляет необходимый социальный контекст современной меж- и трансдисциплинарности. В-четвертых, авторами по-разному, но настойчиво акцентируется существенная сторона современного научного знания — “трансаспектность” разрабатываемых тем и проблем, поскольку они имеют многоплановую контекстуальность, часто инициируемую интересами заказчика, а потому нельзя обойтись без обсуждения, в том числе и учеными, финансирования междисциплинарных проектов, их экспертного сопровождения и прочих форм социальной поддержки. Наконец, последнее, на что хочу обратить внимание, — на констатацию проективности (в моем понимании, *проективности* — об этом я далее буду говорить) как характеристики нового состояния меж- и трансдисциплинарного научного знания.

Предваряя дальнейшее, определю область наук, в отношении которых я могу, опираясь на собственный опыт научной и образовательной работы, говорить о проблеме меж- и трансдисциплинарного знания. Это — гуманитарные науки: история, филология (включающая языковедение и литературоведение) и философия. Замечу, что философия скорее по совет-

ской традиции, а вообще-то, по недоразумению, оказалась в Российской академии в Отделении не гуманитарных, а общественных наук. Конечно, философы всегда *мыслят гуманитарно* — и тогда, когда имеют в виду естественные, технические или математические науки, как и экономическое, социально-политическое и т.п. знание, — это определено самой природой философии. Обсуждаемая книга в этом смысле представляет собой текст гуманитарного знания и не только по многообразию явленных в ней философско-методологических концептуальных разработок. Однако в ней “собственно” гуманитарным наукам, где бы обсуждались вопросы исторической или филологической дисциплинарности, а также их транс- или междисциплинарных взаимодействий и философского осмысления этих процессов, посвящено совсем немного статей. Из их числа мне показалась интересной работа Григория Гутнера “Трансдисциплинарность как трансдискурсивность” [10, с. 263–280]. Отчасти соглашаясь, отчасти полемизируя с автором, я обозначу далее существенные проблемные точки в меж- и трансдисциплинарной гуманитаристике.

Различение дисциплинарности и дискурсивности и эвристические возможности этого различения в методологии определено в этой статье, на мой взгляд, верно. Причем это различение характеризует взаимодействия в области не только гуманитарного знания, но распространяется и на другие дисциплины. Не нужно далеко ходить за примерами. Представление ценностных измерений в современных связях биомедицины, технологий и опытов на человеке как трансдисциплинарной биоэтической проблемы, безусловно, — дискурс. Прежде всего потому, что в нем представлено не предметное

Трансдисциплинарность
в философии
и науке

Марина
Сергеевна
Киселева

исследование, а выход из исследовательских практик в область меж- и трансдисциплинарных коммуникаций в постановке вопроса о возможностях или невозможностях проведения медицинских опытов на человеке. Пока мы находимся в предметных областях дисциплинарности, которые могут множиться и расширяться, происходит *дисциплинарное исследование*, сохраняются границы дисциплинарно устроенного знания. Хайдеггер замечает, что такого рода научные исследования характерны для Нового времени: “То, что существующее — например, природа, человек, история, язык — выступает как действительное в его предметной противопоставленности и что тем самым наука становится теорией, фиксирующей действительное и устанавливающей его в предметном статусе, для средневекового человека было бы таким же странным, как для греческого мышления — сбивающим с толку” [11]. Этот историзм чрезвычайно ценен для понимания проблемы.

Обращаясь к “Началам геометрии” Гуссерля, Гутнер пишет об истоках конкретных наук как результатах интенциональных актов схватывания идеальной предмет-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

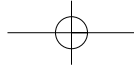
ности, которая затем в актах сознания реализуется в системах предметностей, оставаясь в пределах смысла, порождающего и подтверждающего многообразие предметных возможностей для актов сознания. Автор отмечает три характеристики дисциплинарности: ее *онтологию* — системную организацию предметностей при их постоянном расширении, в которой представлена действительность; *методологию*, определенную процедурами выстраивания и воспроизводимости предметностей; *социальность* — дисциплинарное сообщество, профессионально и институционально организованное.

По этой же схеме Гутнер строит и междисциплинарность, описывая ее онтологию, методологию и социологию (“междисциплинарную социальность”). Автор считает, что дискурсивность конструирует онтологию, способную уйти от дисциплинарного разделения, при этом он оставляет предметность, которая теперь, как пишет автор, задана “нечетко и с помехами”. Помехи, по его мнению, создают “недискурсивные практики”, которые описываются автором с помощью примеров из истории (реконструкций тоталитарных практик советского периода, религиозных практик при характеристике христианства как религиозного института и т.п.). Дискурсы множественны и отграничены друг от друга, однако причины появления или умножения дискурсивных границ остаются автором не проясненными. К методологии дискурсивности Гутнер относит не демонстрацию воспроизводимости “нечетких” предметностей, а создание проектов. И с этим я соглашусь, однако, с серьезными уточнениями. На мой взгляд, междисциплинарная деятельность ученых действительно активна, но это не проект, как пи-

шет автор, “с заданной реальностью”. Важно понять, каким образом, откуда и чьими стараниями эта реальность “задается”? Она есть результат неких междисциплинарных дискурсов? Это построенная реальность, образовавшаяся “после метода” (Дж. Ло) в духе современной онтологии конструктивизма (Б. Латур)? Это конвенция исследователей, вызванная практической, “внедискурсивной” задачей? Или?..

Видимо, предполагая эти вопросы, автор прибегает к метафорам, что нормально для дискурсивных описаний. Он строит образ “междисциплинарного исследования”, в котором “пересекаются границы” разных дискурсов; создается общность “территорий”, происходит “ветвление”, “фрагментация”, “спецификация” дискурсов для создания “малых предметностей”; происходит их “столкновение”, благодаря которым решаются задачи этих “малых предметностей”, но в “чужой предметности”; предполагается возможность “предварительного консенсуса” по поводу “предметности” и т.д. и т.п. Думаю, что каждая из этих метафор в той или иной степени узнаваема в дискурсивных работах. Но остаются принципиальные вопросы о “заданности” реальностей и о том, как возможны предметности — не важно, “большие” или “малые” — в междисциплинарном поле.

Ответы на эти вопросы, если я правильно поняла Гутнера, зависят не от дискурсивных удач проектантов, а от тех “моральных обязательств”, которые берут на себя все участники проекта. Таким образом, междисциплинарность, а вслед за ней и трансдисциплинарность, создаваемая “трансдискурсивностью”, дрейфуют от науки к прагматике “внедискурсивных практик”, внеученных организаций, технических и прочих сопро-

вождений, экспертных заключений, финансовых возможностей или интересов заказчика, которые, можно предположить, и “указуют” на ту самую объединяющую всех участников реальность, в которой он, заказчик, нуждается. Как же тогда отличить меж- и трансдискурсивность от этих самых “недискурсивных практик”? Как понять, находится ученый в познавательной сфере науки или попал в сервисную сферу заказчика, наука для которого является средством, как сказал бы Кант, но не тем, что позволяет реализовывать познавательные цели? В статье приводятся примеры (case studies) того, какова “тактика” работы в меж- и трансдисциплинарных проектах. Но эти примеры не снимают, а может быть обостряют выше поставленные вопросы.

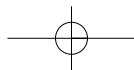
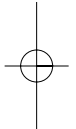
Обратим внимание, что автор допускает существование некоего “изначального дискурса”, уподобляемого им гуссерлевскому “жизненному миру”, которым обуславливается как дисциплинарность, так и междисциплинарность. В онтологии этого дискурса лежат “те смыслы, которые в потенции могут стать предметностями разных научных дисциплин или иных дискурсов”, причем там же автор говорит о том, что в этом первичном дискурсе содержатся и “прототипы всех предметностей, допускающих математическое представление”, то есть определенные формализованные процедуры всех областей знания (и гуманитарных?). Можно вообразить этот дискурс изначальной трансцендентной силой (“В начале было Слово...”), задающей реальность, которая затем инициирует (дает способность) ее познавать как в дисциплинарных, так и в “междисциплинарных предметностях”. Но поставим все же вопрос о предметности междисциплинарного знания. Принимать ли соображение о динамике дискур-

сов в “чужой” и “своей” предметности? Можно ли представлять себе меж- или трансдисциплинарность как своего рода “путешествие” по разным предметностям в “трансдисциплинарных” целях, причем совсем не обязательно познавательных?

Ответы на поставленные вопросы — самостоятельная область методологической работы. В литературе зафиксировано принципиальное различие в проведении дисциплинарных исследований и работы в междисциплинарной области, и эта точка зрения отличается от того, что предлагает Гутнер. Во-первых, исследование всегда предметно-дисциплинарно и “позволяет в предмете представлять факты таким образом, чтобы объект у нас был” (П.В. Малиновский). Эту кантианскую конструкцию легко узнать в работе историка или филолога, которые в своем предметном поле *специальными методами* своих дисциплин формируют ту историю “реальности” или ту “текстуальность”, которая опознается затем как объект проведенного ими исследования.

Я уже приводила пример с “разысканиями” (так назвал свое исследование В.М.Живов) в области истории и предыстории русской культуры. Предметом исследования в его случае были тексты древнерусской книжности, работа с которыми позволила ему расширить дисциплинарное поле новыми “фактами” русской культуры, подтвердившими, что эта культура есть *объект*, обладающий своей историей. Связь предметности и исследовательской стратегии (разыскание документов, их историографический и текстологический анализ, комментирование, сопоставление текстов и т.д. и т.п.) подержана самой структурой дисциплинарного научного знания (в нашем примере историко-филологического). Таким образом, иссле-

Трансдисциплинарность в философии и науке

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

дования (“разыскания”) — это дисциплинарное знание. “Междисциплинарное” исследование таит в себе опасности, на этом пути можно “создать” новую предметность, синтезирующую методы и проблемы уже имеющихся предметностей. В этом случае возможна конвергенция научного знания: так возникают новые дисциплины — биохимия, психолингвистика и т.д. Хайдеггер писал об этом процессе так: “Отграничение предметных областей, их оформление в границах специальных отраслей не отрывает науки друг от друга, а впервые только и создает на их границах то сообщение, благодаря которому вырисовываются смежные области. Последним присуща собственная динамика, выдвигающая новые, нередко решающие комплексы проблем. Об этом факте всем известно. Его причина остается загадочной, такой же загадочной, как и в целом сущность современной науки” [там же].

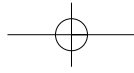
Но, собственно, меж-трандисциплинарность, если она не конвергирует в новую предметность, которая затем обрастает новой дисциплинарностью, решает совсем другие задачи в научном знании. Хайдеггер видел во внедисциплинарных процессах, ориентированных не на частичное познание действительного, *тайну*. Стоит об этом подумать.

Очевидно, необходимо искать способ междисциплинарного действия, позволяющего очертить то пространство, которое не будет апроприировано какой-либо дисциплинарностью, а следовательно, не будет стремиться представлять не “частичную” действительность, но создаст проективное, некое “брошенное вперед” (пер. с лат. — *proejectus*) актуализированное пространство гуманитаристики. Возможно, эти способы-действия следовало бы назвать *методами-коммуникациями* как формами

проективной деятельности, создающими *проективную реальность* — сферу взаимодействия для устранения разделенности предметностей, для улавливания, обретения и трансляции *новых* смыслов существования такой реальности, которая определена текстом (дискурсивно выражена). Проективная реальность не есть сумма предметностей, а нечто другое: проекция, соединение, собирание всякой предметности, освобождающей ее тем самым от “частичности”, на задачи, материал, стратегию и методы, которые коммуницируют в осмыслении междисциплинарной проблемы.

Сама междисциплинарная стратегия — процесс не определенный заранее. Он может, как я полагаю, сопровождаться выходами в свою дисциплинарную область и заходами обратно в область междисциплинарную. Безусловно, это — открытая, проективная деятельность, предполагающая не обмен продуктами дисциплинарности, а реализацию деятельностных усилий ученых в междисциплинарном проблемном поле. В современном информационно-коммуникативном пространстве продуктивна работа и отдельной “междисциплинарной головы”, ибо многообразные формы научных коммуникаций доступны и самостоятельно работающему ученому: профессиональные интернет-форумы, научные конференции, семинары, коллоквиумы, фиксируемые в киберпространстве, личные консультации со специалистами по конкретной дисциплинарной проблеме и т.д. и т.п. Так создается подвижная, открытая и готовая изменять свою текстовую конфигурацию “проективная площадка” междисциплинарного гуманитарного знания.

Каково дело философии в этом проективном гуманитарном пространстве меж- и трандисципли-

лиарности? Современное гуманитарное знание можно вообразить в виде пересекающихся эйлеровских кругов, общее пространство которых совмещает три главные области: языковую, историческую и осмысляющую. Познание слов и мыслей, дел и идей человека, объединенных коммуникативными междисциплинарными практиками в некую реальность, можно было бы назвать трансдисциплинарной гуманитарной проективностью.

Мне представляется, что интенция трансдисциплинарного знания можно почерпнуть в статье М. Хайдеггера “Наука и осмысление”, написанной более 60 лет назад. “Неприметное положение вещей”, писал философ, *таится* в науках, но и “науки покоятся в неприметном положении вещей, как река в своем источнике”. Хайдеггер имел намерение подвести читателя к месту, где “коренится существо науки”. Не будем сейчас вдаваться в подробности комментирования сложных мест хайдеггеровского текста. Скажем то, что, как кажется, ясно: внутри предметной противопоставленности науки, которая подробно с примерами рассматривается в статье, под различными дисциплинарными структурами представлена действительность. Однако “непредметность” остается скрытой, не дается предметно расчлененному знанию, результатом которого является нам частичная действительность. Хайдеггер пишет о невозможности отправиться “по пути к *достойному* вопрошания”. Мыслитель понимает “*достойное* вопрошание” как осмысление, у которого “другая сущность”, чем у предметно разделенного дисциплинарно оформленного научного знания.

Как представляется, трансдисциплинарность, возможно, являет собой начальные шаги на этом пу-

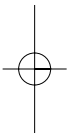
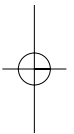
ти. Осмысление, писал Хайдеггер, *впервые* “выводит нас” на путь “к месту нашего пребывания”, определяя его как “место всегда историческое”. Эта историчность не историографического происхождения, но и не несет в себе пренебрежение фактами истории. Насколько я понимаю, “место” это задано человеком, и в этом смысле, оно — гуманитарно. Хайдеггер думает о “предопределенности нашей миссии”, глубоко заходя в истоки греческой философии, ища в ней, в греческом, в латыни, в движении языков и смыслов трансцендирующий характер смотрения на..., знания о..., понимания чего..., веры в кого..., осмысления себя.

Л.П. Киященко: Обсуждаемая коллективная монография не содержит явного обращения к социо-гуманитарной проблематике. Однако при определенном ракурсе ее рассмотрения становится очевидным, что сам характер трансдисциплинарного исследования содержит в себе социо-гуманитарную составляющую, требующую философской рефлексии. Что имеется в виду?

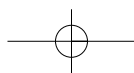
Прежде всего, трансдисциплинарные исследования обычно носят очевидно выраженный проектный характер, когда для решения некоторой жизненно важной проблемы формируется временная рабочая группа, включающая в себя членов из самых разных областей — ученых, политиков, представителей общественности и т.д. В таких условиях и сообществах возникает новая методология, основы которой пытаются выразить, например, авторы “Принципов проектирования трансдисциплинарного исследования” [13]². Методологически, как полагают они, трансдисциплинарные исследования включают в себя три основные стадии:

- Идентификация и структурирование проблем;

Трансдисциплинарность в философии и науке

² Информацию о книге см.: <http://www.transdisciplinarity.ch>.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Лариса Павловна
Кнященко

- Анализ проблем;
- Получение практических результатов.

Указанные стадии не только организованы в линейной последовательности, но и предполагают сетевые взаимосвязи. Например, получение первоначальных практических реализаций может повлиять на процедуры идентификации и дальнейшего структурирования проблем.

Каждая стадия предполагает свою более детальную методологию. Скажем, авторы предъявляют следующие требования к трансдисциплинарным исследованиям на этапе анализа проблем:

- Участники проекта должны прийти к соглашению, понимая сложность поставленных перед ними проблем;
  - В то же время необходимо принять во внимание основные различия и особенности исследуемой проблематики;
  - В итоге участники должны развить конкретное и практичное знание, которое может быть передано другим;
  - Ориентироваться в решении проблем следует на общее благо.
- Авторы выделяют четыре основных принципа трансдисциплинарных исследований:

- Упрощение сложного с учетом вида знания и участников проекта;
- Достижение эффективности через контекстуализацию — соотнесение с конкретными социальными практикам и их результатами, ориентация на подобные исследования в других проектах и т.д.;
- Интеграция через открытую состязательность и плюрализм;
- Развитие рефлексивности через рекурсивность — трансдисциплинарное исследование организуется циклически, в форме многократных предметных дискуссий, что позволяет корректировать принципы исследования.

В конце своей работы авторы приводят различные определения трансдисциплинарности, в основе которых лежат следующие характеристики:

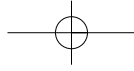
- трансцендирование и интеграция дисциплинарных парадигм;
- проведение исследований с привлечением представителей заинтересованных сторон;
- направленность на решение проблем жизненного мира;
- поиск единства знания за границами научных дисциплин³.

Такого рода подход имеет свою историю. Начиная с 1960-х годов, трансдисциплинарный подход (и у нас в стране, и за рубежом) формируется как реакция на кризис классической методологии науки. Отечественный подход опирается на разработки в области синергетики, теории сложности, конвергенции методологий научного познания гуманитарных и социальных наук. Западные ученые достигли значительных успехов в создании трансдисциплинарных образовательных программ, в анализе прикладных задач и кейсов.

Обобщая сделанное, выделим некоторые характерные черты трансдисциплинарного подхода:

- Акцент на решении реальных проблем жизненного мира (эколо-

³ Подробнее об этом см. [2].

гия, здоровье, образование, нормотворчество, общественная безопасность и др.) с учетом нередуцируемой сложности взаимоотношений социогуманитарного и естественнонаучного знаний. Последнее обстоятельство в свою очередь ведет к переосмыслению этоса упомянутых сфер знаний. Прежде всего это касается изменений в научной политике, традиционно ориентированной на сциентизм и исключительно объективные параметры знания и игнорировавшей роль и место субъекта;

- Поиск и ориентация на конвергенцию социокультурного, нормативно-ценностного и познавательного методологического инструментария;

- Усиление внимания к роли человека (во всей полноте его социально-культурных атрибутов) в продуцировании и практическом применении знания.

Остановимся подробнее на последнем положении. Трансдисциплинарный подход к экзистенциальным проблемам не претендует на статус единственно верного и универсального способа их решения. Одним из основополагающих принципов данного подхода является умение видеть в конкретных, животрепещущих проблемах всеобщее в сочетании с особенным. Последнее дается через особый настрой удерживать в себе амбивалентность: живого, заинтересованного участия в решаемой проблеме и способность занять метапозицию по отношению к ней. Осознанное отношение к решению актуального противоречия требует мужества и ответственности у действующего лица, способности к осознанию упомянутой диспозиции.

Сложность экзистенциальных проблем (например, биоэтических, экологических или энергетических) такова, что ни одно из дис-

циплинарных обоснований при всей необходимости не может претендовать на достаточность. Здесь истина сталкивается с истиной, благо с благом, правда с правдой, вызывая апорию разума, генерирующую пара-доксальный импульс поиска основания, но уже в сфере трансдисциплинарных коммуникаций жизненного мира — в сфере общезначимого. Общезначимость выражает социальную конвенцию и опирается на объективное содержание совместного действия. Всеобщему в данной ситуации отводится роль идеального содержания, которое адресуется каждому человеку универсальная константа.

Только обозначенная выше оппозиция “повседневность — рефлексия” превращает некое событие в предмет трансдисциплинарного исследования.

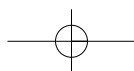
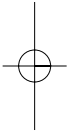
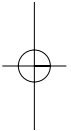
Трансдисциплинарность принадлежит к тем современным направлениям научного исследования, в которых “отчетливо выражен философский элемент внутри наук” (Ю. Хабермас). Эта интенция проявляет себя двойственно. С одной стороны, философская оптика ориентирована на прояснение всеобщих оснований опыта трансдисциплинарности и явлений окружающего мира. С другой — она призвана увязать, собрать в единое целое конкретику сложного многообразия дисциплинарных областей.

В данной связи важно понимание трансдисциплинарного исследования как проектной деятельности:

- Проект — это нелинейный процесс исследования с непредсказуемым результатом, что требует постоянной коррекции первоначального импульса, как элемента методологической программы (деятельностный аспект);

? Концентрация усилий на вновь открывшихся “непредусмот-

Трансдисциплинарность
в философии
и науке

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

ренных” ранее возможностях и направлениях (экзистенциальный аспект);

- Постоянная межинтервальная рефлексия того, что было — что есть — и что будет с учетом внешней критики (рефлексивный аспект).

А.А. Воронин: Трансдисциплинарность как методологический проект исторически обусловлена. Чтобы понять, какие изменения ждут нас в самом недалеком будущем, воспользуемся лаконичной схемой, намеченной уже в основных чертах философами и историками техники (О. Тоффлер, Л. Мамфорд, А. Митчем и др.). Небуквальное воспроизведение их рассуждений может выглядеть так. Нам известны четыре крупные исторические хозяйственно-культурные эпохи, в основу каждой из которых были заложены типы преобразовательной деятельности человека. Одна следует за другой и несет в себе целостную, но не исчезающую при последующем движении конфигурацию. Просто следующие эпохи надстраиваются над предыдущими, включая их в целостность нового, более высокого порядка.

Исторически первая социально-культурно-экономическая формация выросла из преобразований веществ природы, или просто вещества, как общей категории предмета, на который направлена деятельность человека. Обработка исходного природного материала позволила создать могущественные империи, отстроить огромные и прекрасные города, выплавить из руды металлические орудия, создать музыкальные инструменты и культивировать утонченное искусство. Социальные организмы росли в полном соответствии с природными установлениями. Производственной ячейкой общества были сперва сельские поселения, с неолитическими

порядками и культурой, затем она — уже они, во множественном числе и качестве, — переместились в города, образовав цеха, рынки и законы. Наука пришла к выводу, что в мире действуют причинно-следственные связи, что они образуют незыблемый порядок мироздания, и человек должен безропотно следовать Пути, Судьбе, Року или Закону, поскольку свет разума открывает ему путь успешного покорения природных стихий. Человек создал на этой основе великую культуру, а великая культура породила, в свою очередь, великих людей, творящих величайшие шедевры во всех областях жизни. Это была эпоха экспансии человека в кругу реальной, зримой природы, простиравшей свои границы вплоть до антропной, чувственной данности. *Esse est percipi* — граница мира лежала на границе чувственного восприятия. Не случайно телескоп стал символом грядущей опасности, а его изобретатель — агентом враждебного будущего, выводящего познание и деятельность человека за границы простого чувственного восприятия. Церковь — очень чувствительный механизм фильтрации опасных нововведений, и она предлагала свои пути мироустройства. Но и она не смогла противостоять мощному движению, которое сегодня принято называть проектом Модерна. Почему проектом, кто его проектировал — уже не совсем понятно, но дело не в словах, а в фундаментальных качествах мира, кристаллизирующихся вокруг манипуляций человека веществами природы. Характерно, что алхимия была одним из первых систематических способов превращать одни вещества в другие, и только изменение парадигмальных установок выдавило души элементов из реторт в стихи, и превратило алхимию в химию.

Следующая общественно-экономическая формация основана на покорении Энергии. Термин общественно-экономическая формация я употребляю не в смысле противопоставления “базиса” “надстройке”, а в смысле их динамичного единства, где одно без другого невозможно — культура есть исток и результат бытия, а производство — исток и результат культуры. Вот как раз единство этих “противоположностей” и делает возможным рывок от манипуляций веществом к овладению тайнами производства, хранения и использования энергии. Эти тайны обретаются далеко за пределами простого чувственного восприятия, они скрываются равно как в цифрах, формулах и расчетах, так и в природных источниках, в которых за “видимостью” были открыты “сущности”. Ветер, вода, мускульная сила и механизмы, их использующие, были известны еще на первых порах технических устройств. Но сила пара, электрические цепи, радиосвязь, телефон, динамит и мощная артиллерия, и вообще оружие, способное погубить все живое на земле, — это невиданные возможности, представляемые послушной энергией в руках человека, руки которого перестали быть главным орудием производства. Им стала “голова”, то есть наука и основанная на науке техника. Именно эта “сладкая парочка” перекроила на свой манер и лад весь мир, который был таким “милым и уютным” до торжества индустрии и мегаполисов. Она же привела к гегемонии технократизма, дегуманизации, выбиванию из “проекта модерна” естественного света разума, единства истины, добра и красоты и прочих мерехлюндий. Итогом стали мировые войны и исчерпание прямолинейной веры в прогресс, модерн и всемогущество человека. В науке произошли сдвиги к неклассическим

Трансдисциплинарность
в философии
и науке

**Андрей
Александрович
Воронин**

парадигмам в физике, логике и философии. В культуре это время называют декадансом. В идеологии это время расцвета неоконсерватизма.

Вчерашняя и отчасти сегодняшняя эпоха — время преобразований Информации. Характерно, что для нее нет до сих пор бесспорного определения, хотя она и лежит в основе производств, профессий, образов жизни, войны, развлечений, коммуникаций, образования, и говорят, что даже искусства (которому также уже нет общепринятого определения). Информация подчиняется не детерминистским законам, как вещество и энергия, описанием информационных событий становятся вероятностные и синергетические методы, строгость которых сравнима разве что с их неопределенностью. Неслучайно понятийная неразбериха, нелогичная “логика” жизни, неотличимость информационного мусора от информационных сокровищ, отсутствие общих правил и законов, хаотизация обществ и упадок институтов, и многое другое из этой же колоды, — обобщаются в слове постмодернизм. Идеологическая невнятица, употребление в пищу жизни ранее совершенно несъедобных материалов, деградация нормативной и

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

ценностной регуляции — всего и не перечить — возможно, связаны именно всеядными смыслами информации как носителя чего угодно, и это все что угодно परिवаривается культурой как питательная среда, заполняет органы и части духовного производства, и в качестве продукта жизнедеятельности, простите за выражение, выделяет высоты и низменности “современного искусства”. Постмодернизм — это апофатическое определение, в этом его удобство — оно ничего никому не навязывает. И в этом же его принципиальная порочность — оно бессодержательно, оно даже границ своих не определяет и не обороняет. Понятное дело, такая идеология носит сугубо временный характер. Непонятно, что придет ей на смену, какие интеллектуальные ресурсы могут быть мобилизованы для позитивных “проектов”.

Предсказания, да еще основанные на детерминистских подходах, дело очень сложное, но в пределах предыдущих эпох они были, по крайней мере, теоретически возможны — поскольку напрямую были связаны с возможностями и пределами своих оснований. Жилище невозможно построить из воздуха, оружие имело ограниченное пространство использования, ремесла жестко были связаны со свойствами материалов и т.д. То же самое с энергией — невозможно получить бесконечно возобновляемые источники энергии, свойства энергоносителей накрепко связаны с природным субстратом. Даже в случае с информацией, куда более сложной и непредсказуемой основой технических манипуляций: какие-то рамки угадываются — это коммуникативные потребности и возможности людей и их сообществ. Но когда мы стоим на пороге следующего этапа, а может быть, вернее сказать —

эпохи, моделирования мышления, то здесь таких пределов не видно.

Нейронаука & нейротехнология — как говаривал в свое время К. Маркс про коммунизм: “это не будущее состояние общества, а реальный исторический процесс”. Неважно, что пока делаются только первые шаги в овладении тайнами мышления, работы мозга, создании аналогичных человеку технических устройств. Важно то, что уже есть площадка на которую уже поставило ножку “общество знания”, что уже произошли существенные сдвиги, как в проблемном поле, так и в организационном строении институций, имеющих дело с практически непредсказуемым предметом воздействия — мозгом⁴. То есть будущее уже наступило, но мы пока не можем про него сказать, как оно устроено, какими силами управляется и какими последствиями манит. А главное — грозит. Ясно, что это будущее потребует от человека и от общества (или сообществ, если говорить приземленнее) совершенно нового уровня самоорганизации, новых позитивных программ, новых оснований солидарности и согласия. Потребуется не столько защита человеческой природы от бесконтрольного “совершенствования”, сколько высветивание пределов, в которых допустимы и желательны интервенции в биологическую и личностную жизнь человека. И видимо появятся новые ментальные средства для описания и объяснения работы нейронной субстанции, новые приборы и новые принципы, на которых будут действовать эти приборы. Квантовые компьютеры, биороботы, наномашинны, генные технологии могут существенно изменить сегодняшние представления о методах науки и технологий. Поскольку в саму ткань и предмета, и метода науки включены нормативные элементы — напомним,

⁴ Последние результаты в исследовании мозга обобщены в материале “Лабиринты сознания, кладовые памяти”, интервью с чл.-кор. РАН К. Анохиным // Человек. 2014. № 2, 4.

речь ведь идет о манипулировании человеческим организмом, — потребуется новый остов нормативного мышления. Ценностные доминанты, придающие смысл всему дереву нормативности, должны будут, по всей вероятности, ориентированы на новые интерпретации базовых структур человеческого бытия. Разумеется, дисциплинарная организация науки претерпит существенные реорганизации, и трансдисциплинарность займет видное место в составе научного знания.

Мне хочется предложить термин “постконсерватизм” для идеологической доктрины, вероятной, востребованной и оправданной грядущими колоссальными рисками и перспективами, в которой будет разработан позитивный кодекс возможного и невозможного в имитации человека, его природы и его самости. Не звать назад к традициям, не ограждать человека от нового, а предлагать просторы для нововведений, опоясанные гуманизмом и безопасностью человеческого рода — вот как мне видится его самый общий абрис.

Литература

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 118.
2. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФРАН, 2009.
3. Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук / Под ред. Б.М. Кедрова, П.В. Смирнова, Б.Г. Юдина. М.: Наука, 1981.

4. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980.

5. Научная деятельность. Структура и институты / Под ред. Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1980.

6. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988.

7. Петров М.К. Когнитивно-лингвистические аспекты дисциплинарной организации научной деятельности // Дисциплинарность и взаимодействие наук. М.: Наука, 1986.

8. Петров М.К. Природа и функции процессов дифференциации и интеграции в научном познании // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М.: Наука, 1981.

9. Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. М.: Наука, 1992.

10. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Издательский дом “Навигатор”, 2015.

11. Хайдеггер М. Наука и мышление. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Nauka.php.

12. Юдин Б.Г. Редактирование человека // Человек. 2016. № 3. С. 5–19.

13. Pohl C., Hadorn G. Principles for Designing Transdisciplinary Research. Seiten, München, 2007.

14. Nowotny H., Scott P., Gibbons M. Re-Thinking Science. Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty / PolityPress, 2001. P. 1.

Трансдисциплинарность в философии и науке

(Продолжение в следующем номере)

© 2016 Материал подготовил С.М. МАЛКОВ

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Мануильский Максим

Анатольевич — кандидат философских наук, заместитель главного редактора журнала “Человек”, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: manuil'skiy@mail.ru

¹ Смена “целевой аудитории” террористов — тоже во многом результат антропологических процессов, связанных с “восстанием масс” (в терминологии Ортеги-и-Гассета), но это — особая тема.

² Автор, разумеется, далек от мысли включать “розыгрыши” подростков в предметное поле анализа терроризма. Эта проблема требует специального рассмотрения.

20

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ТЕРРОРИЗМА

© 2016

М.А. Мануильский

Терроризм по-прежнему остается одним из главных вызовов современности. Между тем отсутствует общепризнанное понимание данного феномена, что, по мнению многих политиков, представителей спецслужб, экспертов, затрудняет эффективное противодействие терроризму. Цель данной статьи - проанализировать возможные причины отсутствия единства в данном вопросе и попытаться предложить определение терроризма, которое бы прояснило некоторые его важные сущностные характеристики, связанные, прежде всего, с культурно-антропологической составляющей.

Первая причина лежит на поверхности — множество конкретных манифестаций терроризма. Любая террористическая акция сопровождается самопрезентацией ее организаторов/исполнителей, “взятием ответственности на себя” — от прокламаций народовольцев до роликов ИГИЛ в социальных сетях. Без соответствующих деклараций насильственные действия могут восприниматься обществом как банальное уголовное преступление, а это подрывает имидж террористов как борцов за идею и затрудняет решение главной задачи — устрашения людей, будь то представители правящей элиты, как в программе “изобретателя” народовольческого террора Николая Морозова, документах “Секретной вооруженной организации” во Франции и Алжире конца 1950-х—начала 1960-х годов или широчайшие массы аудитории СМИ, как у современных террористов¹.

Когда налицо хоть какие-то признаки терроризма, спецслужбы, правоохранители действуют согласно заранее выработанным инструкциям. Если поступает звонок, что в школе заложена бомба, то, скорее всего, это попытка сорвать контрольную по математике, и тогда задействуется один план. Если же поступает сигнал о захвате в той же школе заложников, реализуется иная программа действий. Другими словами, самоманифестация террористов в определенной мере демотивирует отвлеченное теоретизирование в этой области². Практика (реак-

ция на случившееся) здесь важнее любого академического спора о понятиях.

Второе важное обстоятельство связано с существованием государственного терроризма, то есть систематического неизбирательного или почти неизбирательного использования внесудебных или квазисудебных (а чаще — псевдосудебных) насильственных мер аппаратом государственной власти с целью того же устрашения населения³. Делается это институцией, которой “по определению” вменяется борьба с терроризмом. Чтобы отличать “государственный терроризм” от сходных действий “нелегитимных” организаций, его иногда называют не “терроризмом”, а “террором”.

Исследование этой стороны вопроса наталкивается на дополнительные трудности. Дело даже не в опасении интеллектуальной элиты, что критика может не понравиться властям предрержащим. Главная проблема — как “теоретически” и нравственно совместить практику государственного неизбирательного насилия с императивом борьбы с терроризмом. Для России это особо чувствительная тема. Красный и белый террор⁴, репрессии 30–50-х годов [11], пресловутая 58 статья Уголовного кодекса РФ, предусматривавшая привлечение человека к ответственности за “терроризм”⁵, многочисленные жертвы среди мирных жителей Афганистана в результате целенаправленных обстрелов — все эти события неоднозначно оцениваются массовым сознанием, что неизбежно отражается на отношении к современным политическим реалиям.

Справедливости ради надо сказать, что существует опыт гражданского примирения даже после мощнейших всплесков “взаимного террора”. Опрос общественного мнения, проведенный спустя двести лет после Великой Французской революции, показал, что французы вняли таки завету Наполеона, который, став Первым консулом, призвал страну покончить с противостоянием якобинцев и роялистов: ни красных колпаков, ни красных каблучков⁶. Спустя двести лет большинство французов считают, что пора перестать искать правых и виноватых в революции [12]. Следует также вспомнить и уникальный опыт послевоенной Германии с ее общенациональным покаянием и осознанием коллективной ответственности за преступления нацистского режима.

Вопрос о правомерности государственного насилия, в масштабах и формах граничащих с терроризмом, может быть задан многим странам: США (массовое уничтожение мирных жителей Вьетнама), Турции (геноцид армян), Демократической Кампучии (массовые репрессии во времена Пол Пота), Чили (репрессии в период диктатуры Пиночета), Украине (гибель мирных жителей в Донецкой и Луганской областях), некоторым странам Африки и др.

Проблема здесь не только в том, что нынешние власти должны признать прошлые преступления и осудить их. Не ме-

³ Здесь возможны и своего рода “переходные формы” вроде печально знаменитых “эскадронов смерти” или, более мягкие, но и более массовые практики, — действия групп активистов проправительственных организаций, чаще молодежных, осуществляемые при попустительстве или даже с одобрения правоохранительных органов.

⁴ По своим масштабам Белый террор не сравним с Красным террором, но он также имел “государственный” характер, поскольку санкционировался и оправдывался властями территорий, подконтрольных антибольшевистским силам.

⁵ 1 декабря 1934 года ЦИК СССР принял постановление о внесении изменений в действующие УПК республик, касающиеся дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти, предусматривающие ускоренное (до десяти дней) рассмотрение подобных дел. В редакции УК РФ 1938 года содержалась ст. 58-8. “Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации”.

⁶ Красные каблучки — символ аристократии, красные колпаки — символ санкюлотов.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Казнь
Максимильяна
Робеспьера.
28 июля 1794 года

нее важно осознать — где заканчивается насилие как необходимая функция государства и где начинается терроризм как попытка целенаправленно унижить, растоптать человека. Это осознание должно быть закреплено в четких и однозначных формулировках.

В целом же проблемы терроризма и борьбы с ним имеют солидную теоретическую базу. Тема начала разрабатываться еще в дореволюционной России, правда, главным образом в лично-биографическом плане [5]. В советское время феномен исследовался, прежде всего, в связи с революционным движением. В силу идеологических причин даже в серьезных трудах образ террористов был овеян ореолом борцов за свободу [14]. В постсоветских источниках налицо уход от идеологических клише и стремление представить историю терроризма в России многопланово [1].

Три чеченские компании породили огромное количество публикаций, посвященных терроризму. Их число в ситуации усиления борьбы с международным терроризмом только нарастает [7; 8]. Ведущее место занимают исследования криминологического и уголовно-правового характера [2; 6; 16]. Это и понятно: терроризм является преступлением, а в более широком плане — разновидностью отклоняющегося поведения. При всей значимости такого подхода, наличии огромного количества продуктивных наработок надо отдавать себе отчет в том, что некоторые существенные моменты остаются “за кадром”. Уголовно-правовая сфера представляет собой тщательно регламентированную институцию. При анализе терроризма на него вольно или невольно накладывается “институциональная логика” (преобладание структурно-функциональных, статусно-ролевых схем, иерархических моделей, жестких причинно-следственных описаний и т.п.). Между тем по своей природе терроризм как

раз нацелен на разрушение существующих институтов. Говоря философским языком, он стремится упразднить традиционную рациональность и утвердить новый порядок вещей.

Исторический опыт свидетельствует, что “новый порядок”, следующий за разрушением устоев, анархистской вольницей нередко оборачивается тоталитарным режимом. Но в данном случае важно подчеркнуть: в своем зарождении терроризм внеинституционален и потому наиболее продуктивным представляется культурно-антропологический и экзистенциалистский взгляд на проблему. Такой подход акцентирует внимание на *имманентных* факторах жизнедеятельности субъекта, на проявлении человеческой природы. Этой стороне дела в литературе пока не уделяется должного внимания. Достаточно хорошо исследована проблема психологических механизмов терроризма [15]. Что касается глубинных побудительных причин, то здесь нельзя пройти мимо работ Ханны Арендт, в частности, ее концепции “банальности зла” [3]. Это очень убедительное исследование, однако на его основе трудно объяснить один важный момент — фанатизм и радикализм террористов. Существенный эвристический потенциал содержит идея повреждения человеческой природы. В христианстве оно связывается с грехопадением человека. Есть и светская/художественная версия — “бесовщина”, “подпольный человек” (Ф. Достоевский). Обозначенный сюжет разрабатывается отечественными философами и культурологами [4;10]. В рамках культурно-антропологической парадигмы выполнена и данная работа.

В действующем Уголовном кодексе России терроризм определяется следующим образом (ст. 205): “Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях”. Ответственность — лишение свободы на срок от пяти до десяти лет⁷. Нетрудно заметить, что приведенная формулировка строится на *перечислении* террористических действий.

Основополагающим документом в борьбе с терроризмом, в том числе с международным, является резолюция № 1373 от 28 сентября. В резолюции подчеркивается, что: методы и практика терроризма противоречат целям и принципам Организации Объединенных Наций; терроризм — серьезный вызов и угроза международной безопасности. Отмечается тесная связь международного терроризма и транснациональной организованной преступности, незаконным оборотом наркотиков, отмыванием денег, незаконным оборотом оружия и незаконными перевозками ядерных, химических, биологических и других потенциально смертоносных материалов.

М. Мануильский
Культурно-антропологические доминанты терроризма

⁷ Национальное законодательство в этой области, как и ведомственные регламенты постоянно модернизируются; одна из последних новаций - принятый Государственной думой и одобренный Президентом “пакет Яровой”, призванный ужесточить контроль в сфере мобильной связи.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

В резолюции содержится призыв обеспечить привлечение любого лица, принимающего участие в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов или в поддержке террористических актов к судебной ответственности.

Предлагается обмениваться информацией в соответствии с международным правом и внутригосударственным законодательством и сотрудничать в административных и судебных вопросах в целях предотвращения совершения террористических актов и т.д.

Данный текст — при всей его важности и обстоятельности — также имеет дескриптивный характер и не содержит аналитического определения терроризма.

Аналогичная ситуация и в собственно теоретических построениях. Приведу два взятых наугад из Интернета определения. *Терроризм* — политика, основанная на систематическом применении террора; *терроризм* — политика и тактика террора, то есть совокупность особо жестких форм и средств политического насилия. Эти, как и большинство предлагаемых определений, имеют два серьезных недостатка: во-первых, наличие удвоение сущности — феномен характеризуется через явление (насилие), само требующее объяснения; во-вторых, внимание акцентируется на особой жестокости действий террористов. Между тем история, к сожалению, содержит множество античеловеческих поступков массовых насильственных действий, не имеющих отношения к терроризму.

По мнению автора, *терроризм* — действия индивида или группы лиц, направленные на устрашение других людей, подчинение их своей воле в целях установления порядка, декларируемой идеологией (приверженцами которой являются террористы); при этом используются методы, выходящие за рамки принятых в данном сообществе способов разрешения конфликтов, прежде всего психологическое, моральное и физическое насилие, имеющее конкретно-не-избирательный характер, то есть объектом и жертвой которого являются случайные люди.

Несколько важных пояснений. Главной целью терроризма/террористов является устрашение других людей, подчинение их воли, ограничение способности к самостоятельной продуктивной деятельности, то есть, в конечном счете, подавление их *человеческой природы*. Терроризм выступает результирующей нескольких факторов — психологических, политических, социально-экономических, религиозных, этнических. Каждый из них может стать пусковым механизмом террора. Но в основе терроризма лежит деформация человеческой природы самих террористов и попытка растоптать, подавить человеческую природу как можно большего числа людей. Сковать человеческую свободу, стереть в сознании людей границы между добром и злом, жизнью и смертью — главная задача террористов. Попутно заметим, что установление тесной эмоциональной связи

М. Мануильский
Культурно-
антропологиче-
ские доминанты
терроризма

Убийство Авраама
Линкольна.
Литография. 1865

между террористами и заложниками (так называемый Стокгольмский синдром) также можно тоже рассматривать как стирание границ между добром и злом.

Само по себе насилие, как уже отмечалось, не является исключительным признаком терроризма — оно присутствует столько, сколько существует общество. В литературе нередко высказывается мнение, что терроризм представляет собой “нелегитимное насилие”, “безадресное насилие”, “насилие, выходящее за рамки правового поля”, “особо жестокое”, “бессмысленное” и т.п. Все эти атрибуты действительно имеют место. Но поскольку речь идет о подавлении воли, деформации человеческой природы, наибольшее воздействие на людей оказывает использование методов и средств, выходящих за рамки культуры данного сообщества, демонстративно противостоящих ей. Избиение младенцев по приказу царя Ирода считалось во все времена варварским актом, а “выбраковывание” физически неполноценных младенцев воспринималось жителями древней Спарты как норма. Убийство “кровника” в этнических группах, придерживающихся закона “кровной мести”, не приведет соплеменников в ужас, но превращение горного села в груды камней с помощью установки “Град” надолго оставит в сознании народа травмирующую память.

Ощущение ужаса, вызываемого тотальным, ничем не ограниченным насилием, можно сравнить с чувствами, которые пытался передать Константин Симонов в стихотворении, написанном к очередной годовщине начала Великой Отечественной войны:

Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не вериться, что живы.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Покушение
Дмитрия
Каракозова на
императора
Александра II.
Рисунок. 1866

Придание насилию легитимного статуса, естественно, снижает сопротивление ему и переводит насилие в представлениях людей из события экстраординарного в разряд не очень приятной, но повседневности. Подчеркнем еще раз: терроризм — *радикальный* способ разрешения конфликтов⁸. Мера этого радикализма определяется степенью несоответствия используемых методов допустимым для данного сообщества способам выхода из конфликтных ситуаций. Именно вызывающе-демонстративное применение насилия порождает у людей (в том числе, vlastей) ужас, парализует их волю, приводит в состояние ступора.

Другая отличительная черта терроризма — конкретно-не-избирательный характер насилия. Проще говоря, главным его объектом и жертвами выступают случайные люди. История терроризма содержит немало фактов целенаправленного выбора «объектов». Планомерное гильотинирование якобинцами представителей аристократии (а затем и самих якобинцев); прицельная охота боевой группы эсеров на царских сановников; захват палестинскими террористами израильских спортсменов на Олимпиаде 1972 года... Список можно продолжить. Но в этих и подобных случаях жертвы определялись из соображений достижения желаемого эффекта, а, не исходя из личностных или каких-либо иных качеств людей, попавших под каток терроризма. Если угодно, идеология (идея) для террориста — все, жертва — ничто.

Конкретно-не-избирательное насилие присуще также войне, то есть санкционированным легитимными властями насильственным действиям. В чем отличие военного насилия от террористического? Во-первых, речь идет об институционализированном насилии, то есть о действиях властных структур, организованных с определенными целями и задачами, оправданными в правовом, юридическом и морально-нравственном отношениях⁹. Во-вто-

⁸ В данном случае за скобками остается чрезвычайно важная тема — типология конфликтов. Так, пусковым механизмом действий террористов-одиночек, как правило, является внутриличностный конфликт.

рых, институциональная природ легитимных военных действий является источником конкретно-не-избирательных действий военнослужащих; они (действия) детерминируются внешним для индивида принуждением — боевыми задачами, соответствующими приказами командования. Немаловажную роль играет присяга военнослужащего, причем, поскольку последняя — социально одобряемый акт, невыполнение приказа считается более тяжким преступлением, чем нарушение присяги.

Исторический опыт свидетельствует: военные действия сопровождаются множеством варварских акций. Но в основе конкретно-не-избирательного насилия военнослужащих лежит логика решения военно-политических задач, а не идея насилия ради насилия.

По характеру насилия терроризм отличается и от криминальных преступлений. В последнем случае насилие имеет конкретно-избирательный характер, хотя жертвами преступников могут часто быть случайные люди. Криминальные преступления носят мотивационно-адресную направленность: обогащение путем “экспроприации” имущества конкретных лиц и организаций, межличностный конфликт (ревность, месть, личная неприязнь), культурно-мировоззренческое противостояние (соперничество футбольных фанатов, межконфессиональные конфликты на бытовой почве, внутриселенческое столкновение “своих” — “чужих”, межрегиональный конфликт коренных жителей с мигрантами), религиозные распри (борьба между приверженцами “истинного” понимания вероучения и “еретиками”). Во всех этих и подобных случаях у насилия есть *конкретный* адресат (пусть и обезличенный), а возможные жертвы среди оказавшихся поблизости людей являются случайными.

Одно из основополагающих свойств человеческой природы — способность продуцировать смыслы, рефлексировать по поводу предельных оснований своего бытия. Эта тема подробно развита В.С. Степиным в его теории культуры как системы надбиологических программ [9]. Среди соответствующих конструкций первостепенная роль принадлежит представлениям о жизни и смерти, добре и зле. Эти экзистенциально-мировоззренческие константы образуют матрицу любых человеческих действий — даже если действия не требуют непосредственного обращения к упомянутым конструктам. Любой человеческий поступок, предполагающий выбор, в конечном счете, сталкивается с дилеммами “жизнь и смерть”, “добро и зло”. Разумеется, повседневность состоит из рутинных поступков, не предполагающих экзистенциального выбора. Но это только поверхностный слой. Уже, казалось бы, простой житейский вопрос — покупать ли дешевые генно-модифицированные продукты или экологически чистые, но дорогие? — заставляет человека выстраивать иерархию ценностей.

В чем причина деформации человеческой природы террористов, выражающаяся в стирании границ между добром и злом,

М. Мануильский
Культурно-антропологические доминанты терроризма

⁹ Террористические силы, пришедшие к власти, также легитимизируют практикуемое ими насилие. Но это тема отдельного разговора.

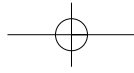
Покушение на эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево 28 июля 1914 года. Рисунок

лию или в силу обстоятельств оказались не те. Эта легенда выглядит правдоподобной до тех пор, пока перед человеком не поставлен конкретный вопрос — ты на стороне палачей или на стороне жертв? Другое объяснение носит романтически-утопический характер и пытается представить возможное зло как некий сопутствующий фактор в общем процессе утверждения добра. Эта позиция представлена знаменитыми словами из “Фауста”: “Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо”. Контраргумент также позаимствуем из области искусства: “Поверьте историку: осчастливить против желания нельзя” — мудро заключил один из главных героев фильма “Покровские ворота”.

Наиболее распространено объяснение — добро и зло в силу каких-то причин поменялись местами. Например, один из главных вдохновителей яacobинского террора — Марат — неожиданно становится Другом народа. И народ долго с этим соглашался.

Смена системы ценностных ориентаций, перекодировка каких-то идеологем с плюса на минус и обратно встречается довольно часто, особенно, если изменению предшествовала мощная идеологическая компания. Однако, по нашему мнению, кардинально поменять местами добро и зло, а уж тем более, жизнь и смерть невозможно. Это абсолютные константы. Можно попытаться лишить их универсальности и локализовать (теоретически или на практике) в каком-то элементе жизненного мира — социально-классовой структуре, национальной, конфессиональной идентичности и т.д. Соответственно, возникает соблазн или осознанная установка представить этот элемент жизненного пространства *единственным* полем борьбы добра и зла, жизни и смерти или в более понятных простым людям терминах “истины” и “лжи”, “справедливости” и “несправедливости”, “своих” и “чужих”.

между жизнью и смертью? Почему ради достижения поставленных целей допустимо пренебрегать человеческими жизнями? Разве вдохновители и исполнители яacobинского террора не руководствовались идеалами Свободы, Равенства, Братства (то есть не выступали на стороне Добра?). Довольно часто объяснить ситуацию пытаются следующим образом: цели, де, благородные, но вот средства их достижения по недомыс-

Подобные перекалибровка, “скукоживание” универсалий и представляет собой деформацию человеческой природы. Кстати, их уплощение выступает одним из источников радикализма — ведь универсальное содержание необходимо втиснуть в новые, более узкие рамки. Близкую точку зрения в свое время высказал Макс Шелер: «“Зло” начинается с сознательного *раскрепощения* импульсов влечений и самих влечений (*non pop fiat*), которые с очевидной вероятностью реализуют низшие (по модальности) блага вместо высших» [цит. по: 9].

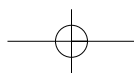
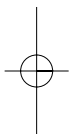
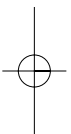
Признаки деформации человеческой природы можно усмотреть в действиях террористов-наемников и шахидов. Однако война за деньги, действия террористов-смертников — это отдельные темы.

Предлагаемые заметки носят идеально-типический (в веберовском смысле) характер. Автор рассматривает изложенные выше соображения как программу дальнейших исследований в контексте современных теории и практики борьбы с терроризмом.

Литература

1. Агеджян Э.М. Историко-правовой анализ терроризма в России как негативного социального явления // Молодой ученый. 2014. № 3.
2. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998.
3. Арндт Х. Банальность Зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.
4. Бачинин В.А. Старорусский бунт 1831 года, “ресентимент” М. Шелера и “подполье” Ф. Достоевского // Человек. 2011. № 4.
5. Брешко-Брешковская Е.К. Из моих воспоминаний. СПб., 1906.
6. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
7. “Исламское государство”: сущность и противостояние. Аналитический доклад / Под общ. Ред. Я.А. Амелиной и А.Г. Арешева. Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015.
8. Кожушко. Е. П. Современный терроризм: анализ основных направлений. Минск: Харвест, 2000.
9. Малинкин А.Н. Любовь и радость в философии Макса Шелера // Человек. 2016. № 4.
10. Могильнер М. Мифология подпольного человека. Радикальный микрокосм России в начале XX века как предмет симеотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
11. Реабилитация. Политические процессы. 30–50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: Политиздат. 1991.
12. Согомонов А.Ю. “День гнева... день скорби”. Ресентимент и ригоризм сегодня // Человек. 1991. № 4.
13. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.
14. Троицкий Н.А. “Народная воля” перед царским судом. 2-е изд., доп. Саратов, 1983.
15. Эфиров С.А. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 2005. № 5.
16. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика М.: Юрлитинформ, 2002.

М. Мануильский
Культурно-антропологические доминанты терроризма

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Гребенщикова
Елена
Георгиевна** —

доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент кафедры биоэтики Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова. В журнале «Человек» в соавторстве с Л.П. Киященко опубликовала статью «Молекулярный век — «окраина вечности?»» (2014. № 3). E-mail: aika45@ya.ru

Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ; проект № 15-18-30057.

30

ПРОЕКТЫ УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ТЕЗИС ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕИЗБЕЖНОСТИ

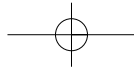
© 2016

Е.Г. Гребенщикова

Проблема улучшения человека все больше привлекает внимание философов, социологов, специалистов по биоэтике и представителей других смежных дисциплин. В широком смысле улучшение человека можно определить как изменение внешности, тела или способностей, которое достигается с помощью лекарственных средств или технологических вмешательств в организм. Исследователи нередко разграничивают «сильные» формы усовершенствования с долгосрочными либо постоянными результатами и формы «временные», обеспечивающие краткосрочные изменения.

Многое из того, что теперь рассматривается как улучшение человека, первоначально возникло в сфере биомедицины и было нацелено на решение терапевтических задач. Наиболее известный пример, который приводит американский футуролог Ф. Фукуяма в работе «Наше постчеловеческое будущее» [5], — использование в нетерапевтических целях препаратов «риталин» и «прозак». В настоящее время «риталин» и сходные с ним по фармакологическим свойствам препараты, став синонимом «умных таблеток», активно используются студентами разных стран для повышения когнитивных способностей и концентрации внимания при подготовке к тестам и экзаменам. Примерно та же ситуация складывается с «прозаком» и его аналогами, которые нередко рассматриваются как средства решения проблем социальной коммуникации и повышения самооценки.

Другой пример — пластическая хирургия, которая стала одним из методов следования моде. Так, развитие азиатской ринопластики (хирургическая коррекция носа), отражая влияние западной культуры на представления о красоте [13], уступает в Азии по популярности среди косметических хирургических процедур разве что блефаропластике (хирургическая коррекция век) [12]. Вместе с тем возникает все больше улучшающих препаратов и технологий, изначально ориентиро-

ванных на нетерапевтические цели. Вероятно, такая тенденция будет постепенно усиливаться и в той или иной степени подтверждать идеи неизбежности технологического улучшения человека.

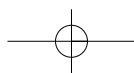
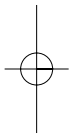
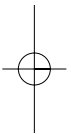
Тезис неизбежности

По мнению Фр. Бейлис и Дж. Роберт, технологии генетического улучшения человека неизбежно повторяют путь, который прошли косметическая хирургия, трансплантация органов и операции по изменению пола. Резюмируя подходы ряда авторов, можно сказать, что «генетические технологии неизбежны — и даже желательны, — потому что они обещают обеспечить здоровье, успех, благосостояние и счастье, особенно для тех, кто в настоящее время находится в неблагоприятном положении» [7].

Тезис технологической неизбежности в генетике во многом согласуется с установками технологического оптимизма в реалиях «века биологии». «Отец» водородной бомбы Э. Теллер в середине XX века утверждал, что «ученый — а тем самым также и человек техники — «должен применять то, что он понял», и «при этом не ставить себе никаких границ»: «что можно понять, то следует также и применять»» [2]. В этой метаморфозе кантианского принципа «должен — значит можешь» Х. Узбекхан видит триумф технологии и переход к принципу «можешь — значит должен» [18]. Технологический императив — суждение, в соответствии с которым все то, что становится технически осуществимо, неизбежно будет реализовано [6], — возник в период действительно триумфального развития физических наук и инженерии. Полет человека в космос, разработка точных атомных часов, развитие технологий коммуникации хорошо демонстрируют направленность науки прошлого столетия. Надежды нового века не в последнюю очередь связаны с решением множества проблем в сфере здравоохранения, в том числе и с помощью «омикс»-технологий (комплекс технологий геномики, протеомики, транскриптомики и др.), которые вполне могут открыть перспективы «дивного нового мира», одновременно манящего и пугающего неизвестностью последствий. (Данная тема нашла отражение в технофутуристических сценариях фильмов «Гаттака», «Бегущий по лезвию», «X-men».)

Генетика, будучи в авангарде высокотехнологичной медицины, демонстрирует тенденцию, которую в более широком контексте Б. Хофманн связал с технологическим императивом в медицине [10]. Трактовка последнего несколько выходит за рамки рассматриваемого контекста, но представляет интерес в более широкой теоретической перспективе. По мнению исследователя, технологический императив в медицине нередко предстает в виде *технологического монстра*. Речь идет о мета-

Е. Гребенщикова
Проекты
улучшения
человека

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

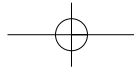

форическом объяснении технологического императива, которое демонстрирует угрозу новых технологий автономии человека. При этом возможны персонификация образа (чудовище Франкенштейна) или придание ему самостоятельного онтологического статуса. Технологический императив также может объясняться *недостатками природы человека*. В данном контексте целесообразно обратиться к пяти характеристикам, которые, как утверждает Э. Касселл, способствуют автономному росту технологий [9]:

- технологии обращены к человеческому любопытству, завораживают человека и удовлетворяют его потребность в удивлении;
- человеку необходимы факты и немедленные результаты, которые могут обеспечить диагностические исследования, тесты, анализы и т.п. С этой точки зрения технологии идеально соответствуют намерению не только пациента, но и врача получить ответ здесь и сейчас. Кроме того, результаты лабораторных анализов и других диагностических процедур нередко расцениваются как прямой доступ к области заболевания — на первый план выходят не врачебное мастерство или интуиция, а набор готовых данных;
- технологии отвечают стремлению человека к определенности. Случаи сложного выбора характерны для медицины, где технология может выступать способом решения или ухода от дилеммы;
- технологии используются, чтобы избежать неопределенности и подтвердить правильность выбора и действий;
- технологии привлекают своими возможностями, они открывают новый потенциал для действий, тем самым удовлетворяя стремление к власти. Объяснение технологического императива в медицине с позиции недостатков природы человека неизбежно приводит к выводу о дальнейшей технологизации данной сферы.

Широкое применение технологий в здравоохранении связано и с таким пониманием императива, как *общая вера в технологию*. Существует твердая установка: качество медицинских услуг должно повышаться за счет применения технологических инноваций. Пациенты удовлетворены, если им предлагают пройти МРТ, КТ, ПЭТ, а также лечение с помощью новейших методов хирургии, и выражают недовольство в случаях, когда рекомендуется изменить диету или заняться физическими упражнениями. Необузданный оптимизм по отношению к технологиям приводит к переоценке степени контроля и недооценке негативных побочных эффектов. Всеобщая вера в технологии тесно связана с мифом о прогрессе: последний является самоцелью, технологии же — его необходимый атрибут. Став символом прогресса и культуры, технологии оказались настолько социально усвоенными, что практически не возникает повода поразмышлять над ними. Эта же вера привела к ситуациям,

когда проблема предполагает “поиск технологического решения”, а технологии стали частью “медицински ритуализованного оптимизма”.

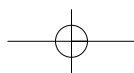
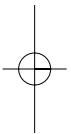
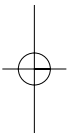
Еще одно измерение технологического императива в медицине — *несоответствующая оценка*, то есть принятие той или иной новой технологии прежде, чем будет доказана ее безопасность или эффективность. Безусловно, это не означает, что в сфере здравоохранения отсутствуют механизмы и структуры, нацеленные на защиту здоровья пациента. Однако, исходя из интересов пациента, надо констатировать: новые возможности диагностики, терапевтической и даже паллиативной помощи не всегда лучше уже имеющихся и достаточно опробованы в практике, но, как правило, более дорогие. Соответственно одна из особенностей технологического императива в медицине — это описание технологий в пространстве, которое определяют интересы компаний, политиков и врачебного сообщества. Правда, они не всегда учитывают главное — результат для пациента.

Другой вариант трактовки рассматриваемого императива в медицине — *технологическое установление болезни*. Утверждая, что технологии конституируют понятие болезни, Б. Хофман исходит из того, что они применяются для постановки диагноза, влияют на объяснительные модели болезни и медицинскую систематику [11]. Соответственно выявление, лечение и постижение ишемии миокарда или гиперхолестеринемии оказывается тесно связанным с возможностями технологического оснащения медицины. И наконец, *мотивы для применения технологий в медицине*. При таком понимании технологического императива мотивы могут связываться с различными интересами — экономическими, профессиональными, промышленными — на разных уровнях системной организации здравоохранения.

Неизбежность развития генетических технологий

Утверждая неизбежность развития практик генетического улучшения, Фр. Бейлис и Дж. Роберт основываются на ряде предпосылок [7]. Первая из них — приверженность современного общества ценностям капитализма. Если вопрос безопасности той или иной технологии не вызывает сложных проблем, то остальные вопросы сводятся к коммерческой рентабельности. А в условиях глобального рынка экономические интересы ведут к решению проблемы запретов — то, что ограничено или запрещено в одной стране, может разрабатываться и применяться в другой. По мнению А. Корсани, главная метаморфоза современного капитализма связана с новыми отношениями между капиталом, знанием и жизнью, в которых «развеиваются последние малейшие иллюзии об автономии

Е. Гребенщикова
Проекты
улучшения
человека

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

науки (от капитала). Теперь впору говорить о биотехнонауке, стирающей грани между наукой и политикой, наукой и обществом, наукой и культурой. Отношения “знание — сила” (Фуко), являющиеся сущностью научной практики, сегодня оказываются тесно связанными с самими отношениями производства и конфликтами, их пронизывающими. Технологии, лежащие в основе нового капитализма, — это технологии генетические, био-, а также коммуникационные технологии, технологии видения и восприятия, и информационные технологии образуют с биотехнологиями различные гибридные формы» [3]. Чтобы акцентировать центральное положение наук о жизни, К.С. Раджан предложил термин “биокапитализм”, подчеркивая, что перемещение капитала в сферу этих наук является явным признаком новой фазы капитализма [19].

Другая причина — влияние транснациональных корпораций, коммерческие интересы которых могут быть очень значимы в глобальной конкуренции за влияние и доминирование на рынках “биокапитализма”. Симптоматично, что именно биотехнологическая транснациональная компания “Монсанто” по опросу (51% из 16 тыс. человек) портала “Naturalnew” в январе 2011 года стала “самой злой корпорацией” [15]. В противостоянии противников распространения продукции “Монсанто” и их сторонников тесно переплетается, как и во многих других социально значимых проблемах, множество переменных — социальное восприятие риска, проблемы безопасности и ответственности. Несмотря на отсылки к научным исследованиям о безопасности ГМ-продукции, общественность ряда стран выступает против использования ГМ-технологий в сельском хозяйстве, а публикации независимых исследователей инициируют не только общественные обсуждения, но и судебные разбирательства. Вот случай, произошедший не так давно в связи с публикациями профессора Ж.-Э. Сералини. В 2012 году журнал “Food and Chemical Toxicology”¹ опубликовал статью Сералини и соавторов, где приводились результаты влияния долгосрочного питания ГМ-кукурузой, устойчивой к раундапу, на крыс. Авторский коллектив констатировал, что животные, которые питались ГМ-кукурузой, в два — пять раз чаще заболели раком, в отличие от тех, которых кормили здоровым кормом. Результаты исследований вызвали большой общественный резонанс, а авторы публикации получили множество критических замечаний и обвинений в недобросовестном проведении исследований. В развернувшейся полемике Сералини утверждал, что “преступлением” является прежде всего бездействие властей, которые ни разу не инициировали долгосрочного, независимого и объективного исследования влияния ГМО на здоровье. В ноябре 2013 года журнал отозвал упомянутую статью [8]. Однако в 2014 году она была вновь опубликована в другом рецензируемом журнале —

¹ На русский название можно перевести как “Пищевая химическая промышленность”.

² На русский название можно перевести как “Европейская экологическая наука”.

“Environmental Sciences Europe”² [21]. А профессор в том же году получил премию “разоблачителя” (“whistleblower”) от Федерации немецких ученых и немецкой секции Международной ассоциации “Юристы против ядерного оружия”. В доводах противников ГМ-технологий присутствует слишком много утверждений, которые согласуются с мнением Фр. Бейлис и Дж. Роберт, о том, что экономические интересы транснациональных компаний нередко перевешивают в споре между “деньгами и здоровьем”.

Третий фактор развития практик генетического улучшения — влияние “необдуманного либерализма”, который приводит к молчаливому попустительству и культурному релятивизму. Установки либеральной идеологии, по признанию многих исследователей, стали краеугольным камнем в формировании биоэтики с ее важнейшим принципом “уважения автономии пациента”. Поставив под вопрос патернализм в медицине, сторонники автономии пациента зашли слишком далеко — в область, которая не считалась прерогативой даже врача (“Богу — Богово, а кесарю — кесарево”), не то что пациента, а стала в ряде стран вполне рутинной практикой добровольной эвтаназии. В какой степени либеральные установки способствуют утверждению “новых стандартов” в биомедицине — вопрос дискуссионный, однако особую остроту он приобретает в сфере, где биомедицинские инновации ставят под сомнение личную автономию и ответственность, естественную данность и “генетическую лотерею”.

Неизбежность генетических технологий также связывается с постоянным стремлением человека к знанию и созданию чего-либо. “Наш направляемый любознательностью, основанный на знаниях мир очарован технологией, и в нем руководящей является мантра — если это может быть сделано, это будет сделано, и поэтому мы должны сделать это первыми” [7]. Американский философ Дж. Нейсбит, в свое время раскрывая противоречие между “глубокой гуманностью” и “высокой технологией”, писал: “Отравленные соблазнительными технологическими удовольствиями и обещаниями, мы поворачиваемся спиной к последствиям использования технологии и удивляемся при этом, почему будущее стало столь непредсказуемым. Очень немногие из нас отличаются ясным пониманием того, какое место технология занимает (или должна занимать) в нашей жизни, какое место должна занимать она в обществе и — а это самый фундаментальный вопрос — что она собой представляет. Мы даровали технологии особый статус, вообразив, что по некоему естественному закону, по неотчуждаемому праву наша повседневная жизнь, наш созидательный опыт и даже естественный мир вокруг нас — все это отдано под контроль все более сложных программных продуктов” [4]. Вопрос, поставленный Нейсбитом: “Спасет технология человечество или уничтожит его?”, — в контекстах актуальных дискуссий пере-

Е. Гребенщикова
Проекты
улучшения
человека

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

формулируется как проблема поиска новых социогуманитарных подходов к ответственности и возможностей расширения каналов коммуникации между технонаукой и обществом.

Еще один фактор развития практик генетического улучшения, по мнению исследователей, связан с конкурентной природой человека, всегда стремящегося к максимизации своих возможностей, а в сфере экономики — прибыли. Соревновательный дух присущ прежде всего спорту, который стал основной ареной борьбы фармацевтических и антидопинговых компаний. В результате «воображаемая граница между естественным и искусственно управляемым телом находится под постоянным наблюдением и подвергается непрерывному очищению (очищение по Латуру). Только благодаря этим процессам видимость природного сохраняется и принимается как свершившийся факт. Вот почему в ближайшем будущем генетический допинг будет восприниматься как последний рубеж и, безусловно, самая большая проблема для работы очищения со стороны антидопинговых организаций, действующих по классической схеме игры «казаки-разбойники». Как только новое вещество или метод допинга становятся доступными, контролирующие органы тут же начинают предпринимать действия с целью его обнаружения. Но генетический допинг меняет ситуацию принципиально: если вмешательство происходит изнутри путем генетических изменений, обнаружить и выявить его практически невозможно» [16].

Финский лыжник Э. Мянтюранта, выигравший на зимней Олимпиаде в Инсбруке (1964) сразу две золотые медали, имел генетическую мутацию, которая диагностируется как полицитемия. Для этого заболевания характерно повышенное число эритроцитов, что в видах спорта, требующих выносливости, дает явное преимущество. Такой же эффект достигается естественным образом с помощью тренировок на среднегорье или инъекцией искусственного гормона эритропоэтина, который можно выявить. Но если улучшающее вмешательство реализовать на уровне генома, то граница между естественным и искусственным окажется под вопросом, ответы на который могут иметь решающее значение не только для антидопинговых компаний, но и для понимания природы человека.

Генетический детерминизм

Обсуждение неизбежности проектов улучшения человека, а тем более самых радикальных, может рассматриваться и в перспективе генетического детерминизма — строгой причинно-следственной связи между генами и признаками [20]. Генетический детерминизм — это не только удачное выражение логики научного редукционизма, но и симптом определенной социокультурной ситуации. «...Каждая неделя приносит новое сообщение, устанавливающее связь какого-нибудь фи-

зиологического заболевания или психологического бзика с ДНК, которая с самого начала своей общественной карьеры была фетишизирована в качестве “кода творения”» [1], — отмечает Э. Дэвис. При этом некоторые авторы предлагают разграничить генетический детерминизм и фатализм [20]. Согласно последнему, независимо от действий человека он не может избежать некоторых генетически предопределенных результатов — его судьба в его генах. Последовательный перенос этих идей в общественную и политическую сферы приводит к выводу о том, что бо́льшая часть социальных и политических реалий находится вне нашего контроля [14].

Недооценка взаимосвязи и взаимозависимости генов и окружающей среды, влияния множества генов на те или иные черты и свойства личности, экспрессии генов (процесс преобразования генетической информации в организме) может рассматриваться и как симптом отношений между наукой и обществом, научным знанием и когнитивными ресурсами неспециалистов. И дело не только в реальности “генетического супермаркета” (Р. Нозик), но и в том, что идеи репродуктивного конструктивизма — возможности проектировать ребенка по некоему образцу и подобию — оказываются весьма привлекательными, что находит отражение и в биоэтических дискуссиях.

Биоэтика, генетика и тезис неизбежности

Все аргументы Фр. Бейлис и Дж. Роберт тесно связаны с социальными, экономическими и политическими измерениями современного общества и во многих случаях действительно подтверждают логику “биокапитализма”. Так, с начала 2016 года в КНР официально перестала действовать политика “одна семья — один ребенок”, в результате чего значительно выросло число запросов на процедуры ЭКО. Вместе с тем увеличился поток репродуктивного медицинского туризма — с 5 агентств, организующих ЭКО за рубежом в 2013 году, до 50 в 2016 [17]. Но экстраполировать идеи неизбежности генетического улучшения на другие проекты, нацеленные на трансформацию тела, способностей или же природу человека, невозможно. Поскольку необходимо учитывать социальный консенсус и представления о допустимых вмешательствах в природу человека в тех случаях, когда речь идет о перспективах ее радикального изменения или нарушении сложившегося социального порядка. Например, использование “умных таблеток” студентами пока немногими воспринимается как средство, обеспечивающее конкурентное преимущество (подобно допингу в спорте) между молодыми людьми, хотя такие идеи высказываются. Однако подобное неравенство в образовании вполне может привести к ограничительным мерам и контролю, который опровергнет основные позиции сторонников не-

Е. Гребенщикова
Проекты
улучшения
человека

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

избежности. Например, такие действия уже предприняло руководство Уэслианского университета (город Мидделтаун, штат Коннектикут, США), внося поправки в студенческий Кодекс поведения.

Исследователи подчеркивают, что каждая из позиций уязвима, но целостная оптика, суммируя все доводы, открывает совсем другую перспективу. И в ней есть обманчивый соблазн произвольного переноса: если факторы релевантны для генетического улучшения — они же заработают и в других случаях. Такой подход может способствовать только продвижению технократических подходов в медицине, но важнее, чтобы он стал предпосылкой для переосмысления ответственности и тех оснований, что определяют актуальные дискуссии, в том числе и в биоэтике.

Литература

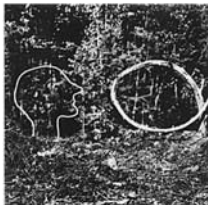
1. *Дэвис Э.* Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург: АСТ, 2008. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=102873> (дата обращения: 11.05.2016).
2. *Ленк Х.* Ответственность в технике, за технику, с помощью техники. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3132/3145> (дата обращения: 11.05.2016).
3. *Корсани А.* Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм: Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос . 2007. Т. 61, №. 4. С. 131.
4. *Нейсбит Дж.* Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла . М: АСТ; Траюиткнига, 2005. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000769/st000.shtml> (дата обращения: 11.05.2016).
5. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3604/3605#t4>
6. *Юдин Б.Г.* Технологический императив // Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академ. проект, 2004. С. 249.
7. *Baylis F., Robert J.S.* The inevitability of genetic enhancement technologies // Bioethics. 2004. N 18(1). P. 18–19. URL: <http://www.ugr.es/~perisv/congresos/lecturasfc/2005-2006/Enhancement.pdf> (дата обращения: 11.05.2016).
8. *Casassus B.* Study linking GM maize to rat tumours is retracted // Nature. 2013. Nov. 28.
9. *Cassell E.J.* The sorcerer's broom: Medicine's rampant technology // Hastings Center Report. 1993. N 23. С. 32–39.
10. *Hofmann B.* Is there a technological imperative in health care? // International Journal of Technology Assessment in Health Care. 2002. Vol.18, N 3. С. 675–689.
11. *Hofmann B.* The technological invention of disease // Medical Humanities. 2001. Vol. 27, N 1. P. 10–19.
12. *Ishii C.H.* Current update in Asian rhinoplasty // Plastic and Reconstructive Surgery — Global Open. 2014. Vol. 4, N 2. e133.

13. *Koh S.K., Choi J.W., Ishii C.H.* Asian facial cosmetic surgery // *Plastic Surgery*: in 6 vol. 3rd ed. Vol. 2. L.: Elsevier, 2013. P. 163–183.
14. *Lewontin R.* Biology as ideology. Toronto: House of Anansi Press Limited, 1991.
15. Monsanto voted most evil corporation of the year by natural news readers. URL: http://www.naturalnews.com/030967_Monsanto_evil.html#ixzz3fgJJoO41 (дата обращения: 11.05.2016).
16. *Nowotny H., Testa G.* Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambr., MA: MIT press, 2010. P. 22.
17. Overseas fertility clinics are offering new hope for prospective parents — but are they trustworthy? // *Global Times*. Published: 24.05. 2016. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/984900.shtml> (дата обращения: 11.05.2016).
18. *Ozbekhan H.* The triumph of technology: “Can implies ought”. URL: <http://goo.gl/xwPH4r>
19. *Rajan K.S.* Biocapital: The constitution of postgenomic life. Durham; L.: Duke Univ. Press, 2006.
20. *Resnik D. B., Vorhaus D. B.* Genetic modification and genetic determinism // *Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine*. 2006. Vol. 1, N 1. URL: <http://www.peh-med.com/content/1/1/9> (дата обращения: 11.05.2016).
21. *Séralini G.E. et al.* Republished study: long-term toxicity of a Roundup herbicide and a Roundup-tolerant genetically modified maize // *Environmental Sciences Europe*. 2014. Vol. 26, N 1. P. 1–14.

Е. Гребенщикова
Проекты
улучшения
человека

НОВЫЕ КНИГИ

- Анисимов Е.* История России от Рюрика до Путина: Люди, события, даты. 4-е изд., доп. СПб.: Питер, 2014. 592 с.
- Арнольд К.* Микрорешения: Проверенный путь к достижению больших целей / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2014. 320 с.
- Мансуров Т.А.* Евразийская экономическая интеграция: опыт и перспективы. М.: Рус. раритет, 2014. 360 с.
- Мединский В.Р.* Скелеты из шкафа русской истории. М.: ОЛМА Медиа групп, 2014. 528 с.
- Насурдинов Э.С.* Правовая культура: Монография. М.: Норма, 2014. 352 с.
- Пеннингтон М.* Классический либерализм и будущее социально-экономической политики / Пер. с англ. М.: Мысль, 2014. 452 с.
- Рис. Л.* Нацисты: Предостережение истории / Пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 464 с.
- Смолл М.* Дети: Как природа и культура формируют наши подходы к воспитанию / Пер. с англ. М.: СветЛю, 2015. 240 с.
- Форд Б.Д.* Секретное оружие Второй мировой: Великое интеллектуальное противостояние / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2014. 288 с.
- Фритц Р.* Путь наименьшего сопротивления: Как открыть в себе творческую личность / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2015. 288 с.

ОТКУДА И КУДА

Волошинов Александр Викторович — доктор философских наук, профессор. Постоянный автор журнала. E-mail: alvoloshinov@gmail.com

Кирюшкина Виктория Викторовна — кандидат исторических наук, доцент культурологии. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: syg72@mail.ru. Авторы работают на кафедре истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета.

40

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА “ГЕНИЙ” В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ АНГЛИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

© 2016

А.В. Волошинов, В.В. Кирюшкина

Художественное сознание эпохи выражает себя в определенных категориях, одной из которых (и, постепенно, важнейшей) в европейской культуре Нового времени становится понятие “гений”. Формирование современного понятия “гений” в европейских языках справедливо связывают с эстетикой и мировоззрением Романтизма. Но основной путь трансформации данный концепт прошел в XVIII веке, прежде всего в критических и эстетических сочинениях просветителей. Именно здесь, в размышлениях о природе литературного, художественного творчества рождается очевидное для нас понимание гения как человека, обладающего выдающимися способностями. Из римского божества — духа-покровителя — *гений* превращается в божественный или природный дар, наделяющий человека особыми силами, и наконец в человека особой природы, саму личность. Такое превращение мы и называем персонализацией.

Ренессанс “возрождает” интерес к понятию “гений” в европейских языках и культурах вместе с другими формами античности¹; происходит определенная языковая трансформация. На протяжении всего XVIII столетия этот концепт все более подвергается воздействию антропоцентричного мировоззрения Европы Нового времени, постепенно превращаясь по преимуществу в характеристику человеческой личности. И вот уже Вольтер в своей статье от 1771 года демонстрирует очевидность для него неотъемлемой связи понятия “гений” с характеристикой *прежде всего* человеческой природы. Он “переворачивает” этимологию понятия “гений-даймон” с ног на голову, выводя все его коннотации (гений города, гений человека, гений языка, гений нации) из антропоцентричного значения, которое теперь полностью подменяет его античный сакральный смысл: “Но в сущности, есть ли гений нечто иное, чем талант?”

И есть ли талант нечто иное, чем счастливое предрасположение к какому-либо искусству [la disposition a reussir dans un art]?" [24].

Изучению трансформации понятия "гений" в истории европейской мысли посвящено немало исследовательских трудов. Еще в 1920-е годы в Германии появились работы Э. Цильзеля ("Становление понятия Гений") и Г. Вольфа ("Исследование истории понятия Гений в немецкой эстетике XVIII века") [35; 33]. Вообще вниманием к рассматриваемому концепту традиционно отличается творчество германских литературоведов: в течение 30 лет выходили тома "Истории немецкой поэтики" Б. Марквардта, где на материале германской литературы в числе прочего затрагивается тема переосмысления понятия "гений" в XVIII столетии; в 1978 году вышла монография австрийского германиста В. Шмидт-Денглера, посвященная бытованию *гения* как античной мифологемы в культуре гётевского периода [23; 29]. В связи с последним примером следует заметить, что к 1970-м — 1980-м годам поднимается новая волна интереса к указанной теме: переиздаются как критические и эстетические трактаты XVIII–XIX веков (например, "Эссе о гении" А. Джерарда и "Гений и помешательство" Ч. Ломброзо), так и ставшая уже классической работа Э. Цильзеля. Тогда же появляются и новые исследования истории концепта "гений" в европейской эстетической мысли — Г. Петерса по XVIII веку и Й. Шмидта по XVIII–XIX векам [25; 28]. Немногим позже внимание рассматриваемому понятию на материале французских текстов уделит в своей работе известный историк культуры М. Фюмароли [16]. Подробную библиографию по данной теме содержит статья специалиста по русской литературе XIX века Н. Мазур [10].

Даже из представленного краткого историографического обзора видно, что меньше внимания, чем французским и немецким авторам XVIII века, досталось английской трактовке и практике словоупотребления понятия "гений", что исторически несправедливо. Значительное влияние английских критических и эстетических сочинений на развитие представлений о гении и гениальности в европейской культуре несомненно. Ведь уже аббат Дюбо ссылается на Дж. Аддисона и Э.-Э. Шефтсбери, рассуждая о гениальности в своих "Критических размышлениях о поэзии", И. Кант в "Критике способности суждения" демонстрирует знакомство с "Эссе о гении" А. Джерарда, И. Гердер читает "Рассуждения об оригинальном сочинении" Эд. Юнга [см.: 6], а Д. Дидро почитает Э.-Э. Шефтсбери и именно его, Шефтсбери, статья "Гений" знаменитой французской Энциклопедии называет "гением первой величины" [20]. Поэтому специальное прочтение английских текстов XVIII века, с целью выявления культурно-исторических особенностей практики словоупотребления и осмысления понятия *гений*, представляется полезным и своевременным.

А. Волошинов,
В. Кирюшкина
Трансформация
концепта "гений"

¹ См., напр., у Вазари "genio" как дар, определенные наклонности художника, проявляющиеся, наряду с его природой (nature), в творчестве. То есть, понятие "гений" характеризует уже человека, но используется очень редко и еще не является маркером наиболее выдающихся художников [21].

ОТКУДА И КУДА

Теоретическими ориентирами для нашего исследования стали принципы французской школы исторической антропологии, философской герменевтики, исторической поэтики, труды таких российских специалистов в области истории культуры, как Л.М. Баткин, А.Я. Гуревич, А.Л. Юрганов, А.В. Михайлов. Каждый из перечисленных исследователей в свое время и с точки зрения своих научных интересов размышлял о временной природе концептов, используемых историками при изучении и интерпретации прошлого, о необходимости глубокого понимания не просто языка, но языкового сознания тех персонажей, которые становятся объектом внимания историка [см.: 2; 5; 12; 11].

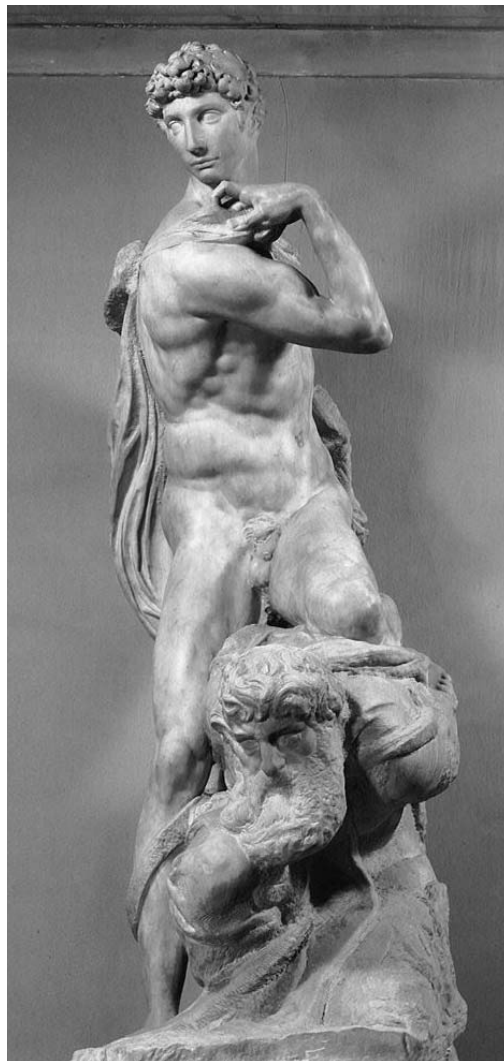
Формы и контексты использования лексемы “genius” английскими поэтами и художниками становятся особенно интересны для реконструкции художественного самосознания эпохи, поскольку в коннотации рассматриваемого понятия на первый план выходят антропоцентрические и персоналистские значения. Авторы все более “примеряют на себя” данный термин, даже в тех случаях, когда рассуждают о *гении* Гомера или В. Шекспира, осмысливая через него природу *собственного* творчества, — и это тот случай, когда “направленное само на себя сознание творящего наиболее полно раскрывает секреты творчества” [4]. Именно поэтому мы постараемся высветить значение концепта “гений” в понимании практиков — выдающихся писателей, поэтов, художников Англии XVIII века, а также проследить трансформации, которые претерпевает рассматриваемое понятие в английском художественном сознании до середины XVIII столетия, сознательно сосредоточив внимание на данном периоде активного становления просветительской мысли.

Принято считать, что первым пример персонализации понятия “гений” в английской литературе XVIII века подал публицист, драматург Дж. Аддисон в своем эссе № 160, опубликованном в “Зрителе” в 1711 году. Эта точка зрения верна лишь отчасти. Еще более ранние случаи персонализации мы находим и в предшествующих публикациях этого автора, и даже в “Солилокви” (1710) графа Шефтсбери. У Шефтсбери понятие “гений” представлено широко как в количественном, так и в семантическом плане. *Гений* может быть великим [30, р. 208] и низменным [ibid., р. 226]. Это может быть *гений нации* [ibid., р. 215, 218]; *гений английских писателей* [ibid., р. 230]; *гений поэзии*, то есть склонность к поэтическому творчеству, которой, на взгляд Шефтсбери, самой по себе недостаточно, чтобы быть поэтом [ibid., р. 193]; *гений сочинения*. Последний можно рассматривать как частный случай использования понятия “гений” в качестве синонима слова “дух” (“spirit”). Например, в следующей фразе Шефтсбери: “Так что в этом духе сочинения [“genius of writing”] — равно проявились как героическое, так и обыденное, трагическое и комическое начала” [ibid., р. 195].

Неоднократно Шефтсбери использует понятие “гений” в лексическом ряду с такими словами, как “характер” и “нравы”, говоря о героях пьесы или другого сочинения, что тоже коннотативно пересекается со словом “дух”: “характер, дух [genius], нравы персонажей...” [ibid., p. 201, 202]. *Гений-дух* литературного героя — отражение в искусстве той реальной человеческой природы, которую Шефтсбери описывает следующим образом: “У каждого из нас есть свой Даймон, Гений, Ангел-Хранитель с которым мы связаны прочными узами... с момента нашего рождения” [ibid., p. 168]. Таким контекстом философ семантически сближает понятие “гений” с античным даймоном и христианским концептом Ангела-Хранителя. Тесно связанный с неоплатонической традицией европейской мысли, Шефтсбери уравнивает в смыслах концепты “даймон” и “гений”, наделяя последний важным философским и мировоззренческим значением.

Семантическое поле понятия “гений” в тексте Шефтсбери напоминает богатый питомник, где содержатся ростки разных видов растений, то есть разных возможных употреблений слова. Какие из них будут особенно процветать в условиях английской эстетической мысли XVIII века? Уже узнаваемы тут и ростки национальной идеи (*гений нации* [ibid., p. 298, 215, 218], *гений английских писателей* [ibid., p. 230]), и антропоцентрические трактовки *гения* и даже впервые проскальзывает персоналистская версия данного понятия: “...этот взгляд едва ли опровергнут дела или история как по отношению к самим философам, так и по отношению к великим гениям или мастерам свободных искусств” [ibid., p. 208]. Здесь лингвистическим маркером персонализации концепта “гений” служат форма множественного числа и контекст — перечисление в одном ряду с персонализированными понятиями “философ” и “мастер”.

В персонализированной форме интересующий нас концепт появляется уже в эссе № 23 Аддисона. Здесь Аристофан представлен как *гений комедии* (*the most comick genius*), и *гений* из духа комедии, который мог характеризовать сочинение или автора у Дж. Драйдена и Э.-Э. Шефтсбери, превращается в самого

Микеланджело Буонарроти. Гений победы (итал. *Genio della Vittoria*). 1532–1534. Мрамор. Палаццо Веккьо, Флоренция

ОТКУДА И КУДА

автора-гения. Но тут понятие “гений” еще не обозначает абсолютное превосходство, и Аристотелю противопоставляется Сократ, которому Аддисон находит еще более значимый титул — *божественный философ (divine philosopher)* [31, vol. 1, p. 116].

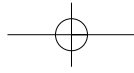
Признаки персонализации понятия “гений” у Аддисона можно найти и в его эссе № 31 и 13. Особенно интересен контекст использования понятия в первом из приведенных примеров: автор одновременно высмеивает Дж. Дж. Хайдеггера — швейцарского импресарио, разбогатевшего в Англии на постановке модных опер и маскарадных баллов, полюбившихся Георгу II и лондонскому светскому обществу [13], — и его поклонников. В роли одного из поклонников выступает в эссе собеседник Аддисона, который и называет Хайдеггера “выдающимся гением в области музыки [31, vol. 1, p. 155]. Так, практика обозначения понятием “гений” личности, причем конкретной, в данном случае сочетается с ироничной оценкой в отношении этой персоны. То есть, на взгляд Аддисона, называть гением Хайдеггера неуместно, но, например, Свифт — “один из величайших гениев своего века” (эссе № 135) [ibid., vol. 2, p. 202].

Обратимся и к знаменитому эссе № 160 Аддисона от 3 сентября 1711 года. Автор употребляет слово “гений” во множественном числе и пишет о людях-гениях, однако параллельно использует прежнее, неперсонализированное его значение. Так, первых строках своего эссе писатель заявляет о намерении “рассмотреть, что есть великий гений”, а уже в следующем предложении утверждает, что “из великих гениев... выделяются как особо одаренные представители человечества те, кто только силой своих природных способностей без помощи искусства и науки [by the meer strength of natural parts, and without any assistance of arts or learning] создал творения, вызвавшие восторг современников и изумление потомков” [ibid., p. 320].

Итак, для Аддисона высшая форма творческой личности — это “великий природный гений”, чья одаренность самодостаточна и не требует знания законов творчества. Еще в эссе № 58 просветитель противопоставляет “гениальность” и “профессиональные навыки” (“a man of a beautiful genius” и “a man of great industry”) [ibid., vol. 1, p. 286], то есть знания и умения.

В творчестве *гения*, по определению Аддисона, проявляется “нечто благородно дикое и необычайное” (“something nobly wild and extravagant”) [ibid., vol. 2, p. 320]. Подобная характеристика не раз отмечалась исследователями как проявление предромантических идей в эстетической мысли Аддисона. Но, думается, такая, казалось бы, радикальная идея в контексте просветительского классицизма не так уж уникальна для английского литературного сообщества того времени. Спустя всего четыре года схожая характеристика прозвучит в сочинении А. Поупа в отношении гомеровского *гения* — “дикий рай” (“a wild paradise”) (Предисловие к Илиаде, § 9) [26]².

² Подробнее см.: [7].

Но все же в текстах Аддисона слово “гений” не обретает того самостоятельного оценочного значения, которое появляется позже. Такое значение требует уточнения-эпитета (только в этом значении концепт персонализируется) — речь может идти о “великом гении”, или о “человеке, обладающем гением мелкого ума” (“men of a little smart genius”) (эссе № 10), или об “авторах вульгарного гения”, когда Аддисон критикует современные ему оперные постановки, в частности Королевского Хеймаркет театра (эссе № 42) [31, vol. 1, p. 58, 208].

В языке Аддисона присутствуют и те коннотации понятия “гений”, что отмечались нами у Шефтсбери. В эссе № 3 Аддисон отдает дань классицистской поэтической традиции, пользуясь понятием “гений”, приближенным, а точнее — стилизованным под античное его значение: *гений* как высшее, божественное воплощение земного явления (места, рода, человеческого сообщества, человека). Свои провивские политические ценности писатель преподносит как некое видение — перед ним в танце проходят пары. Среди “самых отвратительных” (“the most hideous”) фантомов — Тирания и Анархия, Фанатизм и Атеизм, а также “Общее благо”³ (“the Genius of a Commonwealth”) в паре с молодым человеком [ibid., p. 24], в описании которого современники угадывали Претендента — Якова III. Именно на его приход к власти тайно делали ставку многие тори — политические оппоненты Аддисона. (Предпринятый экскурс в политическую борьбу, разворачивавшуюся в Англии начала XVIII века, здесь демонстрирует все разнообразие и неустойчивость коннотации понятия “гений” в интересующей нас культурно-языковой среде.) “The Commonwealth” использовалось в годы гражданской войны в идеологии О. Кромвеля для обозначения республики и, будучи накрепко связано в сознании англичан с этим трагическим периодом в жизни английского общества, обрело негативный смысловой оттенок. Таким образом, понятие “гений” может обозначать великое зло равно, как и великое благо (например, “Гений Великобритании”, который в видении Аддисона выступает в паре с будущим королем Георгом I).

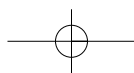
В эссе № 29 почти по-гердеровски Аддисон пишет о “духе народа” (“the genius of the people”), критикуя новую моду на исполнение итальянской оперы на английском языке [ibid., p. 146]⁴. В эссе № 21 писатель рассуждает о воспитании, выборе профессии для ребенка и дает совет: родители должны учитывать “the genius and abilities” своего ребенка более, чем свои собственные склонности [ibid., p. 109]. Совет хорош, и под ним, наверное, подписался бы любой современный педагог, но нас больше интересует значение используемого здесь понятия “гений”. В данном случае его можно перевести как “дух”, “склонность человека к какой-либо деятельности”.

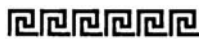
Итак, именно концепт *великого гения* не только обозначает у Аддисона личность, но и получает конкретные имена: Гомер,

А. Волошинов,
В. Кирюшкина
Трансформация
концепта “гений”

³ Любой перевод в данном контексте будет неточен.

⁴ Мода на итальянское в театральном искусстве, музыке, живописи, характерная для английского светского общества того времени, высмеивается как Аддисоном, так и Хогартом как проявление подражательства и вульгарного вкуса. Подпитывалась она традицией Большого Путешествия (Grand Tour), которое считалось наилучшим способом закончить образование молодого джентльмена. См., напр.: [9].

ОТКУДА И КУДА

Пиндар, Шекспир, Платон, Аристотель, Вергилий, Мильтон... Кроме того, *великие гении* классифицируются Аддисоном в два рода — “великие природные гении” (первые три) и гении, “сформировавшие себя в соответствии с правилами” (остальные по списку) (эссе № 160) [ibid., vol. 2, p. 323].

Следуя намеченному маршруту в поисках тех смыслов, которыми отмечено понятие “гений” в просветительском художественном сознании, невозможно пройти мимо сочинений А. Поупа. Критические сочинения крупнейшего и авторитетнейшего поэта английского Просвещения замечательно отражают эволюцию его эстетического сознания. Наиболее ранний из выбранных нами текстов — дидактическая поэма “Опыт о критике” (рукопись датируется 1709 годом), издав которую 23-летний поэт сразу обрел и значительных врагов, и авторитетных друзей, вследствие чего был принят в ту “литературную республику”, что сложилась в Лондоне начала XVIII века. Использование лексемы “гений” в упомянутой поэме достаточно традиционно и близко тем формам, в которых она существует в “Солилоквии” Шефтсбери (что не удивительно, учитывая одновременность написания произведений). Правда, у Поупа эта лексема чаще выступает в роли поэтической метафоры: он пишет о “гении (духе) века”, “древнем гении Рима” [32, p. 249, 313].

Однако понятие “гений” поэт использует и для характеристики человеческого творчества наряду с другими принятыми в поэтической критике того времени понятиями: “Гений, вкус и обучение [genius, taste and learning] нужны критику, равно как и поэту”; “Правильный вкус среди критиков так же редок, как и истинный гений у поэтов”; “Природа всем вещам определяет границы, ограничен и гений, так же, как и человеческий ум [wit], но широко искусство” [ibid., p. 236, 229, 237]. Как видно, здесь в эстетическом сознании Поупа концепт “гений” еще не обретает своего конкретного значения; его отношения с такими понятиями, как “вкус”, “обучение”, “ум”, пока неясны.

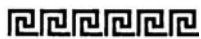
В последующие годы Поуп много размышляет над вопросом природы творчества — “как” и “откуда” рождается поэзия. Помимо собственного опыта, большую роль в развитии его авторского сознания играет близкое соприкосновение с поэзией Гомера. Работа над переводом Илиады дает Поупу возможность погрузиться в творческую лабораторию Гомера, что сразу проявляется в глубине и осознанности эстетической мысли английского поэта. К своему изданию Илиады Поуп пишет пространное предисловие, демонстрирующее новизну и самостоятельность его мыслей. Это очень ярко проявляется в формах бытования слова “гений” в его тексте. Здесь преобладает персоналистская форма данной лексемы. Она неслучайна, хорошо продумана и прочувствована автором. Заметно влияние старшего и уже состоявшегося мастера, приятеля Поупа — Дж. Аддисона.

А. Волошинов,
В. Кирюшкина
Трансформация
концепта “гений”

Уильям Блейк.
Гений Шекспира
(англ. The Genius of
Shakespeare). 1809.
Британский Музей,
Лондон

Основой поэзии и тем, что в различной степени отличает всех *великих гениев (great geniuses)* объявляется *изобретательность (invention)*. Именно она создает поэзию, на что не способно даже величайшее напряжение человеческого знания (study), учения (learning) и мастерства (industry). Даже рассудок (judgment) без изобретательности оказывается обделенным — он лишь “благоразумный управляющий, в ведении которого находятся богатства природы” (Предисловие к Илиаде, § 4–5) [26]. Так в этих рассуждениях Поупа *поэзия, гений и изобретательность* оказываются звеньями одной цепи, порождая и усиливая друг друга, а *знание, учение и мастерство*, возглавляемые *рассудком*, образуют группу “вспомогательных компонентов”.

ОТКУДА И КУДА

Отсюда Поуп выводит свою типологию гениальности: есть “рассудочный и методичный гений” (“judicious and methodical genius”) и гений “плодовитый” (“fruitful”) (Предисловие к Илиаде, § 8) (см. выше у Аддисона о “природном гении”). И образцовые примеры этих двух типов гениальности для Поупа — Вергилий и Гомер: “Гомер был более велик как гений, Вергилий лучше как художник” (Предисловие к Илиаде, § 115). При наличии персоналистской формы употребления слова “гений” (Предисловие к Илиаде, § 218, 244) данная лексема продолжает бытовать в тексте Поупа и в значении дара поэта, его “творческой энергии” (“warm a genius”), недостаточной, по мнению Поупа, у Вергилия (Предисловие к Илиаде, § 32). Соответственно речь может идти об “ограниченности” (“narrowness of genius”) или “избыточности” (“excess of genius”) этой энергии (Предисловие к Илиаде, § 130) [26]. Противопоставляя Гомера и Вергилия как две модели гениальности, Поуп, конечно, вел полемику с нормативным классицизмом французского происхождения. Его характеристики творчества Гомера подчеркнута оппозиционны, а лексика провокативна.

Предисловие Поупа к изданию его собственных переводов Шекспира (впервые вышло в 1725 году) отражает другую стадию эстетического сознания Поупа. Поуп как поэт и критик определился со своей позицией. Теперь ему не нужны крайности, и от атак он перешел к твердой защите. Несмотря на заявленное в начале предисловия противопоставление шекспировского гения гомеровскому, то, что Поупа восхищает в поэте более всего, остается неизменным. Как и Гомер, Шекспир своим творчеством продолжает творчество самой природы, а рожденные им герои и образы есть сама жизнь.

Глубокая связь феномена гения с природой — одна из важнейших мыслей Поупа и одно из прочнейших его убеждений. Гений для поэта — сама природа, ее продолжение в поэте. И эта частица природы в поэте может быть так сильна и значима, что все остальные факторы творчества отходят на второй план. На примере Шекспира Поуп показывает: ни потребность угождать вкусу толпы, ни вращение в низком обществе, ни отсутствие знаний о правилах искусства не могут “подавить и исказить величайший гений” [27, p. 14]. Он все равно будет являться нам в произведениях Шекспира, подобно Принцу в пастушеских одеждах, и “его величие и дух вспыхивают здесь и там, проявляя его более высокую сущность и качества” [ibid., p. 9].

Дж. Аддисон и А. Поуп были законодателями как практики, так и теории искусства для британского общества своего времени. Вместе с прочими их взглядами на искусство новые коннотации понятия “гений” получают распространение в британском художественном сознании через публикации критических эссе этих авторитетнейших английских авторов.

Но новаторство взглядов Аддисона и Поупа на природу творчества ярко высвечивается в сравнении их интерпретации понятия “гений” с той его трактовкой, что обнаруживается в словаре Чемберса 1728 года. Любой словарь призван фиксировать утвердившиеся и широко распространенные в языке значения. Исходя из этого, интересно отметить абсолютное преобладание античного контекста в статье Чемберса, посвященной понятию “гений”. Такая подача слова свидетельствует о его бытовании прежде всего как элемента классицистической риторической традиции. Только в конце статьи автор обозначает такие современные коннотации лексемы “гений”, как “сила или свойства души [soul] (человека)”, причем не обязательно с положительным значением: «мы говорим “счастливый гений”, “превосходный гений”, “возвышенный гений”, “ограниченный гений”». Гений также понимается как “природный талант (человека), склонность к чему-либо, более, чем к другому” (гений стихосложения, гений науки). Примечательно полное отсутствие в статье Чемберса нового персоналистского значения рассматриваемого понятия. Характеризуя определенные свойства человека, оно, по словарю Чемберса, саму личность не обозначает [15].

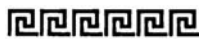
В начале 1750-х годов молодой Эд. Бёрк записывает свои мысли об “истинном гении”. Несмотря на наше обещание не обращаться к “теоретикам”, коснемся того понимания концепта “гений”, которое обнаруживает философ. Ведь в его языке персонализация этого понятия, как бы подводя итог определенному процессу, существенно продвигается вперед и образ *гения* обретает отчетливые антропоморфные свойства: “гений страдает...”, гений “проявляет выдающуюся способность своего ума”, гений “смел”.

Кроме того, Бёрк констатирует о закреплении в английском языке оценочной функции понятия “гений”. Теперь гений в любом случае — кто-либо выделяющийся на фоне остального общества, экстраординарный. Философ предлагает выработать четкие критерии опознания гения (не все кучи — из золота). Понятие “гений” у него не замыкается в сфере искусства. *Гением* может быть как писатель, мыслитель, так и политик, военачальник [14]. Бёрк создает и карикатурный портрет “общепринятого гения”: “Некая личность, чьи манеры грубы и наглы, жизнь распутна, суждения экстравагантны, человек самонадеянный, вздорный... Когда такая репутация [гения] уже утвердилась, он освобождается от соблюдения всех форм приличия”⁵ [3, с. 203].

Бёрковская карикатура на общепринятое понимание “гения” высвечивает важный для нас факт широко распространеннейшей к тому времени в среде английских интеллектуалов его персоналистской трактовки. Можно также предположить, что именно персоналистская форма употребления данного понятия становится “модной позой” среди лондонских ко-

А. Волошинов,
В. Кирюшкина
Трансформация
концепта “гений”

⁵ Пер. с англ.
Е.С. Лагутиной.

ОТКУДА И КУДА

нессёров — критиков-дилетантов, модных ценителей искусства, — отсюда нередко встречающаяся ирония в отношении лиц, получивших этот новый статус *гения*. Феномен конессьёрства, присущий тому времени, очень точно обрисовал О. Голдсмит: "...звание конессьёра в искусстве живописи теперь является самым надежным пропуском в фешенебельное общество; своевременное пожимание плечами, восхищенное отношение и пара причудливых восклицаний достаточны для подтверждения компетентности человека, оказавшегося в стесненных обстоятельствах и намеренного снискать благосклонность, в любом светском обществе" [17]. Р. Ллойд же в своей сатирической поэме перечисляет излюбленные словечки конессьёра: "Гений, Фантазия, Суждение, Вкус [фр.], Прихоть, Каприз, Нечто [фр.], Добродетель [Genius, Fancy, Judgment, Gout, Whim, Caprice, Je ne sai quoi, Virtu]" [22, p. 45]. Об интересующем нас понятии Ллойд пишет: "Гений — благословенное слово, чей смысл широк и, конечно, нет термина, которым бы так злоупотребляли. Сколь многие носят твое священное имя, и сколь немногие — подлинное твое пламя" [ibid., p. 53].

Примеры ироничного отношения к неуместному использованию нового высокого титула художника мы уже находили у Аддисона и Бёрка. Об том же свидетельствует и случай подобного ироничного употребления персоналистской формы лексемы "гений" У. Хогартом. Конессьёры, "нахватавшиеся" модных словечек и суждений об изящном искусстве, часто становятся объектом сатиры мастера [см. подробнее: 1]. Возможно, с языка этих самых "знатоков" Хогарт срывает именование *гениями* авторов современных литых копий античных скульптур, находящихся в те времена у Гайд-парка, когда иронично замечает: "...эти унылые гении [these saturnine geniuses] воображали, что знают, как исправить ее [античной скульптуры] очевидные диспропорции" [18, p. 16].

У. Хогарт — прежде всего живописец. Изучение черновигов его "Анализа красоты" (1743) показало, что мастер сначала зарисовывал свою мысль, а уж потом воплощал ее в слова. Выражаясь словами Гёте, можно сказать, что Хогарта интересовало в искусстве не "что", а "как" представлено. Поэтому в "Анализе красоты" отсутствуют абстрактные рассуждения, в том числе и о природе творчества. Соответственно понятие "гений" мало востребовано у мастера. Но ясно, что гений для него — одно из свойств настоящего художника, что отличает его от копииста, наряду со способностями и знанием природы (knowledge of nature) [ibid., p. XI]. Отказывая в звании *гения* современным ему скульпторам в упомянутом выше случае, Хогарт вполне серьезно пишет о "несравненном гении" Дж. Драйдена [ibid., p. 105].

В середине 1750-х годов появляется еще один текст, очень важный для формирования понятия "гений" в европейской

культуре. Речь идет о “Рассуждении об оригинальном сочинении” Эд. Юнга. Несмотря на полное игнорирование поэтом (в отличие от Бёрка) уже персонализированной в английском языке версии понятия “гений”⁶, он использует само это слово часто и совершенно однозначно. В языке Юнга ничего не остается от того многообразия смыслов и функций данного понятия, которое мы наблюдали в текстах Шефтсбери, Аддисона, Поупа и других авторов начала XVIII века.

“Genius” употребляется Юнгом исключительно в форме единственного числа, в контексте, который оставляет возможным лишь одно толкование этого концепта, а именно гениальность — особый дар, свойство автора. Для Юнга не существует негативных или неоднозначных оценок *гения*. Главный герой Юнга, оригинальный сочинитель, — несомненно носитель *гения*, “живой корень гения” (“vital root of genius”), то, из чего произрастает оригинальный автор [34, p. 12]. Гений, по Юнгу, — сама способность к творчеству, “знание и гений” (“knowledge and genius”), то, что делает сочинение ценным [ibid., p. 10].

Гений — божественное, небесное начало в авторе [ibid., p. 27, 36], спонтанное и врожденное [ibid., p. 36, 49–51]. Такими характеристиками Юнг вдохновляет автора на право быть оригинальным, противостоять плену правил поэзии, созданных всего лишь людьми⁷. Выполняя эту главную задачу своего сочинения, поэт последовательно усиливает противопоставление естественного (природного) творчества и творчества как результата обучения (школы), которое встречается уже у Аддисона и Поупа. Если ранние авторы пишут о двух типах гениальности, то Юнг противопоставляет гения учению (learning) [ibid., p. 28–29], подобно тому, как Поуп противопоставлял учению, школе естественное восприятие мира (sense)⁸. У Юнга читаем: “Гений может нас направлять в творчестве вне правил искусства... и делает нас превосходными” [ibid., p. 31]; “Гений отличается от знания [a good understanding], как магия от архитектуры”, его инструменты невидимы [ibid., p. 26].

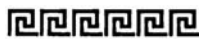
По мысли Юнга, гениальность — вне правил искусства, введенных людьми и закрепленных традицией. В этом положении поэт также наделяет любое проявление гениальности теми свойствами, которыми у Поупа и Аддисона отмечен только ее высший вид — “природный гений”. Юнг утверждает: “Гений часто заслуживает похвалы за то, за что должен был бы быть осуждаем, когда его Превосходство так высоко, что неразлично для слабого зрения” [ibid., p. 28]. Поэт также дает свою типологию гениальности: “взрослый гений” (“adult genius”), то есть зрелый, готовый, совершенный и не требующий доработки (как, например, у Гомера или Шекспира), он “выходит из рук природы, как Паллада из головы Зевса”, и “инфантильный гений” (“infantine genius”), которого еще надо правильно выкормить и вырастить [ibid., p. 31].

А. Волошинов,
В. Кирюшкина
Трансформация
концепта “гений”

⁶ Основная формула использования этого понятия у Юнга — “a man of genius”.

⁷ Позже в романтической эстетике концепт поэтического вдохновения, по традиции апеллирующий к небу и божеству, также будет использоваться для обоснования авторского субъективизма.

⁸ Подробнее см. [8].

ОТКУДА И КУДА

Итак, “genius”, по Юнгу,— гениальность, способность к творчеству, которая не так уж редко дается поколениям, причем даруется в равной степени людям разных эпох, народов и поколений. Но этот дар не всегда получает развитие и под влиянием тех или иных причин часто портится или не реализуется вовсе: “...возможно, среди тех, кто не умел ни читать, ни писать, было много гениальности [many a genius]” [ibid., p. 35]. Главная напасть для гения, по мнению поэта, — это подражание в творчестве, “слишком большой трепет перед авторитетами”, что ограничивает гениальность [ibid., p. 25]. От этого пострадал талант многих наделенных гениальностью авторов. Как пример такого гения, запертого самим его обладателем в тиски правил, школы, авторитетной традиции, Юнг называет А. Поупа [ibid., p. 68–69]. И даже Дж. Аддисон, особо выделяемый Юнгом как “великий автор”, “имеющий более утонченный, разумный и сильный Гений” [ibid., p. 87], обвиняется в чрезмерном почтении к авторитетам, а в своем “Катоне” даже предстает как имитатор [ibid., p. 87–88]. Поэт предлагает авторам собственный рецепт освобождения от излишнего влияния авторитетов в своем творчестве: мысленно “поменяться с Гомером местом и временем, тогда, если Вы пишете естественно (то есть, руководствуясь природой чувства-восприятия [sense]), Вы могли бы также обвинять Гомера в имитации себя...” [ibid., p. 21]. Гений самодостаточен, поскольку “сознание [mind] гениального человека — плодородное и благодатное поле”, которое позволяет ему “наслаждаться бесконечной Вселенной” [ibid., p. 9].

В английской культурно-языковой среде определенной вехой в истории словоупотребления концепта “гений” (так же, как и многих других концептов художественного сознания) становится Словарь английского языка С. Джонсона (1755). Здесь уже фиксируются новые коннотации понятия, а сам концепт подается в контексте традиции художественной критики. Даже античное его значение демонстрируется не на латинских текстах, а на цитатах из драматических сочинений В. Шекспира, Дж. Мильтона, Дж. Драйдена. Но главное, в статье Джонсона наряду с другими коннотациями, выработанными языковым европейским сознанием Нового времени (“сила или способности ума”, “природная склонность к чему-либо”), присутствует персонализированное значение понятия “гений” (“человек, наделенный превосходными качествами”). Примечательно, что новые трактовки данного понятия Джонсон иллюстрирует цитатами Поупа и Аддисона, что свидетельствует о влиятельности упомянутых авторов [19].

Итак, мы видим, что уже в середине XVIII века в английском художественном сознании понятие “гений” обретает совершенно новые черты. Его значение предельно сужается и конкретизируется и, если не персонализируется, не становится обозначением личности, как у Бёрка, то уж точно обре-

тает однозначно антропоцентрический смысл, оказывается свойством человека и только человека, как у Юнга. Из широкого поля коннотаций понятия “гений” в английском просветительском сознании первой половины XVIII столетия выделилось одно значение — *великий гений*. И именно оно стало основой для персоналистской формы рассматриваемой лексемы. Творчество *гения* глубоко укоренено в природе, является продолжением ее творческих принципов, реализацией ее творческой энергии. Одновременно понятие “гений” в просветительской эстетике противопоставляется тем категориям, которые закрепляют норму, правило в поэзии классицизма. Соответственно оно оказывается в оппозиции хорошему вкусу, учености — всему тому, что, с точки зрения Н. Буало, делает поэта. Гений — это потенциал свободы в творчестве, но свободы, понимаемой в духе Просвещения — не как анархия, но как торжество законов истинных, законов самой природы.

*А. Волошинов,
В. Кирюшкина*
Трансформация
концепта “гений”

Литература

1. *Алексеев М.П.* Уильям Хогарт и его “Анализ красоты” // *Хогарт У.* Анализ красоты Л.: Искусство, 1887.
2. *Баткин Л.М.* Европейский человек наедине с собой: Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ, 2000.
3. *Бёрк Эд.* Философское исследование о происхождении наших идей Возвышенного и Прекрасного. М.: Искусство, 1979.
4. *Ганиева А.* Олег Кривцун. Творческое сознание художника; Феномен артистизма в современном искусстве // *Знамя.* 2009. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/6/ga27.html> (дата обращения: 15.01.2016).
5. *Гуревич А.Я.* История — нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005.
6. *Джефферсон Э.* Литературный космополитизм и география гениальности во Франции XVIII века // *Нов. лит. обозрение.* 2011. № 110. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/011/110/en21.html> (дата обращения: 8.01.2016).
7. *Кирюшкина В.В.* Поуп, Гомер и английский романтизм: предчувствие новой эстетики в культуре Просвещения // *Вопр. культурологии.* 2010. № 5. С. 38–43.
8. *Кирюшкина В.В.* Поэзия и разум: семантическое поле понятия *geason* в эстетической мысли долгого XVIII века // *Обсерватория культуры.* 2012. № 5. С. 112–119.
9. *Креленко Н.С.* Итальянские впечатления Х. Уолпола // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2015. Т. 15, вып. 1. С. 67–69.
10. *Мазур Н.Н.* Пушкин и “московские юноши”: вокруг проблемы гения // *Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования.* М.: ОГИ, 2001. С. 54–105.
11. *Михайлов А.В.* Языки культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.
12. *Юрганов А.Л.* Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки // *Россия XXI.* 2003. № 3–4.
13. *Barker G.F.R.* Heidegger, John James // *Dictionary of National Biography: in 63 vol. Vol. 25.* L.: Smith, Elder, & Co, 1891. P. 367.

ОТКУДА И КУДА

14. *Burke Ed.* A True Genius // A Note-book of Edmund Burke. Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1957. С. 204–205.
15. *Chambers E.* Cyclopædia, or, An universal dictionary of arts and sciences. L.: Charlevoix, P.-F.-X., 1728. P. 137–138.
16. *Fumaroli M.* Trois institutions littéraires. P.: Gallimard, 1994.
17. *Goldsmith O.* The Citizen of the World: or, Letters from a Chinese Philosopher, Residing in London, to his Friends in the East: in 2 vol. Vol. 1. L.: Printed for WmOtridge and Son, 1800. P. 137.
18. *Hogarth W.* The Analysis of Beauty. L.: Printed by J. Reeves, 1753.
19. *Johnson S.* A Dictionary of the English Language. L.: J. & P. Knapton, 1755. P. 892.
20. L'Encyclopédie: in 17 vol. Vol. 7. 1re éd. Texte établi par Diderot et d'Alembert, 1751. P. 583. URL: <http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?c.6:912:2.encyclopedia0513.5960241> (дата обращения: 15.12.2015).
21. Le vite de piu eccellenti pittori, scultori e architetti Giorgio Vasari: in 17 vol. Vol. 11. Firenze: Felice Le Monnier, 1855. P. 47, 63, 67.
22. *Lloyd R.* The Poetical Works. L.: Printed for T. Evans in the Strand, 1774.
23. *Markwardt B.* Geschichte der deutschen Poetik: 5 Bd. B.: Walter de Gruyter, 1956. Bd. 2; 1958. Bd. 3.
24. Oeuvres completes de Voltere: 35 T. T. 13. Dictionnaire philosophique. P.: Hachette, 1860. P. 473.
25. *Peters G.* Der zerrissene Engel: Genieästhetik und literarische Selbstdarstellung im achtzehnten Jahrhundert. Stuttgart: Metzler, 1982.
26. *Pope A.* Preface // The Iliad of Homer, Translated by Mr. Pope: in 24 vol. Vol. 1. L.: W. Bowyer for Bernard Lintott, 1715. URL: <http://rpo.library.utoronto.ca/display/displayprose.cfm?prosenum=15> (дата обращения: 10.01.2008).
27. *Pope A.* Preface to Shakespeare // The Prose Works of Alexander Pope: in 2 vol. Vol. 2. Hamden, CT: Archon Books, 1986. URL: <http://andromeda.rutgers.edu/~jlynch/Texts/pope-shakespeare.html> (дата обращения: 20.01.2009).
28. *Schmidt J.* Die Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik, 1750–1945: 2 Bd. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985–1988.
29. *Schmidt-Dengler W.* Genius: Zur Wirkungsgeschichte antiker Mythologeme in der Goethezeit. München: Verlag G.H. Beck, 1978.
30. *Shaftesbury A.* Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times: in 3 vol. Vol. 1. L.: Printed by J. Darby, 1732.
31. The Spectator: in 6 vol. L.: Print. for Rivington [et al.], 1822. (Ссылки на том приведены в тексте статьи.)
32. The Works of Alexander Pope with Notes and Illustrations by Joseph Warton: in 8 vol. Vol. 1. L.: Printed by J. F. Dove for Richard Priestley, 1822.
33. *Wolf H.* Versuch einer Geschichte des Geniebegriffs in der deutschen Dsthetik des 18. Jahrhunderts. Von Gottshed bis Lessing. Heidelberg: C. Winter, 1923.
34. *Young Ed.* Conjectures on Original Composition. In a Letter to the Author of Sir Charles Grandison. L.: Printed for A. Millar [et al.], 1759.
35. *Zinsel E.* Die Entstehung des Geniebegriffes. Hildesheim; New York: Georg Olms Verlag, 1972.

ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ ТЕХНОНАУКИ В ТРУДАХ Э. АГАЦЦИ

© 2016

М.И. Фролова

Эвандро Агацци — один из известных в России современных зарубежных философов. Впервые одна из его статей была опубликована в “Вопросах философии” еще в 1980 году. В 1987 году по приглашению И.Т. Фролова Э. Агацци участвовал в проходившем в Москве VIII Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки. Вместе с Б.Г. Юдиным и другими специалистами он выступал в секции этики науки, которая специально была организована тогда И.Т. Фроловым. Длительное время Агацци занимал руководящие позиции в Международной федерации философских обществ. Благодаря его поддержке было подтверждено решение МФФО о проведении в 1993 году XIX Всемирного философского конгресса в Москве. Ученый на этом Конгрессе выступил с пленарным докладом. После этого он неоднократно посещал нашу страну. Весной 2009 года выступал с докладом об этике технонауки в Институте философии РАН.

Проблемы этики науки и технонауки — наиболее интересная и актуальная часть творчества Э. Агацци. Во многом его идеи перекликаются с теми, что развивались в нашей философии со второй половины 1980-х годов в рамках направления комплексного исследования человека и в отечественной биоэтике.

Идеи Э. Агацци по вопросам этики науки получили широкую известность в нашей стране благодаря его пленарному докладу на XVIII Всемирном философском конгрессе в Брайтоне в 1988 году. Доклад был напечатан в журнале “Вопросы философии”, а затем в сборниках “О человеческом в человеке” (1991) и “Философия и человек” (1993). В этом докладе ученый обращает внимание на то, что философия формирует идеал человека, который направляет любое человеческое действие, в том числе и познавательное. Определенная концепция человека лежит в основаниях любой научной теории. Агацци стоит на той позиции, что в каждой науке есть уровень проблем, ко-

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

**Фролова
Мария
Ивановна** —
независимый
исследователь.
Постоянный автор
журнала. E-mail:
mariafrolova@
yandex.ru

МЕРА ВСЕХ
НАУК

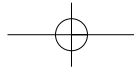
торый не может быть разрешен усилиями самой науки и требует обращения к философии.

В особенности это касается наук, изучающих человека. Э. Агацци обращает внимание на то, что во всяком человеческом действии присутствует элемент должного, идеального образца, который и направляет действие. Наука не может опираться лишь на саму себя, исследуя человеческое бытие, считает философ. Вне этого обстоятельства нельзя определить научный статус наук о человеке, таких, которые изучают человека *как человека*. “Дело обстоит именно так, а не иначе, — постулирует Э. Агацци, — поскольку научная деятельность — род человеческой деятельности, и в этом своем статусе она не может не ориентироваться на ценности” [1, с. 72].

В докладе Агацци подчеркивал, что вопросы ценностных предпочтений “подлежат рациональному исследованию, хотя и выходят за рамки того, что может дать научное исследование” [там же, с. 77]. Выводы справедливы, по крайней мере, применительно к наукам о человеке. Успехи этих наук в изучении человека, по справедливой оценке Э. Агацци, еще больше подчеркивают значение философии человека. Науки о человеке “обязаны”, по его словам, принимать во внимание в ходе познания ценности, которые, в свою очередь, находят выражение в законах, правилах и нормах.

Научным будет, согласно Э. Агацци, такое исследование человека, которое выявляет, “какие ценности данного сообщества или данного индивида направляют данные действия или являются источником правил и норм их осуществления” [там же, с. 73]. Этим современная гуманистическая философия отличается от позитивистских и сциентистских подходов, для кото-

рых все, что не подлежит анализу с помощью инструментария науки, должно быть отнесено к сфере эмоций.

Путь, которым следует работать с ценностями, — это, по Агацци, рефлексивная концептуализация комплексных фактов и ситуаций (свободы, ответственности, интенциональности и пр.), не выводимых непосредственно из опыта.

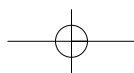
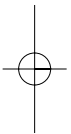
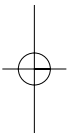
С точки зрения классической гносеологии подобный способ мышления представляется “субъективным” и потому непригодным. Но научная объективность есть всего лишь интерсубъективность, опирающаяся на целый ряд неявных допущений и предпосылок. Ведь научное знание, в конечном счете, зависит от познающего субъекта и, тем самым, подлежит обоснованию.

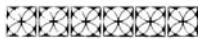
Между тем философские методы “имеют целью достижение уровня объективности более глубокой и более радикальной” [там же, с. 78]. Они применимы не только к исследованию человека, но и к познанию природы, хотя здесь их возможности ограничены только интерпретацией той реальности, которая создается средствами науки. Но в исследовании человека, подчеркивает Э. Агацци, они имеют особое значение, ибо это исследование не может вестись в соответствии с классическими идеалами элиминации субъекта. В субъектности заключается специфика человека. Изучение человека, игнорирующее его субъектность, устраняет свой предмет и не может быть признано адекватным, подытоживает он.

Созерцательная гносеология Нового времени, разумеется, исключала саму постановку подобных вопросов. Наука становится подвластной этике, если понимается не как чисто познавательный акт, а как социальная человеческая деятельность. В этом идеи Агацци были созвучны идеям И.Т. Фролова, также выступавшего на Брайтонском конгрессе с пленарным докладом. И.Т. Фролов говорил о постепенном становлении нового типа науки, обеспечивающего синтез науки и гуманизма. “Есть основания полагать, — отмечал он, — что сейчас формируется новый тип науки, все активнее обращающийся непосредственно к человеку, тесно соединяющийся с практикой, социально-этическими нормами, культурой как целым” [13, с. 132]. Здесь очевидна близость идейной направленности видных философов России и Европы.

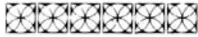
Например, американский философ Хью Лэйси, специально исследовавший вопрос о соотношении ценностей и научного понимания, показывает, что хотя когнитивные ценности (беспристрастность и пр.) удостоверяют истинность результатов познания, сами по себе они еще не задают направления научного исследования. Практика познания включает выбор познавательных стратегий, а на их принятие оказывают выбор моральные и социальные ценности, а не только чисто когнитивные факторы. Мы принимаем теорию, соотнося ее с когнитивными ценностями, но получена она в результате приме-

М. Фролова
Проблемы этики
технонауки
в трудах
Э. Агацци

МЕРА ВСЕХ НАУК

нения методологических стратегий, имеющих социальную обусловленность. Х. Лэйси делает вывод, что “ценности “пропитывают” и должны “пропитывать” формы научной практики, а также в значительной степени определяют выбор направления исследований и область возможностей, которые должны быть вскрыты и объяснены теориями” [9, с. 331]. Социальные сдвиги приводят через ряд опосредствований к утверждению новых когнитивных ценностей.

Разумеется, не все и на Западе, и у нас придерживались подобных позиций. Например, Е.А. Мамчур считает, что не следует смешивать этическую релевантность познавательной деятельности ученого с этической нагруженностью его деятельности как члена социума [10]. Сами по себе процесс научного познания и когнитивная деятельность ученого (особенно если речь идет о фундаментальном естествознании) остаются этически нейтральными, полагает Е.А. Мамчур. При этом ученый не может уклониться от ответственности за то, как полученное им знание будет применяться в обществе. Последнее, однако, касается ученого как члена социума и не имеет отношения к его исследовательской деятельности. Единственное назначение, которое имеет в культуре фундаментальная наука, состоит в том, что она добывает объективно истинное знание о мире. Других целей у науки нет. На теоретической стадии исследование должно быть этически нейтральным. Ученый устанавливает научный факт, а как им распорядится общество — другой вопрос, не имеющий отношения к теоретической деятельности по открытию этого факта.

Позиция Е.А. Мамчура основывается на приверженности идущему от Канта подразделению на теоретический и практический разум — в данном случае трансформированному в идею о том, что познавательная и социальная деятельность ученого — по сути два различных вида деятельности. В этой связи можно заметить, что само указанное противопоставление имеет в своей основе определенную философскую позицию, а она не является безусловной. Само ее появление в истории философии было связано с трудностями, которые обнаружили при реализации когнитивной программы новоевропейской науки и философии. Кроме того, если проблематизировать понятие факта, учесть роль концептуальной нагруженности в процессе установления фактов, то столь строгое разграничение между видами деятельности будет трудно провести последовательно.

Противоречие, от которого данная позиция не может избавиться, в том, что когнитивные ценности, регулирующие поиск истины, — это тоже ценности. Само их формулирование стало результатом социокультурных сдвигов породивших новоевропейскую цивилизацию, и непонятно, почему возникнув, эти ценности должны стать полностью неподвластными социокультурным влияниям, которые вовсе не тождественны

М. Фролова
Проблемы этики
технонауки
в трудах
Э. Агацци

венны субъективизму и релятивизму. Поэтому нельзя согласиться с аргументом, что аксиологический подход субъективизирует ценности.

Дальнейшее развитие и всестороннюю проработку идеи Э. Агацци о соотношении познания и ценностей в век технонауки получили в книге “Моральное измерение науки и техники” [2].

Основная мысль, которую проводит Агацци в книге, — это разграничение между познавательной свободой науки как знания и наукой как видом человеческой деятельности. Соответственно, в первом аспекте наука не должна быть ничем ограничена, а во втором наука подпадает не только под правовые, но и под моральные ограничения. Нетрудно увидеть, что данная позиция существенно отличается от традиционной позиции сторонников ценностной нейтральности науки. В их случае разграничивается научная деятельность и использование ее результатов. Позиция Агацци представляет собой явный шаг вперед по пути учета ценностного измерения процесса познания.

Но проблема заключается в том, что в современной технонауке, практику которой как раз и анализирует Агацци, сложно отделить познавательный аспект от аспекта деятельности. Ценностное измерение здесь получает не только выбор ученым средств познания, но и постановка им целей познания. Вот, в общих чертах, тот круг проблем, который обсуждает Агацци.

Философ выступает против понимания объективности науки через нейтрализацию субъектности ученого, так как подобная деперсонализация ученого заведомо освобождает его от

МЕРА ВСЕХ НАУК

всякой ответственности. Объективность познания проистекает из соблюдения соответствующих операций и процедур. Но поскольку операции и процедуры — вид деятельности, на них распространяется оценка на основе ценностей. Вместе с тем, Агацци считает важным отстоять сферу чистого исследования, основанного на стремлении к знанию как таковому.

Противоречивость своей позиции Агацци пытается снять, вводя тезис о росте ответственности научных коллективов и отдельных ученых. Ученый следующим образом аргументирует тезис: “Если бы научное сообщество отказалось участвовать в недолжном применении науки, то оно было бы невозможно, поскольку сегодня его способны обеспечить только ученые” [там же, с. 45]. Вывод Агацци открывает широкие перспективы практике добровольных мораториев ученых на те или иные виды исследований, начало которой было положено мораторием 1975 году на некоторые виды генетических исследований, принятым на конференции в г. Асиломаре (США).

Агацци упорно ищет причины, порождающие логику технократизма: использовать все научно-технические возможности, даже если может возникнуть угроза безопасности и здоровью человека. Он не решается сделать вывод о рыночной природе технократической гонки, хотя осознает саму проблему и пытается искать средства ее решения в сфере этического контроля.

Ученый следующим образом формулирует основную проблему этики технонауки: “Функционирование технологической системы, по существу, индифферентно целям; когда становятся доступными определенные возможности, технология неизбежно добивается их практического использования; для нее характерна тенденция использовать всякую возможность” [там же, с. 90]. Возникает опасность абсолютизации технонауки, ее разрыва с нравственностью. На самом деле, “логика” эффективности еще опаснее, чем показывает это Агацци. Стремление к предельной эффективности может привести к действиям не только безнравственным, но и противоразумным, абсурдным, ибо создание продуктов, угрожающих выживанию человечества бесчеловечно как в нравственном, так и в когнитивном смысле.

Анализируя идеологии сциентизма и технологизма, Агацци показывает внутреннее несоответствие между всеобщностью идеологической формы и ограниченностью науки и технологии, которые сохраняют свою идентичность лишь в контексте определенных условий, в ограниченном тематическом горизонте. Наука и техника только тогда — наука и техника, когда применяются для решения данных задач известными методами. Поэтому идеологическая функция не совместима с сущностью науки и технологии.

Соответственно, проблема в том, что науку и технологию легко можно повернуть против человека. Идеологии сциентиз-

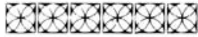

ма и технологизма, включающие позицию нейтральности субъекта познания, не содержат преград против подобного поворота. “Как же такая цивилизация может выражать ценности, наделять смыслом собственную историю и судьбу? — спрашивает Агацци. — Только человек может ставить цели, отстаивать ценности” [там же, с. 79]. Вместе с тем антисциентизм, по Агацци, — тупиковый путь. Современный интеллектуал должен, утверждает философ, защищать науку, борясь в то же время с идеологией технократизма. Он видит пути решения в поддержании баланса между научно-технической подсистемой и другими подсистемами общества как целого.

Агацци предлагает придерживаться следующего принципа: “Мы вправе (и даже обязаны) сосредоточиться только на человеческих аспектах деятельности и творчества человека, когда хотим изучить человеческое существо в том, что собственно делает его таковым, в том, что касается интенциональности и ценностей” [там же, с. 122]. Применение этого принципа требует пересмотра понимания объективности познания. Наступила такая стадия развития науки, когда человек изучается в собственно человеческих проявлениях. Познание человека в этом случае не достигнет идеала объективности как раз в том случае, когда будет игнорировать специфически человеческое в человеке. Агацци справедливо обращает внимание на то, что новая ситуация познания предполагает учет интенций, целей, норм и ценностей в логике научного исследования. Необходи-

МЕРА ВСЕХ НАУК

мы не только дескриптивные, но и предписывающие нормы. Выход за рамки традиционного понимания научности вовсе не означает выхода за границы рациональности. Поиск новых норм познания следует вести в этике и философии. Первым примером обновления логического инструментария науки в этом направлении Агацци считает концепцию идеальных типов М. Вебера.

Практическая рациональность, соответствующая новой ситуации познания, не только анализирует цели ученого, но и рассматривает средства, причем не в смысле их эффективности, а в плане соответствия гуманистическим ценностям. В этом “различении возможностей” — принципиальное различие между практической и научно-технической рациональностью [там же, с. 149–150]. Вне указанного различия “империализм” научно-технической рациональности приведет к иррационализму: “Если техническая деятельность пренебрегает этим измерением и ограничивается чистой *эффективностью*, она перестает быть человеческой деятельностью” [там же, с. 152]. Особенно важно, что Агацци распространяет принцип гуманистической оценки средств познания не только на прикладные, но и на “чистые” области познания. Ученый поднимается в своем анализе рациональности до понимания сути процессов отчуждения в современном обществе: “Технология, созданная человеком, ускользает от его контроля, поскольку человек превратил ее из человеческой деятельности в собственном смысле слова во что-то иное” [там же, с. 154].

Проанализировав проблематику этики технонауки в общефилософском плане, Агацци обращается непосредственно к биоэтическим проблемам. “Моральная законность манипуляции человеком в целях научного исследования давно уже является проблемой”, — констатирует он [там же, с. 173]. Агацци формулирует следующий этический принцип современного научно-технического познания: “Мы должны, во-первых, избегать действий, если можно предвидеть, что они повлекут за собой серьезные негативные последствия, и, во-вторых, пытаться по мере сил предвидеть неизбежные негативные последствия своих действий” [там же, с. 181]. Данный принцип представляется Агацци гарантией от бесплодных сожалений о том, что “лучше было бы не знать некоторых вещей”.

Приходится высказать сомнения насчет того, насколько этот принцип может быть проведен в жизнь. Первая его часть сомнений не вызывает. Но вторая трудно исполнима. Хорошо известно, что человеческая рациональность не может предусмотреть всех обстоятельств и последствий совершаемых человеком действий. В отличие от собственно природных существ, человек — существо ошибающееся. Возможно, поэтому он и стал человеком. Но он стал им естественным путем, как результат развития высшего уровня природного существования.

Достичь того же результата путем сознательного рационального конструирования — невозможно.

Позитивной стороной этико-научной и биоэтической концепции Э. Агацци является изучение им проблематики рисков. Он приходит к выводу, что оценка степени риска стала основной проблемой в моральной оценке научного исследования и его применений. Техника предназначена минимизировать риски. Но, подчас, в технотехнике успех опаснее неудачи, ибо может включать непредвидимые нежелательные последствия, в том числе — отложенные во времени.

Риск означает выбор, следовательно, принятие решения на основе работы с ценностями. Заслуга Агацци в том, что он вносит ценностное измерение и в вопрос о целях, и в вопрос о средствах науки. Вопросы эффективности вторичны по отношению к вопросам этики. “Представление, будто этическое измерение можно просто оставить на заднем плане, что можно не делать его предметом осознания и собственно этического рационального анализа, указывает на глубокую недостаточность обычной установки”, — подчеркивает Агацци [там же, с. 195]. Необходимо признать обязательным включение этического измерения в экспертную оценку всякого проекта. Только тогда можно будет отказаться от конкретного проекта из-за полной или частичной моральной неприемлемости его целей и средств.

Вопросы биоэтики и гуманитарной экспертизы выводят философа на проблему качества научной информации, добро-совестности в исследованиях. При оценке риска мы должны быть готовы сделать выбор в условиях неопределенности. В сложных ситуациях, по мнению Агацци, мало помогают вычисления выгод и убытков: почти всегда приходится “разрубать гордиев узел”. В этих условиях возрастает ответственность ученого за принятие решения экспертным внеученым сообществом и властью. Он должен предоставлять качественную информацию, участвовать в формулировании корректных суждений, разграничивать реальные и виртуальные риски и помогать обществу адекватно их воспринимать. Только так ученый способен помочь обществу рационально использовать технологии, избегая преувеличенных ожиданий и неоправданных страхов. В этом — ответственность современного ученого. В случае необходимости ученый должен принять самоограничение в познании. Но наложение самоограничения лишь подчеркивает свободу его выбора.

Как подлинный философ, Э. Агацци понимает, что всякая этика, в том числе и этика технотехники, опирается на философскую антропологию, философское осмысление человека. Он исходит из того, что в создании образа человека участвует не только конкретное знание, до некоторой степени разъясняющее, кто мы есть, но и ценности, формулирующие, какими мы хотим быть. Поэтому образ человека немислим без це-

М. Фролова
Проблемы этики
технотехники
в трудах
Э. Агацци

МЕРА ВСЕХ НАУК

лей и идеалов, которые “*должен осуществить человек* или человечество, чтобы достичь полного самовыражения” [там же, с. 280]. Агацци, по сути, повторил известную мысль Энгельса, которую у нас часто цитировал И.Т. Фролов: уникальность человека заключается в том, что “его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим*” [11, с. 510; 13, с. 65]. Развивая эти идеи, Агацци справедливо пишет о том, что человеческая природа “есть скорее *задача, которая должна быть выполнена*, нежели нечто данное... В этом смысле она есть образ человека, который постоянно направляет моральные действия и определяет позиции индивида и сообщества, поскольку включает в себя цели и ценности, которые должны характеризовать подлинную человеческую жизнь” [2, с. 280]. Агацци приходит к пониманию исторического развития человеческой природы. Ценности в этом случае — не абстрактные сущности, а часть образа человека. Согласно философу, они становятся тогда конститутивными признаками, а это значит, что “человек поступал бы *разумно*, если бы вел себя в соответствии с ними” [там же, с. 281].

Свою концепцию этики технонауки Э. Агацци развил в работах последнего десятилетия. Он исследовал связь между возникновением этики технонауки и тем гносеологическим и методологическим поворотом [7] в философии, начало которому было положено кантовской критикой метафизики и который был продолжен в первой половине XX века логическим эмпиризмом, а во второй половине XX века получил неожиданную поддержку в постпозитивизме и социокультурном повороте в эпистемологии науки. Акцент философского интереса переместился из онтологической проблематики в гносеологическую, а затем — в историко-социологическую и аксиологическую [3]. Социологический поворот в философии науки изменил привычные представления о критериях истинности и объективности научного познания и открыл возможность изучать науку как вид человеческой деятельности, причем “сложной, расчлененной коллективной деятельности научного *сообщества*” [там же, с. 46].

Возникшее в результате осознания социальной обусловленности научной деятельности недоверие к когнитивной проблематичности науки не должно, по мнению Э. Агацци, умалить объективность научного знания. Предложенное им решение находится в русле его концепции разграничения науки как знания и как действия: эпистемология науки с ее объектом — знанием — должна быть дополнена аксиологией науки, изучающей научное познание как деятельность. Сложность проблемы в том, что “как только мы начнем рассматривать научную *деятельность*, и особенно деятельность *технонауки*, мы должны будем признать, что способы их реализации, их условия, мотивы, последствия релевантны многим аспектам человеческой

жизни, ориентирующимся на многие *некогнитивные* ценности” [там же, с. 50]. Первая трудность переосмысления философии науки сегодня состоит именно в том, чтобы понять, что наука — сложная реальность, несводимая только к когнитивному измерению. Но за ней следует вторая трудность: сделать понятие науки как знания совместимым со всеми зависимостями, которые возникают из ее социального контекста.

По Агацци, результаты социологии науки могут рассматриваться как достижения в эпистемологии науки, только если они не ведут к отказу от фундаментальных характеристик науки, то есть объективности и строгости [5, с. 66].

В этой пограничной ситуации может быть выделена сфера аксиологии и этики науки как специальной дисциплины, изучающей вопросы целей, ценностей и ответственности науки — проблемы, которые, как пишет Агацци, не могут быть отданы на откуп специалистам по этике.

Философ специально обосновывает право на существование этического измерения науки внутри самой науки [4]. Веберовское понятие науки как знания, свободного от ценностей, устарело, считает Э. Агацци. Вернее, веберовские требования сохраняют свое значение применительно к науке как знанию. Но “научное знание — не “вещь”, подобная явлению природы, а продукт сложной человеческой деятельности” [там же, с. 95]. А человеческие действия, из которых состоит занятие наукой, никогда не могут быть морально нейтральными. Как именно может осуществляться нравственная оценка науки в новом смысле этого слова — не извне, когда оцениваются последствия ее применения, а изнутри?

Ответ Агацци высвечивает то новое, что он привносит по сравнению с веберовским пониманием познавательных действий. М. Вебер разграничивал целерациональные и ценностно рациональные действия: первые характеризуются ценностной нейтральностью. Для Агацци нравственная оценка науки зависит от рассмотрения целей науки. Исследованию с точки зрения моральной приемлемости должны быть подвергнуты не субъективные намерения ученых, а объективные, имманентные цели их действий или деятельности.

В еще большей степени необходимо обосновывать моральную законность применяемых учеными средств. “Это стало очевидным, когда экспериментальное исследование человека неизбежно привело к манипулированию людьми (парадигматическим случаем этого явились медицинские исследования), — пишет Агацци. — В настоящее время широко обсуждаются эксперименты с человеческими эмбрионами и генетические мероприятия с чисто исследовательскими целями, которые интересно рассмотреть здесь, поскольку они показывают, что нравственные проблемы могут возникать в чистой науке, порождая ограничения ее свободы, несмотря на нравственную безупречность ее цели. Нетрудно признать, что эти соображе-

М. Фролова
Проблемы этики
технонауки
в трудах
Э. Агацци

МЕРА ВСЕХ НАУК

ния относительно этической релевантности средств чистой науки могут быть без всяких изменений перенесены и на прикладную науку” [там же, с. 98].

Наряду с целями и средствами в предмет аксиологии и этики науки как философско-научной дисциплины, эмансипированной от собственно этики, входят также условия научной деятельности и оценка вероятных последствий тех или иных научных действий, включая *непреднамеренные*. В последнем случае, так же, как и в случае со средствами, анализу подлежат не намерения ученых, а конкретные результаты их действий, ибо “цель не оправдывает последствия”.

Агацци утверждает, что соблюдение этических норм применительно к реальным человеческим действиям сегодня требует учета результатов ряда наук, особенно наук о человеке, от биологии до генетики, нейробиологии, психологии и социологии. Аксиология и этика науки должны включать регулятивно-прикладную сферу, где исследование возможных рисков переходит в регулирование научной деятельности в целях минимизации рисков. Основным инструментом регуляции могут служить внутринаучные этические кодексы. Опасения, которые часто приходится слышать, будто регулирование научной деятельности стеснит свободу поиска, не имеют оснований, считает Агацци. Все дело в том, как организовано регулирование. Оно должно характеризоваться разумной гибкостью: была бы уместна некоторая степень правового регулирования, в то время как соблюдение более гибких норм должно контролироваться механизмами, предписываемыми обычно деонтологическими нормами различных профессий [там же, с. 104].

Обоснование Агацци самостоятельного статуса аксиологии и этики науки в рамках философии науки в целом близко тому пониманию философии “как экспертизы”, которое развивается сегодня в секторе гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. В современном “обществе знаний” “инженерия знаний” должна соответствовать “идее высокого уровня человеческой экспертизы” [6, с. 14]. Агацци считает, что системы, основанные на знаниях, технологически включают в процесс принятия решений экспертные системы. Иначе вовсе нельзя говорить о достоверности получаемых знаний, об учете при этом всех существенных аспектов.

В систему технонауки, по Агацци, следует включить “бесполезные” с чисто прагматической точки зрения знания о ценностях. Ранее, когда наука отождествлялась с моделью естественных наук, подобное было невозможным. Но благодаря интенсивным исследованиям социальной обусловленности науки само общее понятие науки оказалось переформулированным [5, с. 58]. Наибольшие заслуги в этом, по мнению Агацци, принадлежат западному марксизму и концепции Томаса Куна. Справедливости ради, нужно отметить, что наша философия

и социология науки 1960–1980-х годов, которая развивалась параллельно методологическому движению Т. Куна, внесла в переосмысление сущности, функционирования и развития науки вклад куда больший, чем франкфуртцы или французские “новые левые”. Агацци, в отличие от многих своих коллег на Западе, это знает.

Э. Агацци поддерживает контакты с сотрудниками Института философии РАН и, в частности, с сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики. Свидетельством тому стала статья о гуманистической ценности науки, присланная им в сборник по итогам Чтений памяти академика И.Т. Фролова.

Агацци напоминает в этой статье, что наука возникла и развивалась как выражение гуманистических устремлений человека и человечества, но когда научные достижения были использованы в технологиях, поставивших человечество на грань выживания, наука оказалась в ситуации морального кризиса. Интересы войны, власти и прибыли, а подчас прямое манипулирование истиной, скомпрометировали деятельность ученых. Агацци считает насущной задачей “восстановить подлинный смысл гуманистической ценности науки” [8, с. 63]. Для этого должны произойти определенные изменения в системе ценностей, которая регулирует научную деятельность. Прежде всего, речь идет о фетишизации нового, пусть незначительного результата, который сопровождается недооценкой “уже известного”, а, стало быть, слабой постановкой синтетических задач, задач, которые не могут решаться без обращения к философским вопросам науки. Агацци говорит о необходимости “расширения профессионального мировоззрения” ученых. В основе подобного “расширения” — магистральная идея Агацци о том, что наука есть не только система знания, но и разнообразность человеческой деятельности, включающая самые различные аспекты.

В этой связи, ученый обратился к проблемам свободы и ответственности в науке. Необходимо нивелировать возможные опасные последствия научно-технической деятельности.

Ни у кого не вызывает сомнения необходимость общественного контроля над наукой. Но общественный контроль на практике часто превращается в политический. Кроме того, возникает проблема компетентности тех, кто берет на себя функции контроля. Контроль над наукой может обернуться своей противоположностью: стремясь повысить социальную ответственность науки, мы влияем на постановку учеными целей их исследований. Пути решения обозначенных проблем Агацци видит в сочетании максимальной свободы научного поиска с полной ответственностью ученых за свои действия. Ученый, будучи сам членом общества, сможет примирить интересы общества с потребностями научного творчества.

Анализ философско-этических идей и поисков Э. Агацци показывает, что в его работах затронуты ключевые проблемы

М. Фролова
Проблемы этики
технонауки
в трудах
Э. Агацци

МЕРА ВСЕХ НАУК

социальной эпистемологии и этики науки. Основные темы его размышлений близки к вопросам, которые обсуждаются в нашей философии, в частности в секторе гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН (биоэтика, гуманитарная экспертиза, проблема добросовестности в исследованиях). В созданном и руководимом Э. Агацци журнале *Bioethics Update* в редколлегию входят П.Д. Тищенко и Б.Г. Юдин. Кроме того, по приглашению Э. Агацци Б.Г. Юдин участвовал в 2014 году в международной конференции, посвященной юбилею ученого и в книге, выпущенной по итогам этой конференции, опубликовал статью [14].

Э. Агацци обосновал необходимость выработки внутренних регулятивов научной деятельности как способов соотношения целей научной деятельности с ее возможными социальными последствиями и общественными рисками, превращения ответственности ученых в необходимый морально-этический дискурс.

Литература

1. Агацци Э. Человек как предмет философского познания // О человеческом в человеке. М., 1991.
2. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М., 1998.
3. Агацци Э. Переосмысление философии науки сегодня // Вопр. философии. 2009. № 1.
4. Агацци Э. Почему у науки есть и этические измерения? // Вопр. философии. 2009. № 10.
5. Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопр. философии. 2010. № 7.
6. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопр. философии. 2012. № 10.
7. Агацци Э. Методологический поворот в философии // Вопр. философии. 2014. № 9.
8. Агацци Э. Гуманистическая ценность науки: вчера и сегодня // Новое в науках о человеке. М., 2015.
9. Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М., 2008.
10. Мамчур Е.А. Наука и этика // Этика науки. М., 2007.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 510.
12. Моральное измерение науки и техники. М., 1998.
13. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. М., 1989.
14. Ethical Reflections on Science and Technology / Science between Scientific and Philosophical Debate / Alai M., Buzzoni M., Tarozzi G. (Eds.) Springer, 2015.

РУДОЛЬФ ДЕККЕР, ИСТОРИК*

© 2016

Ю.П. Зарецкий

Именно так лаконично, представляется обычно автор публикуемого ниже текста. Из его немногословного резюме можно узнать, что учился он в Амстердамском университете, там же в 1982 году защитил докторскую диссертацию о бунтах и восстаниях в Голландии XVII и XVIII веков, потом на протяжении тридцати лет работал в университете Эразма в Роттердаме, а сейчас возглавляет основанный им самим Центр по изучению эгодокументов и истории при Институте Хёйзинги в его alma mater, Амстердамском университете.

Но вот творческая биография историка удивительно богата и разнообразна. Его первые публикации были в основном посвящены социальной истории Нидерландов в раннее Новое время¹. Однако через несколько лет его увлекла новая тема: юмор в Голландии Золотого века. Работа над ней вылилась в серию статей и книгу, вышедшую, как и большинство его публикаций на двух языках: нидерландском и английском². После этого он взялся за написание книги по истории Нидерландов от Средних веков до современности. Название книги явно провокативно: «Больше в прошлом, чем в будущем: История исчезающих Нидерландов»³. Обыгрывая расхожий образ страны, лежащей в уютной болотистой дельте, автор по-новому, часто с неожиданной стороны, представляет известные исторические эпизоды. Сегодняшний образ Нидерландов, считает Деккер, создан избирательной памятью об великом прошлом, в основном относящейся ко временам «Золотого века». Но есть ли уверенность, что Нидерланды просуществовали следующие пятьсот лет?

Книга о голландских университетах, вышедшая в прошлом году, — еще один поворот в исследовательских интересах историка. Ее название, не менее выразительное, чем у предыдущей работы лежит, можно перевести как «Путь к самой лучшей гибели: Голландские университеты, прошлое, настоящее и будущее»⁴. Впрочем, реформы университетской системы в «старой Европе» сегодня бурно обсуждаются в академических кругах всех без исключения стран-участниц Болонского соглашения. Вот и Деккер решительно протестует против превращения университетов в коммерческие предприятия.

Но среди всего разнообразия интересов и направлений исследований отчетливо прослеживается доминанта: на протяжении нескольких десятилетий Деккер не прекращает изучать голландские автобиографические свидетельства раннего Нового времени.

* Вступительная статья подготовлена в рамках исследования (№ 16-05-0001) Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)» в 2016 году с использованием выделенной НИУ ВШЭ субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

**ЛИЦО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ**

**Зарецкий Юрий
Петрович —**

доктор исторических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики». В журнале «Человек» публикуется впервые. E-mail: yzaretsky@hse.ru

¹ Это были статьи: Dekker R., Van de Pol L. Women in Revolt. Collective Protest and its Social Basis in Holland in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // Theory and Society. 1987. № 16. P. 337–362; Dekker R. «Labour Conflicts and Working-Class Culture in Early Modern Holland // International Review of Social History. 1990. vol. 35. P. 377–420 и переведенная на несколько языков книга, также написанная совместно с Лоттой ван де Пол: Dekker R., Van de Pol L. The Tradition of Female Transvestism in Early Modern Europe. L.: Macmillan Press. 1989. (Здесь и далее я буду, в основном, ссылаться на работы, которые вышли на английском языке.)

³ Dekker R. Meer verleden dan toekomst. Geschiedenis van verdwijnend Nederland. Bert Bakker Bijzonderheden. 2008

² Dekker R. Humour in Dutch Culture of the Golden Age. Palgrave Macmillan. 2001.

⁴ Dekker R. *The Road to Excellent Ruin. Dutch Universities, Past, Present and Future*. Amsterdam: Panchaud. 2015. В названии Деккер иронизирует по поводу слова "excellence", которое сегодня повсеместно используется в Европе для обозначения высшей успешности университетов и научных центров.

⁵ Dekker R. *Childhood, Memory and Autobiography in Holland from the Golden Age to Romanticism*. Hampshire and London: Macmillan Press. 1999.

⁶ Baggerman A., Dekker R. *Child of the Enlightenment, Revolutionary Europe reflected in a boyhood diary*. Leiden: Brill, 2009.

⁷ О судьбе термина и спорах вокруг него см.: Greyertzvon K. *Ego-Documents: The Last Word? // German History*. 2010. Vol. 28. № 3. P. 273–282.

⁸ Деккер Р. Изменение роли игрушек и игр в воспоминаниях голландцев о детских годах на протяжении XVII–XX столетий // "Вся история наполнена детством": наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. М.: РГГУ, 2012. С. 249–266.

⁹ Это уже вторая научная автобиография исследователя автобиографии, ставшая доступной русскому читателю. См. первую, известного литературоведа Филиппа Лежёна: Лежён Ф. *От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // Неприкосновенный запас*. 2012. № 3. С. 199–2017.

Этот интерес, как он сам пишет, появился у него еще во время работы над докторской диссертацией и вылился в целую серию работ, получивших европейскую известность. И параллельно с этой работой он обратился к увлекшей его новой теме, с конца 1970-х годов получившей в историографии название "история детства". Впрочем, тема эта была достаточно тесно связана с его главным научным интересом — его прежде всего интересовало, что и как люди рассказывали о собственном детстве в своих автобиографиях. Ответом на этот вопрос стали две его книги, о которых он, видимо из скромности, не упомянул в своем докладе. Первая — "Детство, память и автобиография в Голландии от Золотого века до Романтизма"⁵, вторая, написанная вместе с его многолетним соавтором Арианной Баггерман, носит название "Дитя Просвещения: Революционная Европа в дневнике одного мальчика"⁶.

О последней стоит сказать особо. Ее голландское издание появилось в 2005 году, а в следующем книга получила присуждаемую раз в три года высшую в Нидерландах премию "За произведение нидерландской изящной словесности выдающихся достоинств" (Dr. Wijnaendts Francken Prize). Основное ее содержание составляет анализ дневника мальчика из состоятельной и образованной семьи (его отец был известным судьей), который тот вел с десяти лет до своей смерти (он умер от туберкулеза в восемнадцать). Этот дневник помещается в широкий и очень детальный исторический контекст, "оживляющий" повседневную жизнь и мироотношение людей этого переломного для европейской истории времени, причем не только в Голландии, но и во Франции, где мальчику также довелось пожить.

Дневник становится отправной точкой для размышлений о практике ведения каждодневных записей детьми в конце XVIII века, о том, что нам сегодня известно о детском чтении в те времена, о широте тогдашней читающей публики, о понимании границ между публичной и частной сферами накануне Французской революции. А отраженные в дневнике переживания и несчастья, связанные с домашним обучением, перетекают в мини-трактат об особенностях образования в эпоху Просвещения. В итоге современный читатель открывает существовавшие в Нидерландах двести с лишним лет назад способы мыслить, повседневные привычки, идеи и желания, одновременно похожие и очень непохожие на наши, и глубоко погружается в незнакомый ранее мир. При этом зафиксированные в дневнике эпизоды повседневной жизни, происшествия и бытовые детали наполняются необыкновенным разнообразием и богатством смыслов.

Работа историка над своей излюбленной темой продолжается и сейчас. Скоро читатели смогут познакомиться с новыми исследованиями Деккера, написанными на основе автобиографических сочинений — удивительных свидетельств, хранящих живые голоса людей прошлого. И это знакомство снова превратится для них в захватывающее приключение.

На этом можно было бы и остановиться, тем более, что о многих обозначенных здесь сюжетах историк сам рассказывает в публикуемом материале. Однако нельзя не обойтись без еще одного добавления. Мало кто знает, что неологизм "эгодокумент", впервые появившийся в Голландии в середине 1950-х годов, вошел в употребление у историков всего мира и, в частности, закрепился в понятийном аппарате российского научного сообщества именно благодаря работам Деккера⁷. Хотя лишь опосредованно: недавно я, к своему удивлению, обнаружил, что на русском языке имеется лишь одна работа из многих десятков, написанных историком⁸. Предлагаемая вниманию читателей журнала "Человек" статья может заполнить этот досадный пробел, конечно, лишь в самой малой степени. И путь не пугает читателя свое сухое название: это не академические рассуждения на очень специальную тему, а научная автобиография, результат многолетних ученого над многими тысячами прочитанных страниц⁹.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В НИДЕРЛАНДАХ

© 2016

Рудольф Деккер

Цель настоящей статьи — кратко рассказать о некоторых тенденциях в развитии автобиографического письма в Нидерландах в Новое время. По ходу я остановлюсь на некоторых методологических проблемах попытаюсь ответить на ряд вопросов современной историографии и историографии прошлых лет.

Но сперва — несколько общих соображений о том, как должен подходить историк к изучению автобиографического письма прошедших времен. Прежде всего, историку, занимающемуся автобиографическими документами, нельзя ограничиваться архивными материалами и книгами — о своем предмете он должен узнать на практике. В нашем случае это означает, что он и сам должен вести дневник (по крайней мере, некоторое время), а в какой-то момент — написать автобиографию. В ходе учебного курса по данному предмету я часто на первом же занятии даю студентам задание вести дневник в течение недели. Через неделю я выясняю у них, удастся ли им ежедневно делать записи, не пропускают ли они те или иные важные детали, дают ли кому-то знакомиться со своим дневником и т.д. Часто опыт оказывается чрезвычайно поучительным: каждому, кто пытается изучать, интерпретировать и использовать подобные тексты, дошедшие из прошлого, важно понимать реальные обстоятельства ведения дневника.

Может быть, еще более важный опыт дает попытка написать автобиографию. Хотя, конечно, нельзя требовать этого от студентов, которым едва минуло двадцать лет. Должен признаться, я и сам только недавно попытался сделать это. И эксперимент был очень полезен. Теперь я намного лучше представляю себе трудности, встающие перед автором подобного текста: не так легко решить, что включить, что опустить, что скрыть; для какого читателя действительно предназначен ваш текст и т.д. И еще: насколько можно доверять собственной па-

**ЛИЦО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ**

**Деккер
Рудольф** —
доктор философии,
профессор Утрехтс-
кого университета.
E-mail:

Перевод выполнен по тексту доклада, прочитанного автором на конференции “Автобиографические сочинения в международных исследованиях” (Москва, июнь 2016). Название статьи принадлежит редакции.

71

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

мяти? После такого упражнения начинаешь подходить к чужим автобиографиям с большей осторожностью, а порой и с большим уважением.

А если автобиографию пишет историк, у него возникает еще одна проблема. Его учили быть объективным и снабжать свои тексты сносками; свою задачу он всегда видел в том, чтобы строго отделять правду от вымысла, от литературы и литературщины. Но ведь автобиография всегда субъективна и в ней всегда присутствует литературность! Искренность здесь не менее важна, чем простая правда факта. Как заметил один из ведущих специалистов в этой области, Пол Джон Икин (Paul John Eakin), “правда автобиографии не есть нечто заданное раз и навсегда — это содержание, развертывающееся и развивающееся в процессе самосозидания”. Автобиография — это “способ жизнестроительства”. Конечно же, историку сама мысль о какой-то “субъективной правде”, в том числе и в автобиографии, представляется опасной ересью. Об этой стороне отношений историков с жанром автобиографии писал Джереми Попкин (Jeremy Popkin) в книге “История, историки и автобиография” (“History, historians and autobiography”, 2005), показав, как пытались решить эту проблему некоторые наши коллеги¹.

Здесь не место подробно говорить о моей собственной автобиографии, за одной лишь оговоркой. В автобиографии каждого историка есть глава о “моем пути к истории” — такое название носит краткая автобиография голландского историка Йохана Хёйзинги. Я же скажу лишь о “моем пути к эгодокументам”. В 1970-х годах я работал в Амстердамском университете над диссертацией о мятежах и восстаниях в Голландской республике. Главными источниками для меня были, как обычно, архивные документы, такие как протоколы допросов мятежников и вынесенные им приговоры. Но когда я наткнулся на дневники очевидцев, передо мной зачастую оказывалась совершенно другая история. Тогда я и осознал значение такого рода эгодокументов: расхождения между официальной и неофициальной историей буквально били в глаза. Я задумался, а так ли справедлива твердая убежденность тогдашних голландских историков в решающей роли архивных источников и их настороженность по отношению к личным текстам. Однако обнаружить эгодокументы в архивах и библиотеках, как оказалось, было очень непросто: не существовало никакой методики, позволявшей отыскать подобные источники, спрятанные в семейных архивах или коллекциях рукописей. Поэтому мой следующий проект состоял в том, чтобы с небольшой командой провести систематический поиск по всем голландским архивам и библиотекам. Результатом стал сводный каталог с краткими описаниями всех дневников, автобиографий, мемуаров и других подобных текстов с XVI по начало XIX века, которые мы сумели отыскать. За ним последовал аналогичный каталог, охватывавший весь XIX век вплоть до 1914 года, опубли-

¹ О последних тенденциях и достижениях в историографии эгодокументов см.: [2].

ликованный в Интернете. В результате в распоряжении голландских историков теперь есть уникальная база данных, к тому же весьма полная, особенно в том, что касается раннего Нового времени, — за прошедшее с тех пор время всплыло всего несколько десятков рукописей этого периода, не попавших в каталог.

Эти проекты финансировались голландским национальным фондом научных исследований (NWO). Тогда, тридцать лет назад, наши старшие коллеги были настроены решительно против нашего проекта: документы такого рода считались ненадежными, годными лишь для изучения экстравагантных случаев или воссоздания атмосферы времени и места. К тому же коллеги предупреждали, что поиск будет тщетным: слишком трезвыми, практичными, рациональными людьми были голландцы и личных текстов они просто не писали — только вели бухгалтерские книги. К счастью, с их возражениями не посчитались.

Здесь нужно кое-что сказать о самом слове “эгодокумент” и его изобретателе Жаке Прессере. Жак Прессер был профессором в Амстердамском университете и вышел в отставку в 1969 году — в том самом, в котором я стал его студентом. Он читал курс по предмету, который сам назвал “эгодокументы”, — по текстам, в которых автор пишет о себе самом: дневникам, мемуарам, автобиографиям. Слово “эгодокумент” было для него просто полезным обобщающим понятием. Он был одним из очень немногих в Нидерландах, кто отстаивал ценность подобных текстов для историка. Одним из первых он прочел дневник Анны Франк, написал о нем и в своем главном труде — истории голландских евреев во времена немецкой оккупации — широко использовал эгодокументы (наряду с интервью, и тем, что позже получило название “устной истории”). И хотя коллеги критиковали его за использование и защиту этих источников, слово “эгодокумент” вошло в широкое употребление и скоро его стали включать в голландские словари.

Спустя более чем тридцать лет отношение историков к эгодокументам полностью изменилось, и не только в Нидерландах. Наш сводный каталог, изданный в начале 1990-х годов, убедительно свидетельствовал, что голландцы писали документы личного характера куда чаще, чем считалось. В последние годы было выполнено много публикаций текстов. Некоторые недавно обнаруженные эгодокументы времен Золотого Века принесли их авторам, ничем до того не известным, таким как Херман Вербеек (Hermanus Verbeeck) или Давид Бек (David Beck) заслуженную посмертную известность: их цитируют едва ли не в каждом новом исследовании о данном периоде. Подобная перемена в отношении была общей тенденцией. С 1970-х годов в нескольких странах такие историки, как Алан МакФарлейн (Alan McFarlane), Натали Дэвис (Natalie Davis), Эмануэль Ле Руа Ладюри (Emanuel Le Roy Ladurie), Джим Амелэнг (Jim Amelang) и ряд других, публикуют важные исследования, осно-

Р. Деккер
Долгосрочные
тенденции
автобиографиче-
ского творчества

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

ывающиеся на эгодокументах. Термин “эгодокумент” прижился в нескольких языках. Позже, где-то около 2000 года, понадобился даже еще более общий термин — жизнеописательная литература, охватывающий и биографическое, и автобиографическое письмо. Очевидно, потребность в новых понятиях приводит к созданию неологизмов. Это было столь же верно и около 1800 года, когда вошло в оборот слово “автобиография”, хотя имя его изобретателя не известно. По моему мнению, практическое использование новых слов важнее их строгих определений.

В Нидерландах эта перемена в отношении затронула и сферу истории литературы. Еще лет тридцать назад автобиографии в целом вообще не относили к литературе. Конечно, за некоторыми из подобных текстов признавали литературную ценность, особенно если дело касалось всемирно признанных высших образцов европейского канона — от Руссо, Гёте, Шатобриана, Стендаля и Жорж Санд в начале XIX столетия до таких современных авторов, как Жан-Поль Сартр. Но это воспринималось как исключения, и, что еще важнее, авторы этих автобиографий еще раньше приобрели высокую репутацию как романисты. Однако в 1968 году Стивен Шапиро опубликовал статью, в которой призывал своих коллег — литературоведов и литературных критиков — обратиться к изучению того, что он назвал “таинственным Черным континентом литературы”. С тех пор многое изменилось. Сегодня изучение автобиографий — это вполне оформившийся предмет литературных исследований.

До недавнего времени голландские историки литературы практически полностью игнорировали автобиографическое письмо. Среди них, как и среди историков, существовала убежденность, что голландцы не интересовались самонаблюдением и самоанализом и даже были к ним неспособны. Даже автобиографии двух ведущих голландских поэтов XVII столетия, — Якоба Катса и Константина Пуйгенса [отца прославленного физика — *примеч. перев.*] до недавнего времени почти не вызвали интереса. И в новой многотомной Истории голландской литературы лишь в самом последнем из вышедших томов нашлось место “Черному континенту литературы”.

Важнейшей точкой встречи между историей и литературой, между фактом и вымыслом является автобиографический роман. В голландской литературе этот гибридный жанр занимает столь же важное место, как и в любой другой. Именно к нему можно отнести два самых известных голландских романа XIX века. В первом, “Максе Хэвелааре” Эдуарда Доувеса Деккера, изданном в 1860 году, автор описал собственный опыт жизни в голландской Ост-Индии, заменив географические названия многоточиями. Вторая книга — роман Луи Купейруса “Элине Вере” о жизни высшего общества в Гааге времен *fin-de-siècle*, предположительно основанный на ныне утраченном дневнике его автора[8; 7].

Вероятно, для историка четко отделять вымысел от факта важнее, чем для литературоведа. В принципе, составляя наш каталог голландских эгодокументов, мы сознательно не включали в него тексты, претендующие на принадлежность к художественной литературе, не считаясь с иногда очевидными автобиографическими элементами в них. Однако, мы, историки, должны, со своей стороны, признать, что у каждой автобиографии есть определенные черты художественной литературы.

Несколько цифр

Сначала несколько цифр. В процессе работы удалось отследить около 2 500 эгодокументов (автобиографий, мемуаров, дневников) за период 1500–1914 годов. На графике, построенном моей коллегой Арианной Баггерман, ясно виден резкий всплеск в последней четверти XVIII века. Он заметен по всей Европе. Толчком к нему во многом послужило появление двух книг: “Исповеди” Жан-Жака Руссо (первый том вышел в 1782) и “Тайного дневника” (“*Geheimes Tagebuch*”) немецкого министра Каспара Лафатера (1771). Обе книги приобрели большое влияние в Нидерландах и породили резкий всплеск автобиографического письма около 1800 года. За первое десятилетие XIX века отмечено столько же текстов, сколько их выявлено за все XVI столетие. С этого времени наблюдался устойчивый рост, так что на XIX век приходится в 10–15 раз больше эгодокументов, чем на XVI².

Можно присмотреться и к отдельным поджанрам, например, к воспоминаниям о детских годах. В XVI–XVIII столетиях таких текстов вообще не существовало, а в XIX веке они становятся очень популярными. Можно говорить о том, что авторы автобиографий открыли для себя детство, последовав за Жан-Жаком Руссо, утверждавшим в “Исповеди”, что нужно знать ребенка, чтобы понять взрослого. Это было логическим следствием новых идей о детях и воспитании, появившихся в XVIII столетии, — их выдвинул и отстаивал, в первую очередь, тот же Руссо в знаменитом романе воспитания “Эмиль”. В детстве и отрочестве увидели период, когда закладываются основы будущей личности. Ранее авторы автобиографий очень скупо говорили о первых годах своей жизни, а то и вовсе обходили вниманием этот период, в котором обычно видели впустую потраченное время. После Руссо детские годы стали восприниматься как важнейший период жизни, к которому следует подходить со всей серьезностью. Примерно после 1800 года авторы рассматривают свою жизнь как процесс роста, личностного развития и выстраивают в текстах историю своей жизни. В более общем плане это совпало по времени с превращением историографии из хроники событий в историю развития, в рамках которой прошлое было чем-то радикально отличным от настоящего, но именно тем, что породило настоящее. И мысли ис-

Р. Деккер
Долгосрочные
тенденции
автобиографиче-
ского творчества

² О долгосрочных переменах на протяжении XIX века см.: [4]. График приводится в [6] Новейший обзор состояния дел в период с XVI века по начало XIX века см.: [1].

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

торика Райнхарта Козеллека об этом изменении “исторического сознания” на рубеже XVIII—XIX веков вполне применимы к осознанию человеком истории своей собственной жизни. Часто цитируемые слова “прошлое — это другая страна”, можно уточнить и конкретизировать: другой страной стало и собственное личное прошлое.

Этот новый взгляд на себя — элемент перелома, происшедшего на рубеже веков. Он позволяет понять, почему все больше людей стали описывать в текстах свою жизнь, стремясь вырваться на новый уровень понимания. Но почему в XIX столетии не только куда чаще пишут автобиографии (и ведут дневники, хотя последних гораздо меньше), но и издают их? На этот вопрос мы с Арианной Баггерман попытались ответить, взглянув на роль издателей и появившуюся новую фигуру профессионального литератора.

Уже в начале XIX века по всей Европе наблюдается рост интереса к мемуарной литературе и издается все больше мемуаров. Большинство их написано военными, дипломатами и другими активными участниками событий. Такие книги обычно были не слишком личными и аналитическими. Пример — ставшие бестселлером Мемуары маршала де Граммона, изданные в 1714 году. Некоторые подобные мемуары были написаны “литературными неграми”, другие были полностью вымышленными, как мемуары французского дворянина д’Артаньяна, изданные в 1700 г. во Франции (а четыре года спустя — также и в Гааге), по которым Александр Дюма написал “Три мушкетера” (1844). Д’Артаньян и мушкетеры и сегодня остаются популярными персонажами книг, спектаклей и фильмов.

Издатели в Нидерландах, да и в других странах быстро поняли потенциал продаж книг этого жанра. Собственно, уже сама публикация, породившая всю эту революцию, состоялась по инициативе голландского издателя. Амстердамец Марк-Мишель Рей, постоянный издатель книг Руссо, с 1762 году в письмах убеждал философа написать мемуары. Совершенно очевидно, что издатель рассчитывал получить потенциальный бестселлер. И Руссо, действительно, начал работу над книгой, но потребовал отложить публикацию до своей смерти. К моменту смерти Руссо успел умереть и Рей, но о рукописи прослышали несколько других издателей, и разгорелась борьба за права на публикацию. Предприятие имело мгновенный успех: за первым тиражом в 14 000 экземпляров немедленно последовали шесть или семь пиратских изданий. Два года спустя издатель в Амстердаме выпустил легальное издание, скорее всего, рассчитанное в основном на голландский рынок, поскольку французский язык был здесь языком культурной элиты. О книге много писали в голландской прессе, а из дневников и писем мы знаем, что она была предметом постоянных разговоров в обществе. Под влиянием всего этого голландцы всюду принялись писать дневники и автобиографии. “Исповедь” Руссо

открыла издателям во всей Европе глаза на коммерческие возможности автобиографий известных общественных фигур. Повсюду в Европе выходят из печати все новые и новые автобиографии. В Голландии издается и множество переводов, в частности, автобиографии Бенджамина Франклина, Сильвио Пеллико, а также многих третьестепенных авторов, о которых сегодня мало кто помнит, вроде немцев Иогана Землера, Арнольда Геерена, Генриха Жокке или Игнация Фесслера. Издатели также побуждали писать автобиографии голландских литераторов. Часто эти автобиографии публиковались сперва в газетах в виде текстов с продолжением. На рынок выплеснулся целый поток автобиографических публикаций, главным образом, прочно забытых ныне третьестепенных писателей и журналистов, а также актеров, которым захотелось в конце карьеры извлечь дивиденды из своей известности. Последовать их примеру неоднократно убеждали и самого успешного голландского писателя XIX столетия Эдуарда Доувеса Деккера, о котором мы уже говорили. Однако хотя сперва Деккер согласился взяться за перо, в конце концов, он отказался от предложений, главным образом, потому, что был первым голландским автором, пострадавшим от своего положения знаменитости³.

Нарастание числа изданных автобиографий, интереса читающей публики к личной жизни писателей, актеров, политических деятелей, военных и т.п. и коммерческой ценности текстов автобиографий, написанных знаменитостями (или за знаменитостей и под их именами), — все это выступало как самоподдерживающийся и самоусиливающийся механизм и в наше время стало всемирным явлением. Дальнейшее исследование должно включать анализ издательской политики, феномена “литературных негров” и рекламы.

Авторы

Кто был авторами всех эти эгодокументов? К каким социальным кругам они принадлежали? Появление дневника и автобиографии как литературного жанра обычно связывают с подъемом буржуазии в эпоху Ренессанса. Как писал Якоб Буркхардт⁴ в известной книге “Культура Ренессанса в Италии” [“Die Kultur der Renaissance in Italien”] (1860), в распространении автобиографического письма выражался усиливающийся индивидуализм. По мнению Буркхардта, в Средневековье индивидуальность сковывалась семейными связями, феодальными установлениями и церковью, а в Италии XV столетия эти пути ослабли или вовсе исчезли. В подтверждение своей мысли Буркхардт ссылается на примеры художника Бенвенуто Челлини и врача Джироламо Кардано, в чьих поразительных автобиографиях выразились уникальные личности их авторов. Челлини начинает свою автобиографию словами: “Все люди всяческого рода, которые сделали что-либо доблестное или похожее

Р. Деккер
Долгосрочные
тенденции
автобиографиче-
ского творчества

³ О влиянии Руссо см.: [3].

⁴ Якоб Буркхардт (Jacob Christoph Burckhardt, 1818–1897) — швейцарский историк культуры, один из основоположников культурологии как самостоятельной дисциплины — *примеч. перев.*

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

на доблесть, должны бы ... своею собственною рукою описать свою жизнь”. Автобиографии Челлини и Кардано были изданы спустя одно-два столетия после смерти авторов. Более непосредственным образом на развитие автобиографического письма повлияли “Опыты” Мишеля Монтеня, происходившего из семьи торговцев. Монтень — один из отцов-основателей литературы, основанной на самонаблюдении, и его “Опыты”, впервые изданные в 1580 году, послужили источником вдохновения и для многих авторов в Нидерландах. Открыто представлял себя в качестве буржуа и человек, создавший два столетия спустя современный тип автобиографии, — Жан-Жак Руссо.

Подтверждают ли голландские эгодокументы мнение об эгодокументах как жанре средних классов? Старейший из дошедших до нас эгодокументов в Нидерландах — краткая автобиография Эразма⁵. Эразм был человеком скромного происхождения, гуманистом и принадлежал к той же самой группе, что и итальянский врач Кардано. Несколько ранних голландских эгодокументов были написаны учеными, по своему происхождению относившимися, как и Эразм, к нижнему среднему классу.

Голландская республика была образцом буржуазного государства. Страной управляла недворянская элита городских регентов, власть реформатской церкви была ограничена, а феодальные узы почти полностью исчезли. Однако при дворе штатгальтеров, принцев Оранских, во множестве создавались эгодокументы. В Голландии, как и в других странах, дворы принцев и монархов были административными и культурными центрами. Здесь писали мемуары и вели дневники еще с XVI века. Нередко первыми это начинали делать правящие принцы и короли. В Голландской республике, например, штатгальтер провинции Фрисланд принц Вильгельм Фредерик ван Нассау вел в середине XVII столетия подробный дневник, опубликованный только недавно. Этот дневник позволяет гораздо лучше понять не только повседневную работу правительства, но и повседневную жизнь и сокровенные мысли самого автора, часто высказывавшегося с удивительной откровенностью. Немало эгодокументов того или другого вида оставили и другие члены Оранского дома.

Интересно, что штатгальтер принц Вильгельм V в 1782 одним из первых познакомился с “Исповедью” Руссо — он прочел книгу почти сразу после выхода из печати. Мы знаем об этом из записи в дневнике одного из его придворных, барона Гийсберта-Яна ван Харденброека. В разговоре со штатгальтером он прямо спросил, прочел ли тот “Исповедь” Руссо. Принц ответил утвердительно. Барон высказал мнение, что “некоторые моменты в “Исповеди” Руссо прямо напоминают чувства и обстоятельства принца”. Удивительно, но принц Вильгельм согласился с этим весьма провокационным замечанием. Влияние Руссо прослеживается и в мемуарах жены Вильгельма принцессы Вильгельмины Прусской⁶.

⁵ Видимо, имеется в виду “Compendium vitae” Эразма Роттердамского — жизнеописание философа, содержащееся в письме его близкому другу от 1524 года — примеч. перев.
⁶ О роли дворянства см.: [5]

Самый важный голландский дневник XVII века также создавался при дворе принцев Оранских. Это дневник, который вел Константин Гюйгенс Младший, секретарь штатгальтера-короля Вильгельма III. Гюйгенс постоянно был рядом с принцем Вильгельмом и сопровождал того в Лондон во время Славной Революции 1688 года, когда Вильгельм был коронован как король Англии. И в Голландии, и в Лондоне Гюйгенс находился в центре всех событий при дворе. Его дневник был частным и был полон придворных сплетен. Он служил чем-то вроде записей для памяти, поскольку на его страницах Гюйгенс изо дня в день анализировал светские отношения между придворными и королем. Дневник производит впечатление чего-то вроде регулярных записей астрономических наблюдений, где король Вильгельм играет роль центрального светила, а придворные вращаются вокруг него на различных орбитах. Дневник Гюйгенса насчитывает больше 2 000 страниц, и записи в нем делались ежедневно с регулярностью часов. Таким образом, этот дневник отражает также появление нашего современного ощущения времени как постоянного линейного потока. В обоих этих свойствах дневника Константина Гюйгенса обнаруживается связь с научной работой его брата Христиана Гюйгенса, знаменитого ученого, изобретателя маятниковых часов и первого, кто обнаружил кольцо вокруг Сатурна. Дневники придворных вроде Гюйгенса часто были для их авторов своего рода компасом, помогавшим им прокладывать путь в беспокойном микрокосме княжеских и королевских дворов. Самый известный пример такого рода — мемуары близкого современника Гюйгенса французского аристократа герцога де Сен-Симона. Эти мемуары — один из важнейших источников сведений о жизни двора Людовика XIV. Их широко использовали Норберт Элиас и Эммануэль Ле Руа Ладюри в своем исследовании придворной культуры [9; 11].

Если вернуться к общей картине, то можно заметить, что доля авторов, принадлежащих к среднему классу, постоянно росла, особенно с начала XIX века. Резко росло и число эгодокументов, написанных по-голландски. В прежние века среди ученых и предстателей высшего сословия было принято писать на латинском или по-французски. Латынь была международным языком ученых, французский — разговорным языком элиты. Одна голландка, Магдалена ван Шинне, которая около 1800 года вела свой дневник по-французски, был недавно даже включена Филиппом Лежёном в его исследовании в число самых важных французских авторов дневников. Расширение использования голландского языка в эгодокументах после 1800 года отражает рост числа авторов из среднего класса, которые и писали по-голландски.

Каков был вклад низших классов? Понятно, что до XVIII столетия невелик. Хотя уровень грамотности в Нидерландах был относительно высок, лишь немногие дошедшие до нас эгодокументы принадлежали чернорабочим, матросам или

Р. Деккер
Долгосрочные
тенденции
автобиографиче-
ского творчества

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

крестьянам. В XIX столетии число таких документов медленно росло. Особенно часто писали их люди, сумевшие добиться в жизни успеха и на склоне лет вспоминая о проведенных в бедности молодых годах. В конце XIX столетия пользовалась популярностью книга Ниил Дофф, вспоминая о своей юности в Амстердаме, когда ей, чтобы выжить, приходилось заниматься проституцией. Но более многочисленными авторы из низших классов стали лишь в XX веке.

В Нидерландах мало кто из чернорабочих или фабричных работников предавался писанию автобиографии — не то, что в Англии, где они часто вдохновлялись социалистическими идеями. Была, однако, весьма специфическая категория эгодокументов, создававшихся в Нидерландах авторами очень простого происхождения. Удивительно, но часто это были женщины. Я говорю о религиозных автобиографиях, написанных ортодоксальными реформатскими авторами и описывающих опыт обращения авторов в истинное христианское благочестие. Зачастую авторы принадлежали к мелким крестьянским или рыбацким общинам, и их брошюры нередко печатались небольшим тиражом местными типографами или книжными лавками. Начиная с XVIII века количество подобных маргинальных публикаций постоянно росло. Некоторые из таких религиозных автобиографий приобретали популярность и переиздавались по двадцать и более раз. Но при этом их печатали, продавали и читали только в самих этих общинах. Университетские и другие официальные библиотеки таких брошюр не покупали. Во многих случаях первые издания не сохранились. Хотя подобные автобиографии носят, в основном, чисто религиозный характер, авторы обычно кое-что сообщают и о своей частной жизни. Сегодня эти книжечки можно порой недорого приобрести у букинистов, и я пытаюсь по возможности собирать их. Среди них попадаются и такие, которых не найти ни в одной официальной голландской библиотеке. Интересно, что среди их авторов женщины встречаются гораздо чаще, чем среди авторов других поджанров автобиографического письма. Если в целом среди авторов эгодокументов, написанных до начала XIX столетия, женщин меньше 10%, то в данном поджанре примерно половина авторов были женщинами. Очевидно, это многое может сказать о положении женщин в подобных ортодоксальных религиозных группах, находившихся вне официальной Нидерландской реформатской церкви. В этих изолированных общинах, сегодня насчитывающих примерно 300 000 членов, такого рода автобиографическая традиция сохранилась до сих пор: в Нидерландах все еще издаются в частном порядке истории религиозного обращения.

На этих примерах я попытался показать, что социальное происхождение авторов эгодокументов варьировалось в широких пределах — от высших слоев общества до самых низших классов и что в XIX столетии этот диапазон еще расширился.

Мотивы, стимулы и интерпретации: дневники 1940-1945 годов

Последний предмет, на котором я хотел бы остановиться, — дневники, которые велись во время Второй Мировой войны и германской оккупации. Один из таких дневников — возможно, самый известный в мире, — дневник Анны Франк. Он переведен почти на все языки мира и занимает почетное место среди десяти бестселлеров всех времен. Но это — лишь один из множества дневников, которые велись в те годы. Замечено, что в драматических обстоятельствах люди чаще склонны вести дневники. На протяжении всей истории Нидерландов во времена потрясений всегда появлялось больше дневников, а впоследствии — и мемуаров, написанных теми, кто пережил бурные времена. И в других странах периоды, подобные времени французской революции на рубеже XVIII–XIX веков, демонстрируют такие же всплески. Период оккупации также породил появление после 1945 года потока мемуаров, не прекратившегося и в наши дни.

В случае Анны Франк дополнительным стимулом был переданный в радиообращении из Лондона призыв Правительства Нидерландов в изгнании ко всем голландцам вести дневники и документировать все происходившее в это страшное время. У Анны Франк был и более личный мотив — желание стать писательницей. В ее дневнике отражается чтение популярных книг для девочек: дневники героини — частый элемент содержания подобных книг, написанных в 1920-х и 1930-х годах. Возможно, ни один другой дневник не исследовался так скрупулезно, включая стадии его написания и моменты редактирования текста дневника отцом Анны перед публикацией.

После войны в Нидерландах был основан специальный институт для сбора и изучения материалов об оккупации. Его нынешнее название — Институт войны, холокоста и изучения геноцида. Институт систематически собирал дневники военных лет, и сегодня в его коллекции несколько сотен таких документов.

Большой массив дневников военных лет позволяет проводить количественные исследования, не ограничиваясь одним лишь углубленным анализом единичных текстов. Однако, поскольку дневники (как и любые эгодокументы) носят глубокий личный отпечаток и резко отличаются друг от друга, — подобные исследования наталкиваются на свои специфические проблемы.

Это обстоятельство наглядно иллюстрируется недавним исследованием, результаты которого были опубликованы в 2012 году. Историк Барт ван дер Боом проанализировал 164 дневника военных лет, чтобы определить, знал ли средний голландец, что происходило с евреями после депортации в Восточную Европу. Не обнаружив в дневниках упоминаний о газовых каме-

Р. Деккер
Долгосрочные
тенденции
автобиографиче-
ского творчества

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

рах, он утверждал на этом основании, что голландцы понятия не имели об “окончательном решении еврейского вопроса”. Общественность в Нидерландах восприняла заключение историка с облегчением: оно смягчало чувство коллективной вины за этот черный эпизод в истории страны. Книга сразу же получила самую престижную в стране премию за лучшее историческое исследование.

Но ведь очевидно, что заключение автора, основанное на “нулевой информации”, вводит в заблуждение. Дневник вообще, и уж, конечно, дневник военного времени нельзя рассматривать как простую запись мыслей его автора, как полное и прозрачное отражение личной рациональности. Историк должен прочитывать такой дневник вовсе не как объективный источник, из которого можно извлекать подлинные факты, не говоря уже о возможности извлекать из него “доказательства, выводимые из умалчивания”. Чтение дневников военных лет наглядно показывает, насколько путаными и внутренне противоречивыми могут быть такие тексты и как они могут вводить читателя в заблуждение. Во многих дневниках та или иная информация бывает сознательно опущена, а иногда авторы прямо замечают, что писать обо всем, что знаешь, слишком опасно. Некоторые дневники сохранились с вырванными страницами и стертymi или затушеванными фрагментами.

Во многих случаях люди делали записи не для того, чтобы выразить свои страхи или зафиксировать тревожную правду, но, напротив, с целью рассеять страхи. Описание своих худших страхов только делает их еще реальнее, а вот написать о надеждах — значит сделать их более конкретными. Если внимательно прочесть многие из этих текстов, не упуская из виду их субъективность, можно прийти к заключению, очень отличному от того, что вынес Ван ден Боом. Это же приводит и к совершенно иной интерпретации имеющихся в этих дневниках умолчаний [2, р. 40-42; 10].

В заключение позвольте мне снова сослаться на личный опыт, связанный с его документами. Около года назад я смотрел новый телевизионный документальный фильм о Нидерландах послевоенных лет, куда вошли недавно обнаруженные киноматериалы: фильм начинался кадрами о вступлении канадских войск в Амстердам в мае 1945 года. Люди приветственно размахивали руками, поднимались на танки и так далее. Внезапно камера выделила крупным планом из центра толпы знакомое мне лицо: это была моя мать. После этого моя дочь напомнила мне, что все эти годы мама вела дневник и он до сих пор хранится где-то на чердаке. Дочь нашла его, отыскала дату, и действительно, к нашему удивлению, оказалось, что моя мать в тот же самый день написала, как она вскочила сзади на канадскую военную машину, проехала на ней через весь город и ее фотографировали больше двадцати раз. Теперь этот снимок стал, чуть ли не иконой: я видел его в натуральную ве-

личину и в Амстердамском историческом музее, и в Амстердамском музее Сопротивления. Однако здесь есть загадка. В рукописи дневника в самой середине записи есть пятно. Тут же рядом объясняется, откуда оно взялось: “Пятно от капли, упавшей с цветка ириса в моих волосах. Ношу ирис, потому что не хочу носить ничего оранжевого”⁷. Я хорошо понимал это, поскольку моя мать была противницей монархии. Однако в фильме в ее волосах оранжевый цветок. Оранжевых ирисов не бывает — не был ли черно-белый снимок впоследствии покрашен? Сегодня этого уже не проверить, но мою мать, не спросив, превратили в сторонника правящей династии⁸.

Это — мелкая деталь, но она показывает, что эгодокументы могут дать нам новую и совершенно неожиданную информацию. Они могут дать ответ на многие вопросы, но и сами могут поставить новые.

Литература

1. *Baggerman A., Dekker R.* Autobiografisch schrijven in Nederland: ontwikkelingen van de zestiende tot in de negentiende eeuw // *Egodocumenten van Nederlanders uit de zestiende eeuw tot begin negentiende eeuw*. Amsterdam: Panchaud, 2016. P. 7–25.
2. *Baggerman A., Dekker R., Mascuch M.* Egodocuments and history. A short account of the longue durée // *The Historian*. (2016. Vol. 78P. 11–56.
3. *Baggerman A., Dekker R.* Jean-Jacques Rousseau en zijn “Confessions” in Nederland in de negentiende eeuw // *De Negentiende Eeuw*. 2013. N 37. P. 36–57.
4. *Baggerman A.* Lost time. Temporal discipline and historical awareness in nineteenth-century Dutch egodocuments // *Controlling Time and Shaping the Self. Developments in Autobiographical Writing since the Sixteenth Century*. Leiden: Brill, 2011. Ser. Egodocuments and History 3. P. 455–541.
5. *Baggerman A., Dekker R.* Selbstzeugnisse, eine Literaturgattung des Adels? // *Adelige über sich selbst. Selbstzeugnisse in nordwestdeutschen und niederländischen Adelsarchiven*. Münster: LWL-Archivamt für Westfalen, 2015. Westfälische Quellen und Archivpublikationen 29. P. 11–21.
6. *Baggerman A.* Travellers in time. Nineteenth-century autobiographers and their fight against forgetting // *Les écrits du for privé en Europe (du Moyen Age à l’époque contemporaine)*. Enquêtes, analyses, publications. Bordeaux: Preses Universitaires de Bordeaux, 2010. P. 65–81.
7. *Couperus L.* Eline Vere. Brooklyn: Archipelago Books, 2010.
8. *Dekker E. D.* (Multatuli). *Max Havelaar or, The coffee sales of a Dutch Trading Company*. Harmondsworth: Penguin, 1987.
9. Family, culture and society in the diary of Constantijn Huygens jr, secretary to Stadholder-King William of Orange. Leiden: Brill 2013. Ser. Egodocuments and History 5.
10. *Morina Ch.* The bystander in recent Dutch historiography // *German History*. 2014. Vol. 32. P. 101–111
11. The diary of Constantijn Huygens Jr, secretary to stadholder-king William of Orange. Amsterdam: Panchaud, 2016.
12. URL: <http://hart.amsterdammuseum.nl/nl/page/54813/mijn-oma-en-de-bevrijding>.

Р. Деккер
Долгосрочные
тенденции
автобиографиче-
ского творчества

⁷ Оранжевый цвет — цвет, ассоциирующийся с домом Оранских (“Оранжевых”) — правящим домом Нидерландов — примеч. перев.

⁸ См. вебсайт Амстердамского музея [12].

**ФИЛОСОФСКОЕ
АНТРОПОЛОГИЯ:
СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ**

Гуревич Павел Семенович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН. Постоянный автор журнала. E-mail: gurevich@rambler.ru

Спирина Эльвира Маратовна — доктор философских наук, заведующая сектором истории антропологических учений Института философии РАН. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: elvira-spirina@mail.ru

84

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ТЕНЬ (Социокультурные конфигурации самотождественности)

© 2016

П.С. Гуревич, Э.М. Спирина

То, чего нет

Издательство “Канон+” выпускает в свет сборник работ известного американского психоаналитика Эрика Эриксона (1902–1994) [4]. Автор — признанный лидер во многих областях психологического и философского знания. Нельзя сказать, что труды этого исследователя не издавались на русском языке [6; 7; 8]. [9].

Творчество Э. Эриксона имеет многочисленные грани. Он яркий представитель неопрейдизма, выступивший вместе с другими психоаналитиками с программой переосмысления концепции З. Фрейда на основе достижений социологии, этнографии, идей структурализма и т.д. Имя Эриксона упоминают также в контексте эго-психологии. Представители этого течения оспаривали положение Фрейда о том, что Эго оказывается, зачастую, служанкой бессознательного. Они полагали, что именно Эго способно обеспечить гармонию физического и социального окружения, стать ядром личности и оказаться фундаментом идентичности. Это понятие едва ли не полностью выражает суть его вклада в психоанализ.

Что такое идентичность по Эриксону? Это — самосознание, которое дает возможность человеку создать устойчивое, прочное представление о самом себе. Но разве подобное обращение к себе обязательно? Миллионы людей на земле вовсе не пытаются уточнить или скорректировать собственный образ. Их вполне устраивает смутное, разорванное самосознание. Они предельно далеки от подлинной человеческой природы, которая характеризует потомка Адама как особый род сущего. Считается, что психоанализ должен помочь каждому индивиду обрести себя. Но почему идентичность столь значима? Потому что без самоотождествления человек утрачивает цельность. Именно общество предоставляет индивиду возможность раскрыть себя, стать личностью.

После того как Эриксон стал последовательно разрабатывать разные аспекты этого феномена, понятие идентичности привлекло внимание множества специалистов самых разных областей знания. Наиболее видные мыслители минувшего века, в том числе М. Бубер, П. Рикёр, М. Хайдеггер, К. Ясперс, отдали дань этой теме. Понятие идентичности буквально вросло в философскую антропологию. За последние годы оно стало ключевым и в осмыслении актуальных вопросов культуры и общества.

Нет оснований полагать, что концепция идентичности в трактовке Эриксона может быть принята сегодня без переосмысления и уточнений. И все же именно ему принадлежит заслуга всесторонней экспертизы данного понятия. Толкуя о сути названного явления, он предложил также термин “кризис идентичности”. В наши дни это словосочетание используется не только для характеристики судьбы человека. Оно позволяет осмысливать различные культурные разломы и конфигурации.

Эриксон буквально выстрадал данную тему. Кризис идентичности оказался во многом изначальным толкованием его собственного жизненного опыта. Имя его биологического отца скрывалось, а еврейское происхождение по матери служило поводом для насмешек и унижения. Отчим Эрика был приверженцем иудаизма. Юношу мучило подозрение, что его отец не был евреем, между тем в семье соблюдались обычаи и ритуалы именно этой религии. Так в душе юноши рождалось смещение от множественности этнических самоотождествлений (е женился он на канадской танцовщице) когда Эриксон эмигрировал из Вены в США, ему пришлось осваивать новый культурный уклад.

В 1963 году Эриксон выпустил книгу “Детство и общество”, в которой изложил собственную версию психосексуального развития индивида. Так называется его модель “восьми стадий возрастов человека”. Речь идет не просто о взрослении или о “продвижении” по жизни в целом. Каждый возраст несет с собой конфликт, который можно рассматривать как “кризис идентичности”. Что же является стимулом в устранении конфликта? По мнению Эриксона, психосоциальная адаптация. Очередная стадия дает индивиду возможность выправить ход собственной жизни. Можно, к примеру, устранить безлюбовь, которая сопровождала ребенка на предшествующей стадии развития. Так, разрешая конфликт за конфликтом, индивид обретает некий кумулятивный опыт. Так он выстраивает дульную идентичность.

В результате у Эриксона сложился определенный вектор размышлений, позволяющий рассматривать идентичность как некую субстанцию, набор конкретных характеристик, которые шлифуются в ходе так называемого жизненного цикла. По нашему мнению, подобная трактовка не соответствует современному состоянию философской антропологии. Идентичность менее всего можно рассматривать как некий итог, окончатель-

*П. Гуревич,
Э. Спирова*
Идентичность
и ее тень

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ. Грант № 14-03-00350 “Культура как кризис — неудача или возможность?”.

❁❁❁❁❁
**ФИЛОСОФСКАЯ
 АНТРОПОЛОГИЯ:
 СТРАНИЦЫ
 КЛАССИКИ**
 ❁❁❁❁❁

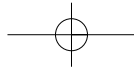
ный результат, сведенный к набору личностных качеств. Человеческая природа, как и свойственное индивиду самосознание, не обладает конечной фиксацией. Она разрознена, беспорядочна, фрагментарна. Разумеется, на уровне теории можно говорить о том, что человеческая природа — это совокупность стойких, неизменных черт, общих задатков и свойств, выражающих человека как живое существо и присущих человеку разумному во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Однако в реальности эти свойства не выстроены по некоему ранжиру и в своем броуновском движении несут угрозу хаотизации.

В данном контексте можно сказать, что человеческая идентичность — это то, чего нет, ибо это постоянное и зыбкое мерцание, бесконечный процесс, а не окончательная данность. По существу мы имеем дело не с идентичностью, а с ее тенью. В известной степени Эриксон приближается к такой мысли. Он размышляет о чувстве непрерывности существования человека во времени и пространстве [6, с. 58–59]. Эриксон понимает, что человек располагает множеством образов и “самостей”: «То, что “я” отражает, когда оно видит или созерцает тело, личность и роли, которыми оно прикреплено к жизни, — не зная, где оно было прежде или будет после, — это различные “самости”, которые составляют нашу единую сложную “самость”. Между этими “самостями” существуют постоянные и часто подобные шоку переходы: рассмотрим обнаженную телесную — “самость” в темноте, а затем вдруг освещенную; одетую “самость” среди друзей или в компании выше- или нижестоящих; только что пробудившуюся сонную “самость” или выходящую освеженной из прибора; “самость”, преодолевающую тошноту или обморок; телесную — “самость” в сексуальном возбуждении или в ярости; “самость” компетентную и беспомощную; “самость” верхом на лошади, в кресле дантиста и “самость”, прикованную и пытаемую людьми, которые также говорят о себе “я» [там же, с. 227–228].

Э. Эриксон перечисляет разные блики идентичности, но он убежден в том, что они имеют единый стержень. Он резюмирует: «Действительно, требуется здоровая личность, для того, чтобы открыто связать “я” во всех этих условиях, так чтобы в любой данный момент это “я” могло свидетельствовать о “я” осмысленно непрерывной “самости”» [там же].

Стало быть, Эриксон исходит из убеждения, что идентичность есть тот самый механизм, социальный клей, который при всех трансформациях и состояниях обеспечивает целостность человека. Это и есть осмысленно непрерывная “самость”.

Но согласно современным философско-антропологическим представлениям, не существует такой целостности, которая не была бы подвержена изменениям под воздействием других частных или целого. Целое — это та незаметная, на первый взгляд, основа, которая управляет всеми частностями,

ограничивает их и определяет пути и характер нашего понимания частных (К. Ясперс). Существует многообразие фундаментальных ценностей, но ни одна из них не есть целое как таковое. Все они являются относительными целостностями в ряду других относительных целостностей.

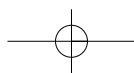
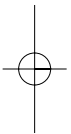
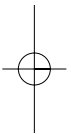
В психологии можно указать на примеры неоправданной абсолютизации относительных целостностей. Мгновенное целое принимается за нечто окончательное. Вся психика, к примеру, сводится только к сознанию. Совокупность способностей объявляется единственной объективной реальностью, единственным предметом научного объяснения. Целое предшествует своим частям. Оно не сводится к сумме частей, а представляет собой нечто большее. Соответственно, целое не может быть познано, только исходя из составляющих его элементов. Целое может сохраниться, даже если его части утрачиваются или меняются. Невозможно вывести целое из частей (механицизм) и вывести части из целого (гегельянство). Части и целое находятся в отношении полярности; целое должно рассматриваться через призму составляющих его элементов, тогда как элемент — с точки зрения целого.

Мы способны помыслить человека еще до того, как образовалась некая сумма его признаков. Целое не есть коллекционирование, собирание частей. Можно познать множество частных, но не приблизиться к целому. Целое, следовательно, лучше оценивать не как границу, а как горизонт. Идентичность постоянно ускользает от завершенности, окончательности. По сути дела, Эриксон связывает идентичность с личностью, с ее реализованной способностью связать воедино все “самости”. Его суждение о личности, к тому же еще и “здоровой”, превращает полную идентичность в некий идеал.

В человеке одновременно работают различные программы: инстинкты и социальность, сознание и бессознательное, влечение и совесть, идентичность и расподобленность, личное и безличное, индивидуальное и социальное, имманентное и трансцендентное. Природа человека не завершена и фрагментарна. Фрагментарность требует полноты, источник которой должен обеспечить бытию основу и целостность. Но целостность — не свойство, не атрибут, а специфический взгляд, который позволят находить общее, связанное, нерасторжимое. Целостность не задается человеку, а обретается им. Продвигаясь от одной частной целостности к другой, человек в известной степени реализует свой идеал.

“Цельность” и “целостность” — не одинаковые по смыслу понятия. Цельность не выражает все глубины целостности. Она может оказаться лишь фрагментом общего движения человека к завершенности. Человек, по определению, не может быть целостным. Целостность является неким общим устремлением. Именно такое понимание проблемы открывает широкие перспективы для трактовки человека как особого рода сущего.

*П. Гуревич,
Э. Спирова*
Идентичность
и ее тень

Что обеспечивает постоянство идентичности?

Можно ли говорить, что я являюсь тем же человеком, которым был год назад, день назад, минуту назад? Разумеется, нет. В человеке преобразается все — телесность, внутренний мир, социальные характеристики. Возможно, определенное постоянство можно закрепить за генетическим арсеналом человека. Но и в этом случае вступают в силу некие гены, которые до известного момента не обнаруживали своей специфичности.

П.-А. Гольбах полагал, что если африканского мальчика воспитывать в кругу европейцев, он ничем не будет отличаться от своих сверстников. Человека формирует, согласно Гольбаху, не природное происхождение, а воспитание. Поступки каждого определяются приобретенными идеями. Однако, несмотря на общее воспитание, африканский мальчик все равно сохранил бы в себе некие генетические задатки, особенности темперамента и национального духа, связанные с африканским родством.

Но разве биологические характеристики человека не поддерживают постоянство самоидентичности? К примеру, пол индивида, как правило, остается неизменным. Не принимая в расчет даже тех, кто умышленно отказался от собственной половой идентичности, можно отметить, что в современном мире немало людей, которые пережили трансформацию гендерной самоидентичности. Крепкий, здоровый мальчик может в процессе жизни стать женоподобным, а прелестная девочка способна приобрести черты маскулинности. Атлетически сложенный мужчина рискует в конце собственного существования превратиться в бесполое существо. Эксперименты с гормонами могут сильно видоизменить гендерную идентичность.

Вот, кстати, пример. В штате Вашингтон в США в одном из колледжей разработали анкету для поступающих, где, в частности, нужно указать свой пол. Вроде бы, не вопрос на засыпку. Однако в анкете предложен некий реестр из семи возможных вариантов: “мужской”, “женский”, “андрогинный” (гермафродит), “трансгендерный” (так называют тех, кто дезертировал с собственного сексуального фронта на чужой). Остальные три не столь зазывны — “гендерно нейтральный”, “другое” (наука и социология пока в неведении) и “предпочитаю не отвечать на этот вопрос”.

Как тут все разумно, демократично, деликатно. Хотите разместить свой пол в пространстве неизвестности — пожалуйста. Считаете вопрос неделикатным — можно уклониться от ответа. Есть желание заявить о своей полисексуальности, подчеркните нужный пункт строку в анкете. Сексуальное домогательство — это, конечно, безобразие, но на рынке сексуальных услуг должно быть исключительное разнообразие. Скоро, вероятно, объявятся и энтузиасты некрофильской эротической ориентации. А там и скотоложество, и педофилия, которую вдруг стали оправдывать и поэтизировать. Придуманная анкета — вовсе не

пример толерантности, а скрытая реклама полисексуальности. Как сохранить гендерную чистоту в условиях, когда современная западная культура предлагает множество “узаконенных” отклонений?

Но “голос крови”, вероятно, опровергает тезис Гольбаха о растворимости этнического первородства. Влияние социальной среды неоспоримо. По первому впечатлению, ей все же противостоит этническое самосознание. Как уберечь это этническое постоянство в условиях глобального усреднения образа жизни? В мире происходит невиданная миграция, растет число смешанных браков, утверждается некий общий цивилизационный уклад. Впрочем, и сами этносы отвечают на вызов глобализации не возрождением кровнородственных “самостей”, не обращением к традиции, а конструированием новой этнической идентичности. Поборники современной научной парадигмы толкуют о родстве не по гену, а, условно, говоря, по кванту. Национальная идентичность также не служит гарантом постоянства. В качестве курьеза можно привести слова В. Сталина, обращенные к дочери Светлане: “А ты знаешь, что наш отец раньше был грузином?”.

Конечно, труды Э. Эриксона как раз и погружают нас в глубины этих процессов. Но спустя десятилетия названные темы обросли многими сложностями. Эриксон полагал, что подросток страдает от смешения социальных ролей. Но только ли подросток? Претерпели трансформацию социальные статусы. Сходна ли деятельность современного президента какой-либо страны с ролью средневекового короля? Не изменилась ли фигура политика буквально за последние десятилетия? Не элиминировалась ли сфера воспитания из деятельности современного педагога? Быстрое преобразование социальных ролей, статусов, должностей в наши дни подтачивает верность принятой идентичности.

Что в этой ситуации главное? Спиноза считал, что камень не может вообразить о себе, что он нечто иное. У камня нет сознания. А человек может. Более того, сегодня по сути дела никто не хочет быть собой. Белый человек мечтает о том, чтобы стать черным. Негр предпочитает оказаться белым. Мужчина и женщина меняют свой пол. “Левый” политик становится консерватором, консерватор мнит себя радикалом. Верующий не вполне осознает, какие традиции и ритуалы он соблюдает.

Первые христиане, наблюдая за восхождением Христа на Голгофу, надеялись, что сейчас Он явит свои гнев и мощь. Случись бы такое с Зевсом, он закидал бы всех огненными плевками и испепелил бы молниями. Но Иисус не явил своей божественной сути и был распят рядом с разбойником. Верить в такого Бога, с точки зрения язычников, абсурдно. Однако ученики Христа, принявшие учение, напротив, были убеждены, что безумно почитать земного кесаря, считать его несравненным. Величие как раз в проповеди Христа.

*П. Гуревич,
Э. Спирова*
Идентичность
и ее тень

Само понятие “идентичность” подразумевает тождественность, одинаковость, схожесть, подобие. Однако миллионы людей в наши дни испытывают огромное напряжение, которое возникает между старыми и новыми смыслами. Не только отдельный человек, но и целые группы, народы, страны утрачивают представление о своей уникальной подлинности. В условиях, когда индивид не может справиться со множественностью своих “самостей”, идентичность оказывается размытой. Тысячи людей заняты поисками того магического средства, которое позволило бы им обрести свою идентичность. Подчас томительное чувство расколотости побуждает к обретению экстаза, которое могло бы привести людей к новым формам сознания [3, с. 579].

Идентичность и партикулярности

3. Фрейд полагал, что основой человеческой идентичности может служить тело. Но разве мог он предвидеть, каким трансформациям подвергнется в наши дни человеческое тело. Сегодня оно все больше становится инженерным конструктом. Что поддерживает телесную идентичность, если индивиду вставлен трансплантат, пришта та другая голова или вкачена кровь другого человека?

В наши дни человек еще способен задать себе вопрос: “Кто я?”. Более того, он может даже самостоятельно ответить на него. Однако в эпоху тотального конструирования ему нужно будет переадресовать этот вопрос социуму. Он-то и предложит индивиду на выбор множество “идентичностей”

Сегодня постоянно обсуждается тема социального конструирования в сфере философского постижения человека [1; 5]. В этой ситуации человек утрачивает свою бытийственность. Он есть не то, что он есть на самом деле, а то, что он воображает о себе. Его идентичность — это грезы о себе. Философские антропологи в наши дни спорят о способах отождествления личности и о бессмертии души. Парадоксальность дискуссий в том, что в качестве аргументов рационалисты-аналитики использовали гипотезы “обмена” телами, бесплотного существования. Видный представитель аналитической философии Питер Стросон полвека назад предложил новое решение старой проблемы. Он ввел новое понятие личности. Оно в его системе размышлений выступает как базисное — первичное, далее неразложимое понятие. Отождествление атрибутов личности (состояния сознания и тела) возможно, по его мнению, только через предшествующее самоотождествление личности.

По мнению П. Стросона, процесс идентичности предполагает отношение к отдельным вещам, событиям, людям и к иным индивидуальным объектам [2]. Чтобы подтвердить тезис о базисной роли материальных тел, Стросон предлагает известный мысленный эксперимент — представить себе мир, который населяют существа, имеющие лишь слуховые ощущение

ния. Для того чтобы при столь обедненном чувственном опыте концептуальная схема содержала в себе идею повторно идентифицируемой партикулярности, необходимо воссоздать некоторый звуковой аналог пространства, но даже при наличии такого аналога (в виде “главного” звука), утверждает Стросон, в рамках концептуальной схемы нельзя провести различие между *Я* и не-*Я*. Но если субъект не отличает самого себя от других элементов его чувственного опыта, ему недоступна идея объективной партикулярности, как недоступна и сама идея *Я*. Однако именно эта последняя имеет ключевое значение для второй категории базисных партикулярностей, которые Стросон включает в свою онтологию, а именно — личностей (persons).

В результате традиционных для аналитиков поисков исходных оснований анализа — базисных партикулярностей — Стросон пришел к выводу, что существуют два типа базисных партикулярностей: материальные тела и личности. Выходит, прежде чем описать собственное тело как основу идентичности, по Эрикссону, нужно осуществить отождествление личности другого и отождествление самого себя. Теоретическое решение такой задачи осложнено тем, что личность толкуется как соединение двух разных сущностей — сознания и тела. Дуализм сознания и тела оказывается исходной точкой почти всякой концепции личности.

В связи с этим в историко-философской традиции сложилось два основных критерия отождествления личности. Согласно первому критерию, необходимым и достаточным условием тождества личности оказывается телесное тождество. Согласно второму критерию — тождество состояний сознания. В большинстве случаев эти критерии взаимно дополняют друг друга. Но возможны конфликтные ситуации (например, описанный Дж. Локком случай обмена телами между сапожником и принцем). Тогда возникает вопрос, какой же критерий — телесный или духовный — получает приоритет.

Что вытекает из этих суждений? Отождествление тела личности невозможно без отождествления самой личности. Тело мертвой личности может быть отождествлено с помощью обычных физических критериев и описано в обычных физических терминах. Но живая личность лишь в особых случаях, скажем, в физическом эксперименте, может быть описана в терминах, подходящих для описания материальных тел, и только при том условии, если она одновременно рассматривается как личность.

Труп может быть отождествлен двояко: как тело отдельной личности и как особое материальное тело вообще без отсылок к личности. Можно сказать, что труп является “базисной партикулярностью”, в то время как тело живой личности нет. Итак, есть некоторые эмпирически приемлемые критерии отождествления личности: ее телесные и ментальные атрибуты. Эти атрибуты взаимосвязаны. Нельзя отождествить состояния сознания, не отождествив тело; нельзя отождествить тело, не отождествив

*П. Гуревич,
Э. Спирова*
Идентичность
и ее тень

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ:
СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ**

состояния сознания. Таким образом, связь тела и сознания оказалась более сложной, чем в концепции Эриксона.

По его мнению, чем старше становится индивид, тем собраннее оказывается его самоотождествление. Ребенок, еще не вкусивший всех благ социализации, способен примерить к себе множество образов. Он подражает родителям, легко ассоциирует себя с разными животными, сказочными персонажами. Мир его идентификаций безграничен. Однако стадия зеркала вносит в его мир собственный облик. Отныне разные персонификации стягиваются постепенно к нему как исходный материал. Но вхождение во взрослое состояние обязывает индивида учитывать образцы, предлагаемые обществом. Внутреннее равновесие должно как-то соотноситься с внешними социальными ориентирами. Внутренний разлад уступает место чувству психосоциального благополучия.

Таким образом, чувства единства и постоянства обеспечивает Эго, та самая психическая инстанция, которая у Фрейда находится между бессознательным и суперэго.

Э. Эриксон пишет: «Одна из задач эго — помогать индивиду осваивать жизненный опыт и руководить его действиями таким образом, чтобы из разнообразных и часто противоположных стадий и аспектов его жизни возможно было синтезировать некоторую цельность — из непосредственных впечатлений и ассоциирующихся с ними воспоминаний, влечений и долга, самых интимных и самых публичных сторон его жизни» [6, с. 91].

Но не каждый человек обладает сильным и успешным эго. Поэтому Эриксон обращается к проблеме личности. Он прослеживает процесс преобразования индивида в личность. В итоге этих размышлений оказывается, что личность является носителем идентичности. Она «обеспечивает существование индивида как цельной личности, характеризующейся тождеством самому себе и целостностью как в отношении внутреннего опыта, так и в отношении актуальности для других» [там же, с. 83].

В эго-психологии личность характеризуется обычно рядом таких качеств, как социализированность, духовность, постоянство во времени. По первому впечатлению кажется, что эти черты рядоположены, то есть социализированность предполагает и духовность. Однако это не так. Отшельник, аскет могут рассматриваться как асоциальные типы, но это не означает, что они лишены духовности. Духовность в свою очередь нередко противостоит предельной социализированности. Личность как социальный тип выражает собой именно кризис социальности. Ж. Бодрийяр в своих трудах подчеркнул, что опыт тотальной социализации индивидов, который пыталась реализовать европейская культура на протяжении последних двух столетий, завершился крахом.

Именно личность в наши дни зачастую выступает в качестве противника тех социальных форм, которые существуют в куль-

туре. Призыв к социализованности нередко оказывается скрытым призывом к лояльности, отвергаемой личностью. Духовность буддиста менее всего предполагает предельную приверженность наличным социальным нормам. Приписывание личности особой духовности тоже создает определенные трудности. В этом контексте чрезвычайно трудно отличать сконструированные личности от метафизических “Я”, трансцендентальных “эго”, чистых актов, духов, ментальных субстанций, душ [10]. Вызывает много сомнений и такая атрибуция личности, как постоянство во времени. В период грандиозных социальных трансформаций это качество может обернуться откровенным ретроградством.

Психоистория

Так называется новая психологическая дисциплина, которая родилась на стыке истории и психологии. Одним из ее создателей считается Э. Эриксон. Психоисторики полагают, что жизнь человека обусловлена его историческим контекстом, но при этом огромную роль играет и внутренний мир человека. Психология эпохи, которая порождается во многом психологией личности, оказывается важнейшим фактором социальной истории. Психология сложилась под влиянием идей эго-психологии (Г. Гартман), которая подчеркнула роль адаптивных функций психики, и сравнительной культурной антропологии (М. Мид), показавшей культурную специфику и разнообразие биологически обусловленных форм поведения человека. На формирование психоистории огромную роль оказала также клиническая практика в США. Психоисторики поставили задачу изучить социокультурные параметры исторической эпохи, прежде всего характерных особенностей ее духовной атмосферы. Продолжая традиции психобиографий выдающихся деятелей мировой культуры и политики, созданные З. Фрейдом, и биографии К. Ясперса, психоисторики совершили примечательный поворот в этой области. Они отказались от функций классического исторического анализа. Задача психоистории сводилась к тому, чтобы показать, что отдельные личности обеспечивают духовный климат эпохи. Внутриличностные конфликты творческих людей — М. Лютера, Т. Джефферсона, М. Ганди, Б. Шоу, М. Горького — Э. Эриксон изучал как выражение социально-психологических проблем их времени и культуры. Главной методологической установкой психоистории стал своеобразный принцип, который постулировал психосоциальное соотношение интимно-личностных и социально-исторических коллизий. Таким образом, фиксировался важнейший “исторический момент”, который определял судьбы истории.

Психоистория получила достаточно широкое развитие. В Германии вышло немало трудов о нацизме. Психоистория исходит из положения, что существуют бессознательные импе-

*П. Гуревич,
Э. Спирова*
Идентичность
и ее тень

❁❁❁❁❁
**ФИЛОСОФСКАЯ
 АНТРОПОЛОГИЯ:
 СТРАНИЦЫ
 КЛАССИКИ**
 ❁❁❁❁❁

ративы человеческих действий. Это предполагает наличие более ранних уровней психического, которые не осознаются субъектом, но, в то же время способны воздействовать на его поведение. Засвидетельствованы конфликты между сознательными установками и бессознательными стремлениями на индивидуальном и на массовом уровне. Социально-политическая история часто не получала адекватного объяснения. Однако применение методов психоанализа, культурной антропологии и социальной психологии изменило положение.

Метод психоистории часто называют генетическим, поскольку он подчеркивает значение предшествующего опыта. Такой подход предполагает, что реальности настоящего непрерывно динамически взаимодействуют на бессознательном уровне с личным и коллективным прошлым. Для психоисторика важно не только понимание неких вневременных универсальных фантазий, но и выявление их специфических выражений в данном месте и времени. Они показывают, как социальные травмы — война, голод, экономические кризисы, эпидемии — отличаются по своему воздействию друг от друга, обуславливая вместе с тем характер функционирования группы и стиль лидерства. Американские специалисты не раз применяли методы культурантропологии, и в частности концепцию “модельной личности”, к изучению германского национального характера. Психоистория оказалась полезной для понимания массовых фантазий и движений, основанных, в частности, на рабской ненависти.

Труды Э. Эриксона, которые издает “Канон+”, несомненно, послужат основой для дальнейшей разработки многих метафизических и психологических проблем в области философской антропологии и социальной философии.

Литература

1. Вопросы социальной теории: Научный альманах. Т. VIII. Вып. 1–2. 2015–2016.
2. *Стросон П.Ф.* Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / Пер. с англ. В.Н. Брюшинкина и В.А. Чалого. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.
3. *Тоффлер Э.* Третья волна / Пер. с англ. М.: АСТ, 2004. С. 579.
4. Философские сюжеты Эрика Эриксона: переводы работ американского психоаналитика / Общ. ред., авт. вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Канон+ РООИ “Реабилитация”, 2016. (в печати)
5. Человек в мире возможностей: образы будущего / Под ред. Ю.М. Резника. М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2016.
6. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ., общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.
7. *Эриксон Э.Г.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / Пер. с англ. А.М. Каримского. М.: Московский философский фонд “Медиум”, 1996.
8. *Эриксон Э.Г.* Детство и общество / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева. СПб.: Летний сад, 2000.
9. *Эриксон Э.* Трагедия личности. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2008.
10. *Danto A.C.* Persons // Encyclopedia of philosophy. N.Y, 1967. Vol. 1–8. Vol. 6.

ЖИЗНЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

(Из лекции “Человеческая сила и цикл поколений”)

Эрик Эриксон

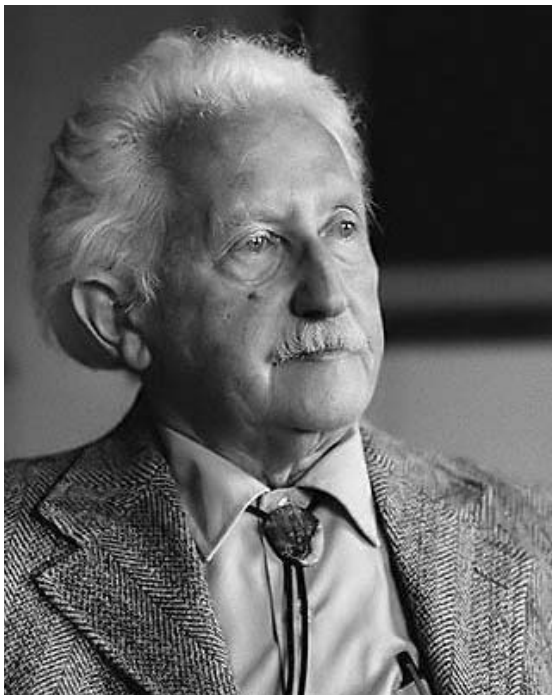
У психоаналитика есть все основания проявлять сдержанность в разговоре о человеческой добродетели, ибо, если он будет говорить об этом легкомысленно, могут возникнуть подозрения в пренебрежении очевидной обязанностью ежедневных наблюдений, знакомящих его с “возделанной почвой, из которой гордо произрастают наши добродетели”. Его можно упрекнуть в пренебрежении указанием Фрейда, согласно которому ценности сознания могут получить надежную переоценку только в том случае, если твердо признана ценность бессознательных и иррациональных сил.

И все же само развитие психоаналитической мысли, ее сегодняшняя озабоченность “силой эго” предполагают пересмотр человеческой силы не в смысле благородства и честности, как это культивируется этикой, но в смысле “врожденной силы”. Я уверен, что у психоаналитиков, выслушивающих жизнеописания в течение более полувека, сложился “неофициальный” образ сил, присущих индивидуальному жизненному циклу и последовательности поколений. Я подразумеваю при этом те приятные случаи, когда мы можем согласиться, что пациенту действительно стало лучше — не так, как предлагается в анкетах “заметно лучше” или “несколько лучше”, а существенным образом.

Исчезновение симптомов упоминается здесь лишь мимоходом, а решающим критерием является увеличение силы и продолжительности концентрации пациента на делах, любовь ли это, работа, быт, дружба или общественная деятельность. И в самом деле, мы уходим от систематического рассмотрения человеческой силы. Например, мы признаем внутреннюю связь между самыми ранними и глубокими умственными расстройствами и полной потерей основного вида надежды или между отношением импульсивных и компульсивных, принудительных симптомов и основным слабоволием. И все же мы не задаемся вопросом о том, каковы же генетические и динамиче-

**ФИЛОСОФСКОЕ
АНТРОПОЛОГИЯ:
СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ**

Эрик Эриксон

ские детерминанты состояния надежды или состояния контролируемой силы воли.

По существу, мы вымученно пытаемся выразить то, что ценим, используя двойное отрицание: человек, о котором мы бы сказали, что он здоров, относительно устойчив к регрессии, или несколько более свободен от регрессии, или менее подвержен противоречиям, чем можно ожидать. И все же мы знаем, что в здоровом состоянии или состоянии умственной и эмоциональной ясности вступает в действие процесс упорядочивания, который не укладывается в самый полный список отрицаний. Часть этого процесса мы называем “синтезом эго” и под этим обозначением постепенно накапливаем новые наблюдения.

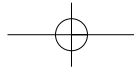
Но мы знаем также, что иногда у некоторых людей он наделен

в полной мере качеством, которое могли бы назвать как “оживленное” или “одухотворенное”. Конечно, я не буду пытаться это классифицировать. Но я утверждаю, что, не признав его существования, мы не сможем сделать правильного описания ни наилучших моментов душевного равновесия человека, ни его глубочайшей трагедии.

В последующем я собираюсь исследовать источники, а затем эволюционные причины основных человеческих качеств, которые назову добродетелями. Выбор такого названия объясняется отчасти тем, что форма множественного числа “strengths” (силы) кажется мне некрасивой, но в основном из-за того, что слово “добродетель” (virtue) подходит лучше всего. В латинском языке добродетель означала мужественность, это предполагает сочетание по меньшей мере силы, сдержанности и храбрости, хотя мы, конечно, сомневаемся, следует ли относить мужественность к безусловным добродетелям мира, прежде всего потому, что на женственность может быть возложена большая доля в спасении гуманности от “climactis” (критический период) и разрушительных стремлений мужчины.

Но в древнеанглийском языке слово “virtue” было наделено особым значением, которое здесь как раз уместно. Оно означало неотъемлемую силу или действенность и использовалось, например, для указания на не уменьшившуюся крепость хорошо сохранившихся лекарств и вин. Сила и дух значили когда-то одно и то же, и не только в смысле силы, присущей спиртным напиткам (англ. spirit “дух” и spiritus “алкоголь”. — Прим.

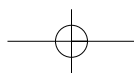
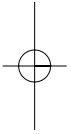
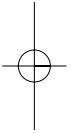
пер.). Тогда вопрос можно сформулировать так: “Какая добродетель “выходит” из человека, когда он теряет силу, которая у него в сознании, и благодаря какой силе человек приобретает одушевленность и одухотворенность, без которых его основы морали становятся просто морализаторством, а этика теряет свои качества?”

Добродетелью я буду называть определенные человеческие качества силы, и я буду соотносить их с тем процессом, в котором может поэтапно развиваться сила эго и передаваться от поколения к поколению.

Кажущимся парадоксом человеческой жизни является коллективная способность человека создавать свою собственную среду, хотя каждый индивид рождается в обнаженной уязвимости, которая переходит в длительный период инфантильной зависимости. Однако слабость новорожденного относительна. Пока новорожденный еще не достиг какой-либо степени овладения физическим миром, он наделен наружностью и реакциями, требующими заботливой нежности взрослых, заставляющими их внимательно относиться к его потребностям, вызывающим участие у тех, с кем связано его благополучие, и способствующими активной заботе взрослых. Я повторяю слова “заботливый”, “участие”, “забота” не с целью создания поэтического эффекта, но для того чтобы подчеркнуть тот основополагающий факт, что в жизни вообще и в человеческой жизни, в частности, уязвимость новорожденного и мягкость невинной потребности в заботе сами по себе обладают силой. Как бы ни были беззащитны младенцы, в их распоряжении есть матери, для защиты матерей существуют семьи, общества поддерживают институт семьи, а традиции обеспечивают культурную преемственность системам ухода и воспитания. И все это необходимо ребенку для человеческого развития, так как его окружение должно обеспечить ту внешнюю целостность и преемственность, которые, подобно второй утробе, позволяют ребенку поэтапно развить свои отдельные способности и объединить их в серии психосоциальных кризисов.

В последние годы предметом внимания психиатрии стало взаимоотношение мать — ребенок, и на него возлагалось все бремя ответственности за умственное здоровье и развитие человека. Такое сосредоточение на самых ранних стадиях развития, похоже, нашло поддержку в молодой науке этологии, анализирующей врожденный механизм, при помощи которого у животных мать и детеныш вырабатывают друг у друга поведение, необходимое для выживания детеныша и, таким образом, вида. Однако настоящее этологическое сравнение должно сопоставлять первый период жизни животного (например, период развития в гнезде у некоторых птиц) со всем периодом развития человека, включая юность. Дело в том, что психосоциальное выживание человека гарантируется только жизненными

Эрик Эрикссон
Жизнь перед
лицом смерти

❁❁❁❁❁
**ФИЛОСОФСКАЯ
 АНТРОПОЛОГИЯ:
 СТРАНИЦЫ
 КЛАССИКИ**
 ❁❁❁❁❁

добродетелями, развивающимися во взаимодействии последовательных и совпадающих во времени поколений, живущих вместе в организованных сообществах.

Жизнь вместе значит здесь больше, чем случайная близость. Она означает “взаимное проникновение” этапов жизни отдельных людей, взаимодействие с этапами жизни других, которые двигают его по мере того, как он двигает их. Поэтому в последние годы я пытался описать весь жизненный цикл как интегрированный психосоциальный феномен, вместо того чтобы использовать подход, который (по аналогии с телеологией) можно было бы назвать попыткой выводить значение развития прежде всего из реконструкции ребенка.

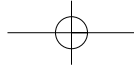
* * *

Когда дело доходит до перечисления основных добродетелей, с которыми люди идут и ведут по жизни других, сначала возникает соблазн образовать новые слова от латинских корней. Латынь всегда предполагает знание и ясность, тогда как у повседневных слов есть бесчисленное множество смысловых оттенков. Описанные ими добродетели для оптимистов звучат как радостные и легкие достоинства, а для пессимистов как идеалистические претензии. И все же, когда мы подходим к явлениям, более близким к эго, повседневные слова живого языка, отшлифованные от употребления многими поколениями, более пригодны в качестве основы для рассуждений.

Поэтому я буду говорить здесь о Надежде, Воле, Целеустремленности и Умении как о рудиментах добродетели, развившейся в детстве; о Верности как о юношеской добродетели и о Любви, Заботе и Мудрости как центральных добродетелях зрелого возраста.

При всей их кажущейся бессвязности эти качества зависят друг от друга. Воля не может выработаться, пока не обеспечена надежда, и любовь не может стать взаимной, пока не получит своего подтверждения верность. Кроме того, каждая добродетель и ее место в перечне добродетелей тесно взаимосвязаны с другими областями развития человека, такими, как фазы психосексуального развития, которые так глубоко исследуются в психоаналитической литературе и психосоциальные кризисы и фазы познавательного развития. Эти перечни я должен принять без доказательств, так как я ограничиваюсь параллельным графиком развивающихся добродетелей.

Если мы припишем здоровому ребенку зачатки Надежды, то, конечно, будет трудно указать критерии для этого состояния и еще труднее измерить его. И все же тот, кто видел не надеющегося ребенка, видел то, чего на самом деле нет. Надежда — это и самая ранняя и самая необходимая добродетель, неотделимая от состояния жизни. Некоторые называют это глубочайшее свойство доверием, и я считаю веру самым поло-

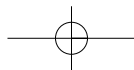
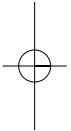
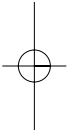
жительным психосоциальным отношением, но для поддержания жизни должна оставаться надежда, даже когда иссякает доверие, угасает вера. Клиницистам известно, что взрослый человек, потерявший всякую надежду, регрессирует до такого безжизненного состояния, которое еще может выдержать организм. Но в сущности даже у развитой надежды есть что-то такое, что делает ее самым детским из всех качеств эго, а ее подтверждение в наибольшей мере зависит от милости судьбы, поэтому религиозное чувство побуждает взрослых к восстановлению надежды в периодической просительной и, в известной мере, ребяческой молитве, обращенной к невидимым всемогущим силам.

Ничто в человеческой жизни, однако, не гарантируется изначально, если это не проходит проверку при встрече товарищей в благоприятном социальном окружении. Улыбка ребенка вызывает надежду у взрослого и, вызвав у него улыбку, заставляет его передать надежду, но это, конечно, лишь физиогномическая деталь, указывающая на то, что ребенок своим доверчивым поиском опыта и уверенности пробуждает в дающем силу, которую он, в свою очередь, готов и испытывает потребность пробудить и укрепить опытом взаимности.

Надежда изначально основывается на первых встречах новорожденного с заслуживающими доверия материнскими лицами, которые реагируют на его потребность в поглощении и контакте с теплыми и успокаивающими пеленками и дают пищу, которую приятно принимать и легко усваивать, и которые не дают ему испытывать чувства неудовлетворения из-за получения слишком мало и слишком поздно. Это далеко не просто инстинктивное или инстинктуальное дело. Биологическому материнству требуется, по меньшей мере, три связующих звена с социальным опытом: прошлый опыт матери, когда за ней самой ухаживала ее мать, понятие материнства, которое разделяется с заслуживающими доверия окружающими людьми, и всеохватывающий образ мира, связующий прошлое, настоящее и будущее в убедительную систему провидения. Только тогда мать может что-то дать ребенку.

Надежда проверяется комбинацией опытов в “доисторической” эпохе индивида, времени до освоения речи и вербальной памяти. И психоанализ, и генетическая психология считают центральной в этот период роста безопасную “апперцепцию объекта”. Психологи подразумевают под этим способность воспринимать постоянное качество мира вещей, тогда как психоаналитики свободно говорят о первом объекте любви, то есть об опыте заботящегося человека, как связанного существа, отвечающего на физические и эмоциональные потребности ожидаемым образом, и поэтому заслуживает доверия и лицо, которое узнают в ответ на узнавание. Эти два вида объекта являются первым знанием, первой проверкой и, таким образом, основой надежды.

Эрик Эриксон
Жизнь перед
лицом смерти

❁❁❁❁❁
**ФИЛОСОФСКАЯ
 АНТРОПОЛОГИЯ:
 СТРАНИЦЫ
 КЛАССИКИ**
 ❁❁❁❁❁

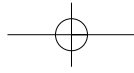
Надежда, установленная когда-то как основное качество опыта, остается независимой от подтверждаемости “надежд”, потому что в природе развития человека заложено то, что конкретные надежды, когда ожидаемое событие будет проходить, будут заменяться рядом более отдаленных надежд. Постепенное расширение кругозора активного опыта ребенка обеспечивает на каждом этапе такие стоящие подтверждения, что они инспирируют новые надежды. В то же время ребенок развивает большую способность к самоотречению одновременно со способностью переносить несбывшиеся надежды на лучшие виды на будущее, он учится мечтать о воображимом и ожидать того, что обещает оказаться возможным. Таким образом, развивающаяся надежда не только сохраняется перед лицом изменившихся фактов, она, оказывается, способна изменять факты, как говорят о вере, что она может двигать горы.

С эволюционной точки зрения представляется, что надежда должна помогать человеку приблизиться к той степени укорененности, которой обладает животный мир, когда набор инстинктов и окружающая среда, начиная с материнской реакции, подтверждают друг друга, если только индивида или вид не постигает катастрофа. Для человеческого дитя его мать является природой. Она должна быть тем исходным подтверждением, которое позже будет приходить от других и более широких фрагментов действительности. Все самоподтверждения поэтому начинаются в том внутреннем свете мира матери и ребенка, который в образе Мадонны передан таким необыкновенным и спокойным, и конечно, такой свет должен сиять сквозь хаос многих кризисов, кризисов развития и случайных кризисов.

* * *

Во изменение некоторых первых формулировок. Надежда — это постоянная вера в достижимость пламенных желаний, несмотря на темные побуждения и страсти, отмечающие начало существования. Надежда — это онтогенетическая основа веры, и она питается верой взрослых, которая охватывает различные виды заботы.

Исключительное состояние надежды, переведенное в различные воображаемые миры, было бы раем в природе, утопией в общественной действительности и небом в загробной жизни. У индивида, здесь и сейчас, это означало бы адаптивный оптимум, ибо истинная надежда неумолимо ведет к конфликтам между быстроразвивающейся собственной волей и волей других, из которых должны возникнуть зачатки воли. По мере того как ощущения и мышцы ребенка ухватываются за возможность более активного опыта, перед ним встает двойная потребность в самоконтроле и приеме контроля от других. Проявлять волю означает не быть своевольным, а постепенно

приобретать все возрастающую силу рассудка и принятия решений в применении побуждений. Человек должен научиться желать того, что может быть, отвергать как не заслуживающее желанья то, чего быть не может, и верить, что то, чего он пожелал, — неизбежно.

В этом, вне всякого сомнения, источник происхождения трудного вопроса о свободной воле, который человек как всегда пытается решать логически и теологически. Фактом является то, что ни один человек не может жить, эго оставаться целым без надежды и воли. Даже человек философского склада, чувствуя потребность пересмотреть основы, на которых он стоит, и подвергающий сомнению и надежду, и волю как нечто иллюзорное, ощущает несколько более реальным акт волеизъявления при самой постановке вопроса, а когда человек предпочитает уступать свое чувство желанья неизбежному богам и вождям, он пылко наделяет их тем, в чем отказывает себе.

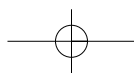
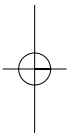
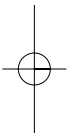
Рудименты воли требуются по аналогии со всеми основными качествами, когда эго объединяет опыт из областей, как будто бы удаленных друг от друга: осознание и внимание, манипуляция, вербализация и передвижение. Тренировка взаимоисключающих сфинктеров (кольцевидных мышц) может стать центром борьбы за внутренний и внешний контроль, которая идет во всей мышечной системе, в его двойном исполнении: индивидуальной координации и общественном руководстве. Чувство поражения (из-за недостаточной или избыточной тренировки) может привести к глубокому стыду и навязчивому сомнению: действительно ли желалось то, что сделано, или сделано то, что желалось.

Однако если воля надежно встроена в раннее развитие эго, она сохраняет признаки ограниченной возможности, так как взрослеющий индивид постепенно приобретает знание того, что можно ожидать ему и что могут ожидать от него. Часто терпящий поражение, он, тем не менее, учится принимать экзистенциальный парадокс принятия решений, которые, как ему известно, “где-то в глубине” будут предопределяться событиями, поскольку принятие решений — это часть определяющего качества, неотделимого от жизни. Сила эго зависит, кроме всего прочего, от чувства принятого деятельного участия в цепи неизбежных событий.

С маленькими желаньями (если можно так выразиться) дело обстоит так же, как с меньшими надеждами. Они и в самом деле не кажутся заслуживающими сокрушения, когда наступает момент проверки, если только есть достаточно времени для роста и развития нового и если ожидаемая реальность оказывается лучше и интереснее фантазии.

Поэтому Воля — это нерушимая решимость осуществить свободный выбор, а также самоотречение, несмотря на неизбежный опыт стыда и сомнения в детстве. Воля — это основа

Эрик Эрикссон
Жизнь перед
лицом смерти

❁❁❁❁❁
**ФИЛОСОФСКАЯ
 АНТРОПОЛОГИЯ:
 СТРАНИЦЫ
 КЛАССИКИ**
 ❁❁❁❁❁

для восприятия закона и необходимости, корни ее лежат в рассудительности родителей, направляемых духом закона.

Социальная проблема воли заключена в словах “добрая воля”. Добрая воля других зависит, очевидно, от взаимного ограничения желаний. Именно на втором-третьем году ребенок должен уступать новичкам. Задача рассудительных родителей теперь, уважая привилегии сильных, защищать права слабых. Они постепенно прививают меру самоконтроля ребенку, который учится управлять своеволием, проявляет необходимую готовность и обменивается доброй волей. Но, в конце концов, представление ребенка о самом себе окажется расколотым подобно тому, как остается оно расколотым у человека на всю оставшуюся жизнь.

Так же как идеальный (мы бы сказали, “предпротиворечивый”), образ любящей матери принес представление ребенка о самом себе как отражение признания ребенка своим и хорошим, противоречиво любимый образ контролирующего родителя соответствует противоречиво любимому “я” или, скорее, “множеству я”. Отныне способные и бессильные, любящие и сердящиеся, цельные и противоречащие себе “я” будут частью оснащения человека: поистине психическое впадение в немилость. По причине этого внутреннего раскола только рассудительные родители, ощущающие себя частью вполне справедливого общественного и мирового порядка, могут передать целительное чувство справедливости.

* * *

Третья жизненная добродетель — Целеустремленность. Принимая само собой разумеющимися правила представления, мы теперь можем быть более краткими: целеустремленность — это смелость преследовать значимые цели.

При затянувшейся незрелости инфантильного человека ему свойственно развивать рудименты воли в ситуациях, в которых он не вполне знает, что ему нужно и почему, что делает его своеволие временами почти отчаянным. К тому же он должен развить в “простой” фантазии и проявить рудименты целеустремленности: временную перспективу, дающую направление и концентрацию согласованному стремлению.

То, что человек начинал как играющий ребенок, оставляет, однако, отпечаток актерской и ролевой игры даже в том, что он считает высшими ценностями. Он, будучи взрослым, видит их происходящими в картинах его прошлого, их он проецирует на большее и более совершенное будущее, их он разыгрывает в обрядовом настоящем с одетыми в форму актерами в ритуальных ситуациях...

Как нам назвать следующую добродетель? К тому, что я имею в виду, ближе всего подходит Умение. И все же нетрудно согласиться, что качество, которым наделено все живое,

все-таки должно иметь вторичный кризис на одном из этапов жизненного цикла. Чувство умения, во всяком случае, характеризует то, что в конце концов становится мастерством. Конечно, со времени его “изгнания из рая” человек всегда был склонен отвергать труд, считая его нудным и рабским, и признавать самыми счастливыми тех, кто может выбирать: работать или не работать. Фактом, однако, является то, что человек должен учиться работать, как только его ум и способности готовы, чтобы их “пустить в дело” с тем, чтобы сила эго не атрофировалась.

В процессе эволюции сложилось так, что человек, когда он достигает возраста обучения основным элементам технологии культуры, является самым неприспособленным из животных. Рудименты надежды, воли и целеустремленности рисуют будущее лишь со смутно представляемым кругом задач. Теперь ребенку необходимо показать основные способы, ведущие к соответствию техническому образу жизни, ибо (вопреки современным апостолам инфантильного Эроса), в инфантильной сексуальности нет и следа умения... В детстве мимолетное приложение инстинктуальной энергии в эротических возможностях велико и часто существенно, но ее выход в удовлетворение и завершенность крайне ограничены. В таком случае понятен смысл того, что период психосексуальной латентности позволяет человеку развить инструментальные возможности тела, сознания и мира вещей и отложить дальнейшее развитие по сексуальной и сенсуальной осям до тех пор, пока они не станут частью большей области социальной ответственности.

В школе может оказаться так: то, что “работает” в формировании мысли и неиспользовании физической координации, “работает” и в случаях сотрудничества. Все культуры поэтому встречают эту стадию предложением обучения поддающимся совершенствованию умениям, ведущим к практической пользе и прочным достижениям. Все культуры также обладают своей логикой и своими “истинами”, которым можно научиться путем упражнения, практики и ритуала. Там, где грамотность — это общая основа для будущей специализации, правила грамматики и алгебры, конечно, образуют более абстрактную демонстрацию творений реальности. Поэтому рудименты умения и рассудительности готовят ребенка к будущему ощущению мастерства, без которого не может быть “сильного эго”. Без него человек чувствует себя уступающим в оснащении и способности соответствовать своим возможностям, все увеличивающемуся радиусу подвластной реальности.

Ребенок на этом этапе готов к разным специализациям и с большой охотой будет учиться тому характеру производства, который уже вошел в его ожидания на уровне идеальных примеров, реальных или мифических, и который теперь предстает перед ним в лице учителей-взрослых или сотрудничающих сверстников.

Эрик Эриксон
Жизнь перед
лицом смерти

❁❁❁❁❁
**ФИЛОСОФСКАЯ
 АНТРОПОЛОГИЯ:
 СТРАНИЦЫ
 КЛАССИКИ**
 ❁❁❁❁❁

Именно так индивид развивает на каждом этапе значительное продвижение в эволюции человека путем присоединения большей части его культуры. В этом случае его развивающиеся способности позволяют ему понять основные данные технологии и элементы объяснения, которые дают возможность обучить методам.

Следовательно, умение — это свободное упражнение в ловкости и уме при выполнении заданий, не тронутое инфантильной неполноценностью. Это основа сотрудничества в технологиях, и в свою очередь, она основывается на логике инструментов и приемов.

* * *

Следующая добродетель — Верность. Когда в период полового развития человека созревает его сексуальность, он еще не готов быть супругом или родителем. В самом деле, это серьезный вопрос: делает ли человека ранняя свобода в прямом использовании его сексуальности более свободным как личность в качестве гаранта свободы других? Во всяком случае, равновесию этого молодого человека решительно угрожает двойная неуверенность в недавно созревшем сексуальном механизме, который нужно держать в состоянии ожидания во всех или некоторых из его функций, пока он готовится занять свое место в мире взрослых. Его вытекающая отсюда импульсивность, перемежающаяся с принудительным ограничением, хорошо известна и подробно описана. Во всем этом, однако, за внутренней согласованностью и прочным набором ценностей можно распознать “идеологические” искания, и я бы назвал данное качество эго, которое появляется начиная с юности, Верностью.

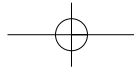
Верность — это способность сохранять преданность, которая свободно избирается, несмотря на неизбежные противоречия системы ценностей.

Это краеугольный камень личности, и она получает вдохновение от подтверждающих идеологий и товарищей.

В юности такая истина проверяет себя несколькими способами: высокое чувство долга, точности и правдивости в пределах реальности: чувство правдивости как в искренности, так и в убеждении, качество подлинности, как в достоверности, свойство преданности, “приверженности”, честность по отношению к правилам игры, и, наконец, все, что имеется в виду под привязанностью, — свободно даваемая, но обязывающая клятва, роковым образом предусматривающая проклятие, которое постигает отступников.

Когда Гамлет, эмоциональная жертва вероломства своих королевских родителей, ставит вопрос: “Быть или не быть?”, — он демонстрирует на словах и на деле, что для него “быть” возможно лишь при условии сохранения верности (себе, любви, короне), а остальное — это смерть. Культуры, общества и рели-

гии предлагают юноше в виде духовной пищи некоторую истину в обрядах, в ритуалах подтверждения в качестве члена тотема, клана или веры, нации или класса, которые отныне должны быть его сверхсемьей. В настоящее время мы также обнаруживаем могущественные идеологии, которые требуют и получают верность (и, если требуется, раннюю смерть) от молодых.

Кроме всего прочего, юноше необходимо подтверждение со стороны взрослых и сверстников. Личность обязана своей эволюционной и исторической значимостью тому факту, что социальным группам людей, не составляющим уже вид в природе, но не представляющим еще человечества в истории, потребовалось почувствовать с тщеславием или уверенностью, что они какого-то особого вида, который обещает каждому индивидууму участие в группе избранных.

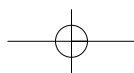
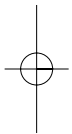
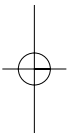
Племенная, национальная или классовая группа требует, однако, чтобы человек считал все иное враждебным, и по крайней мере некоторые люди стали считать других врагами, относясь к ним с немотивированной жестокостью, которая отсутствует в животном мире. Во всяком случае, потребность в принадлежности к группе более высокого статуса вкупе с гордостью технологией заставили человека эксплуатировать и уничтожать себе подобных с абсолютным спокойствием. Какого бы уровня технологии ни достиг человек, он может скатиться до архаической погони с отмщением: он может охотиться на людей другой расы, нации или класса, он может поработать их в массовом порядке, торговать ими, лишая имущества и свободы, убивать их в “мясорубках” или хладнокровно планировать их массовое уничтожение.

Пожалуй, еще более удивительно, что он может относиться к своим собственным детям как к “чужим”, как к “почве”, которую нужно засадить своими ценностями, как к животным, которых нужно выдрессировать, держа в руке кнут, как к собственности, которой можно распоряжаться, как к дешевой рабочей силе, которую можно эксплуатировать.

Все это в разное время соответствовало характеру технологии настолько самодовольной, что даже благородные люди не могли позволить себе поступить иначе без того, чтобы их сочли предателями некоего превосходства или нарушителями солидарности. В нашу эпоху безграничной технологической экспансии поэтому вопрос будет в том, что человек может позволить себе и решить не использовать, не изобретать и не эксплуатировать — и все же сохранить свою личность.

В наше время идеологии берут верх там, где отступает религия, представляя себя (кроме других, более практических притязаний) в качестве исторических перспектив, к которым следует обращать индивидуальную веру и коллективное доверие. Как и религии, они противопоставляют угрожающему чувству отчуждения положительный ритуал и утвердительную догму и суровый и жестокий запрет на отчужденность в своих собст-

Эрик Эрикссон
Жизнь перед
лицом смерти

❁❁❁❁❁
**ФИЛОСОФСКАЯ
 АНТРОПОЛОГИЯ:
 СТРАНИЦЫ
 КЛАССИКИ**
 ❁❁❁❁❁

венных порядках или в стане врагов. Они, не колеблясь, сочетают магию с техникой, усиливая звучание Одного Голоса, вещающего из ночи, и увеличивая и тиражируя Одно Лицо в центре внимания массовых сборищ.

Однако наиболее уместен в данной связи способ, которым идеологии увязывают догмы с новыми научно-техническими разработками. Должно быть очевидно, что наука и техника в наше время обеспечивают самую непосредственную форму проверки тем, кто хочет и способен работать и, кроме всего прочего, налаживать работу.

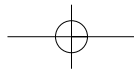
* * *

То, что Любовь — это величайшая из человеческих добродетелей и фактически главная добродетель вселенной, факт настолько общепризнанный, что имеет смысл еще раз рассмотреть ее эволюционную первопричину и определить, почему любовь здесь приписывается определенному этапу и определенному кризису в разворачивающемся цикле человеческой жизни. Разве любовь не связывает вместе каждый этап? Существует, разумеется, много форм любви, от удобной и озабоченной привязанности младенца к его матери до страстной и отчаянной влюбленности юноши, но любовь в эволюционном и обобщающем смысле — это, я уверен, преобразование любви, полученной на предъюношеском этапе жизни, в заботу, отдаваемую другим в зрелом возрасте.

Важным должен быть тот эволюционный факт, что человек сверх и выше сексуальности вырабатывает избирательность любви. Думаю, это проявляется во взаимности супругов и партнеров, в их общей идентичности ради взаимной верификации через опыт обретения себя в другом при потере себя.

Позвольте мне здесь специально подчеркнуть, что идентичность укрепляется, когда может реализовать все предоставляемые для этого шансы. По этой причине любовь, в своем истинном смысле, предполагает, как идентичность, так и верность. Хотя можно показать, что многие формы любви действуют в образовании различных добродетелей, важно осознать, что только окончание периода юности дает возможность развития этой близости, самоотверженности взаимной привязанности, которая закрепляет любовь во взаимном обязательстве. Таким образом, интимная любовь — это страж неуловимой и все же всепроникающей силы в психосоциальной эволюции: силы культурного и личного стиля, который дает и требует признания в общих видах деятельности, гарантирует индивидуальную идентичность во взаимной близости и объединяет в “образ жизни” отношения воспроизводства и деторождения.

Любовь недавнего ставшего взрослым человека, кроме всего прочего, — это активная избирательная любовь, независимо от методов матримониального отбора, независимо от того, явля-

ется ли этот отбор предварительным условием для близких отношений или выбор совершается в процессе постепенного развития близких отношений. В любом случае, проблема состоит в переходе от опыта получения заботы в окружении родителей, в котором ребенок вырос, к новому, взрослому виду привязанности, который активно избирается и культивируется как обоюдное участие.

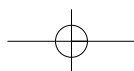
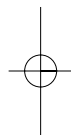
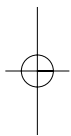
Слово “a liation” (привязанность. — *Прим. пер.*) буквально означает “усыновление” — и в самом деле, в дружбе и партнерстве люди, недавно ставшие взрослыми, становятся друг другу сыновьями, но сыновьями по свободному выбору, который проверяет долгую надежду на родство внекровных (кровосмесительных) связей. Отныне сила эго зависит от привязанности к другим, кто также готов и способен принимать участие в деле заботы о потомстве, пропитании и воспитании.

Сексуальность взрослых характеризуется участием половых органов, способностью к полному и взаимному выполнению полового акта. Огромная сила подтверждения охватывает это слияние тел и темпераментов после опасно долгого детства, которое, как подробно описано было в ходе изучения неврозов, может сильно нарушить способность к психосексуальной взаимности. Фрейд отмечал, что половая зрелость сама по себе гарантирует это сочетание (ни приобретение, ни поддержание которого ни в коем случае не легко) интеллектуальной ясности, сексуальной взаимности и заботливой любви, которая закрепляет человека в действительности его обязанностей.

До сих пор мы еще ничего не сказали о различиях между полами, и на этот раз данное пренебрежение оправдано. Именно в раннем зрелом возрасте биологические различия между полами — а я верю, что они имеют решающее значение с самого начала, — проходят свой психосоциальный кризис и имеют результатом поляризацию двух полов в совместном стиле жизни. Ранее установленные добродетели играют для такой поляризации и стиля подготовительную роль точно так же, как все физические силы и познавательные способности, развивающиеся до и во время периода юношества.

Умение как таковое представляет собой межполовую добродетель так же, как и верность. Можно доказать положение, согласно которому эволюционная первопричина объясняет, почему различия пола не будут полностью разделять помы, пока умение и верность не позволят стать их разделению полярным, то есть делением взаимного усиления опыта и распределения труда в стилизованной схеме любви и заботы. Такая первопричина человеческого развития будет также предполагать, что помы в меньшей степени различны по отношению к возможностям и добродетелям, которые способствуют общению и сотрудничеству, но различия наибольшие там, где расхождение существенно, то есть в сочетаниях истории любви и разделенных функций воспроизводства. Можно сказать, что помы

Эрик Эриксон
Жизнь перед
лицом смерти

❁❁❁❁❁
**ФИЛОСОФСКАЯ
 АНТРОПОЛОГИЯ:
 СТРАНИЦЫ
 КЛАССИКИ**
 ❁❁❁❁❁

наиболее схожи в поступках эго, которые — будучи самыми близкими к сознанию, языку и этике — должны служить и для того, чтобы интегрировать факт сексуальной взаимности и двухполюсности.

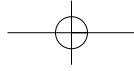
Любовь, таким образом, — это взаимность преданности, всегда подавляющая антагонизмы, свойственные разделенности функций. Она пропитывает близость людей и поэтому является основой этических отношений.

* * *

Забота — это качество, существенное для психосоциальной эволюции, так как мы представляем собой обучающий вид. Животные также инстинктивно подталкивают свой молодняк к проявлению того, что готово к выходу наружу, и конечно, некоторых животных человек может научить некоторым трюкам и командам. Однако только человек может и должен проявлять заботу во времени периодов детства многих поколений, объединенных в хозяйства и сообщества. По мере того как человек передает зачатки воли, надежды, целеустремленности и умения, он сообщает значение телесному опыту ребенка, передает логику, выходящую далеко за пределы используемых при обучении слов, и постепенно рисует определенный образ мира и стиль товарищества.

Все это необходимо, чтобы завершить в лице человека аналогию с основной этологической ситуацией между родителем и детенышем у животных. Только все это, вместе взятое, позволяет провести сравнение отношений, возникающих у нас, с отношениями гусыни и гусенка в примере этолога. Как только мы улавливаем взаимосвязь этапов жизни человека, мы понимаем, что взрослый человек устроен таким образом, что он нуждается в том, чтобы быть нужным, чтобы не страдать от ментальной деформации самопритятия, при котором он сам становится своим ребенком и любимцем. Поэтому я постулировал существование инстинктуальной и психосоциальной стадии воспроизводства за пределами стадии генитальной. Отцовство и материнство — это для большинства первый и для многих первичный случай рождения. И все же увековечение человечества бросает вызов генеративной изобретательности разного рода деятелей и мыслителей. Человек нуждается в обучении, и не только для реализации своей личности, но потому что жизнь фактов поддерживается, когда о них рассказывают, логики — когда она демонстрируется, правды — когда о ней заявляют открыто. Таким образом, страсть к обучению не ограничивается рамками учительской профессии. Каждому взрослому человеку знакомо ощущение удовлетворения от объяснения того, что ему дорого, и понимания со стороны пытливого ума.

Забота — это постоянно расширяющееся участие в том, что создано любовью, необходимостью или случаем, она преодолена

вает амбивалентность, следуя необратимым обязательствам.

Создание человеком заботливых богов — это не только выражение его настоящей инфантильной потребности в том, чтобы о нем заботились, но также проекция на сверхчеловеческую силу идеала эго. Эта сила должна быть достаточно мощной, чтобы управлять, или, по крайней мере, прощать склонность у человека к свободному распространению результатов труда с порождением событий и условий, которые, как всегда, оказываются выше него.

Однако очевидно, что человек должен теперь учиться принимать ответственность, предоставленную ему эволюцией и историей, и учиться управлять и планомерно ограничивать свою способность к неограниченному распространению, изобретению и экспансии. Здесь я подчеркнуто упоминаю женщин, говоря о мужчинах, ибо готовность женщины к заботе прочнее закреплена в ее теле, которое представляет собой как бы морфологический образец заботы, это одновременно и защищающее жилище, и источник пищи.

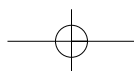
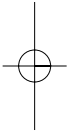
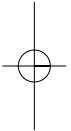
Современный мужчина, вынужденный ограничить свою плодовитость, склонен рассматривать вопрос участия в производстве потомства как решаемый технической возможностью сделать сознательный выбор в деле оплодотворения. К такому выбору мужчины должны быть подготовлены. И все же такая “безопасная” история любви, если ее сопровождает простое уклонение от зачатия потомства и отрицание воспроизводства, может у некоторых быть источником такого же сильного напряжения, как и само отрицание половых сношений. Вполне может возникнуть специфический комплекс вины от игры с “огнем созидания”. Поэтому важно, чтобы управление продолжением рода руководилось не только признанием психосексуальных потребностей человека, но и универсальным чувством генеративной ответственности по отношению ко всем людям, которые появляются на свет. Это будет включать в себя (помимо средств предохранения) совместную гарантию каждому ребенку возможности такого развития, которое мы здесь описали.

* * *

Приближаясь к последней стадии, мы осознаем тот факт, что наша цивилизация на самом деле не содержит понятия всей жизни, как цивилизации Востока: “На службе — конфуцианец, в отставке — даосист”. Так как наш образ мира — это улица с односторонним движением к безостановочному прогрессу, который прерывают только большие и малые катастрофы, наши жизни должны представлять собой улицы с односторонним движением к успеху — и внезапному забвению.

И все же, если мы говорим о цикле жизни, мы в действительности подразумеваем два цикла в одном: цикл одного поколения, заканчивающийся в следующем, и цикл индивиду-

Эрик Эрикссон
Жизнь перед
лицом смерти

❁❁❁❁❁
**ФИЛОСОФСКАЯ
 АНТРОПОЛОГИЯ:
 СТРАНИЦЫ
 КЛАССИКИ**
 ❁❁❁❁❁

альной жизни, подходящий к концу. Если цикл во многих отношениях возвращается к своему собственному началу так, что самые старые становятся снова, как дети, вопрос состоит в том, есть ли это возврат к детоподобию, осененному мудростью или ограниченному детскостью. Это важно не только в пределах цикла индивидуальной жизни, но также в пределах цикла поколений, ибо жизненный уклад может только ослабеть, если свидетельство повседневной жизни подтверждает затянувшуюся последнюю фазу человека как утвержденный период детскости. Любой промежуток цикла, прожитый без полного смысла в начале, в середине или конце, ставит под угрозу ощущение жизни и смысл смерти у всех, чьи стадии жизни переплетаются.

Индивидуальность здесь находит свою последнюю проверку, а именно существование человека у входа в ту долину, которую он должен пересечь в одиночку. Я не готов обсуждать психологию “последней заботы”. Но в заключение своего очерка я не могу избавиться от ощущения, что описанный порядок предполагает экзистенциальную завершенность великого Ничто и актуальность цикла поколений. Ведь если в цикле жизни есть какая-либо ответственность, это должно быть то, чем одно поколение обязано следующему, та сила, которая позволяет ему по-своему встретить последние заботы — не поддаваясь истошающей нищете или невротическим расстройствам, вызванным эмоциональной эксплуатацией.

Каждое поколение должно найти мудрость веков в форме своей собственной мудрости. Сила у старых принимает форму мудрости во всех ее значениях — от зрелых “хитростей” до богатства знания и освобождения от временной относительности.

Мудрость, таким образом, — это особое участие в самой жизни перед лицом самой смерти.

Только такая целостность может уравнивать отчаяние знания того, что ограниченная жизнь подходит к осознаваемому завершению, только такая целостность может переступить мелкое отвращение от законченного и пройденного чувства, от отчаяния, от наступления периода относительной беспомощности, которые отмечают конец, как они отмечали начало.

Конечно, есть лидеры и мыслители, которые провели долгие продуктивные жизни на должностях, на которых мудрость важна и востребована. Есть те, кто чувствует себя проверенным в многочисленном и сильном потомстве. Но они также в конце концов присоединяются к престарелым, ограниченным своим сужающимся пространством-временем, в котором лишь несколько вещей в своей самодостаточной форме издают последний шепот подтверждения.

© 2016 *Перевод с английского
 Е. ОВСЯННИКОВОЙ*

ЧЕЛОВЕК В КИНОВСЕЛЕННОЙ СЕМЬИ ГЕРМАНОВ

© 2016

Н.А. Шаховская

Последние фильмы двух кинорежиссеров, отца и сына — “Трудно быть богом” Алексея Германа и “Под электрическими облаками” Алексея Германа-младшего, — свидетельствуют о том, что под влиянием как инновационных художественных тенденций, так и новейших кинотехнологий изменяется характер трактовки художественного пространства, эстетика самого экрана. Обе картины, действие которых отнесено в будущее, отличает экранная трактовка художественного пространства, направленная на создание атмосферы метафизической катастрофы, рассмотрение темы небытия. Актуализация будущего в таком случае может быть рассмотрена с позиции эстетической симуляции, прогностического аудиовизуального опыта. В данном контексте явственно прочитывается своего рода коммуникационная виртуализация экранного мира, превращение зрителя “из созерцателя в протагониста”¹. Оба режиссера предлагают разные пути вовлечение зрителя в игровое поле фильма. Если в первой картине все языковые средства направлены на “агрессивный” захват и аудиовизуальное “отелеснивание” зрительского восприятия, превращение изображения в чувственное переживание, то во второй — сам фильм превращается в подобие кинематографического “энвайронмента”, сродни специально созданным для кинокартины и использованным в ней артефактам на берегу Финского залива.

Эти две совершенно разные стратегии объединены конечной и единой целью: усилением аффективного воздействия на зрителя (переживание экзистенциального состояния смерти, экзистенциальной безысходности). При этом есть основания утверждать, что в обеих лентах присутствует момент эстетической игры, свойственной постмодернистской парадигме (речь идет, в том числе, о размытости сюжетной “горизонтальной”, мотиве “недосказанности”, ведущей к затруднению, а следовательно, и фрагментарности восприятия; самой структуре фильмов как гипертекста).

**ИЗ ФОНДОВ
КУЛЬТУРЫ**

**Шаховская
Надежда**

Александровна — аспирант кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК). В журнале “Человек” публикуется впервые.
E-mail: alama@inbox.ru

¹ Подробнее об этом см.: [7, с. 300].

111

**ИЗ ФОНДОВ
КУЛЬТУРЫ**

Поиск вертикали: “Под электрическими облаками”

Действие фильма “Под электрическими облаками” Алексея Германа-младшего происходит в недалеком будущем, спустя сто лет после Октябрьской революции, в наполненном смутными ожиданиями возможной войны в 2017 году. Представленная в семи новеллах кинокартина рассказывает о людях — их “из века в век” принято называть “лишними”, — чьи судьбы оказались так или иначе разбросаны вокруг одного недостроенного здания. Неизвестное будущее, призрачное и непонятое прошлое и современное настоящее, в котором роботы соседствуют с антикварными ценностями, а облака озаряются неоновой рекламой, осмысливается режиссером как художественный дискурс о связи времен и пространств через культурные наслоения, как попытка дать ответ на вопрос: кто мы, и что из себя представляем?

Идентифицируя себя с персонажами, зритель “примеряет” различные образы, вживается в роли иммигранта, юриста, архитектора... — одним словом, людей в определенных чаще всего непростых обстоятельствах. Безрадостный “пейзаж пустот”, среди которого блуждают герои, наполнен смутными очертаниями киснувших в воде идолов прошлого (см. Рис. 1) и такими же смутными человеческими надеждами. Показанная в кадре поздняя осень — предзимье своей холодной серостью сближает тона, уравнивая человека и мир вещей.

Окутанная туманом и постоянно мелькающая на заднем плане недостроенная башня служит центром притяжения человеческих судеб. Как пишет Н.Н. Третьяков: “Вертикальная координата композиции является наиболее жизненной и устойчивой”, — и добавляет: “Вместе с тем вертикаль служит осью движения фигур и предметов” [13, с. 52]. Такое “вращение” героев картины вокруг драматургической и изобразительной доминанты — недостроенного и заброшенного здания — закольцовывает, замыкает пространство, организуя все движение фильма вокруг оси. Перед зрителем открывается образ сферического мира: людей, живущих под куполом неоновых небес, каждый на своей орбите и, если представить это структурно, “ходящих по кругу”, который, как известно, не имеет ни начала, ни конца. Композиционное и драматургическое пересечение, “наложение” жизней героев различных новелл и предметов друг на друга, художественное повторение (повтор эпизода с дочерью умершего бизнесмена, рассказывающей как курьезное происшествие случай с самоподжогом архитектора) осваивает горизонтальную глубину времени. Такое возвращение повествования к повторному проживанию зрителем одного и того же эпизода может рассматриваться, с одной стороны, как дидактическая потребность художника увидеть в объективном свете нечто глубоко субъективное — внутреннюю жизнь чело-

века, а с другой — как ощущение того, что сам зритель плутает и топчется на одном месте, в пределах замкнутого круга.

Одна из самых выразительных новелл фильма “Долгие сны юриста по земельным вопросам”, почти лишенная сюжетного основания, точно передает атмосферу ушедшего времени. Схваченный режиссером “пейзаж эпохи” рождает ощущение, что только память помогает вновь обрести утраченное время. Оказывается, воспоминания — самое дорогое, что есть у человека. Они обладают животворной силой: умерший, но оживший в воспоминаниях друг детства просит героя приходить чаще, поскольку только тот его и вспоминает.

Характерно, что тема памяти и беспамятства проходит красной нитью через творчество обоих режиссеров. В какой-то степени здесь угадывается не только субъективное желание выявить индивидуальную связь с прошлым, но и поколенческий диалог отца и сына. Некоторую схожесть обеих картин в языковых приемах можно рассматривать как естественную связь поколений, ведь, в конечном счете, “художник не может существовать без традиций, как дерево не может расти на асфальте” [1, с. 248].

Так, А. Герман-младший, “как современный художник, воспользовавшийся открытиями Германа-старшего, в свою очередь угадывавшего время своего отца” [15, с. 43–44], создает свой экранный мир, полный многомерных образов. Мир людей, которые забывают прошлое, — свое, страны, ушедших эпох и культур. А те, кто еще помнит, пытаются во имя чего-то себя поджечь. Иные, не помня, а может попросту и не зная этого прошлого, каким-то внутренним чутьем ощущают его необходимость человеку. Главные герои оказываются не типичными представителями общества, в котором живут, а “лишними” чужаками, которые душевно маются по тому, о чем другие уже давно забыли. Им бы быть как все — забыть и идти дальше, а они цепляются, не отпускают. Оказывается, каждый из этих “лишних” не может с чем-то расстаться: дочка бизнесмена с мечтой отца,

Рис. 1. Исполнины прошлого. “Под электрическими облаками”, реж. А. Герман-младший

ИЗ ФОНДОВ КУЛЬТУРЫ

архитектор с нереализованным до конца проектом здания, юрист с памятью об ушедшем друге и детстве. Наркоман Валя (в исполнении Ч. Хаматовой) не способен оставить взятую в заложницы девочку, герой Мераба Нинидзе — забыть о чести и совести, как и директор музея — о Культуре. Рабочий, не расстающийся со сломанным магнитофоном (см. рис. 2), оказывается единственным равнодушным человеком рядом с умирающей женщиной, не сбежавшим с места преступления.

А. Герман-младший, повествовательно завязывая судьбы героев вокруг недостроенного исполина, будто пробует, выражаясь словами М. Пруста, “оживить огромное здание воспоминания” [цит. по: 12, с. 179]. Подразумевая не только настоящее, но и вечное, не сиюминутное, режиссер обращается к теме забвения как оппозиции памяти, что служит прямым свидетельством постхристианской эпохи (ведь с памяти, по словам Б. Пастернака, начался новый этап культуры — христианский²).

Так, А. Тарковский отмечал: “Человек же, лишенный памяти, оказывается в плену некоего иллюзорного существования — выпадая из времени, он не способен ухватить свою собственную связь с внешним миром, то есть он обречен на безумие”. И добавлял: “Будучи нравственным существом, человек наделен памятью, которая сеет в нем чувство неудовлетворенности. Она делает нас уязвимыми и способными к страданию” [12, с. 178]. В таком случае окружающие главных героев “Облаков” персонажи приобретают очертания “теней”, легко растворяющихся в мареве “цивилизационного смога” (выражение В.В. Бычкова). Для такого общества личность как понятие не существует, поэтому столь непринужденно показана смерть на экране (убийство женщины на пляже; несчастный случай на стройке; гибель парня, заступившегося за ребенка). Люди словно оболочки, подобно мыльным пузырям, “лопаются” с ужасающей зрителя легкостью, даже не умирают, просто перестают “быть”.

Если недостроенное здание неотступно служит пространственной доминантой всего фильма, то герои находят в поисках вертикали ценностной. Сам по себе амбициозный проект башни с окружающей его темой иноязычия (от гастарбайтеров до японских предпринимателей), безусловно, возвращает к библейскому архетипу.

Более того, строительство башни как творческий акт может рассматриваться как попытка прорваться сквозь сугубо материальную сторону бытия. Оттого звучащий на протяжении всего фильма и относящийся к судьбе недостроенного здания вопрос “шпиль или купол?”, порой задаваемый невпопад (что свойственно кинематографу и отцу, и сыну), с одной стороны, абсурден, а с другой — несет в себе мысль о выборе будущего как такового.

С.М. Эйзенштейн, будучи по образованию архитектором, много внимания уделял образным формам зданий и сооружений. “Самый ритм (и мелодия) гармонически переливающихся

² Подробнее об этом см.: [8, с. 414].

друг в друга форм является отражением через соотношение объемов и пространств и строй материалов определенного господствующего образа социальных представлений, и завершенное здание, таким образом, выражает и воплощает духовное содержание народа — строителя на определенном этапе своего социального и исторического развития” [16, с. 165–166]. Так, в фильме “Хрусталеv, машину!” А. Германа сталинская “высотка” играет роль символа, определяющего дух времени. Знаковая сила архитектуры находит свое воплощение на экране в виде отдаленно напоминающей часть ДНК спиральной конструкции здания (см. Рис. 3). На символическом уровне образ башни, как результат архитектурной мысли и деятельности человека, в своем эстетическом выражении — спиральной конструкции — может служить метафорой человеческой памяти, ее “хранения” и “передачи” другим поколениям.

Как признается сам режиссер, первоначально фильм задумывался как история об архитекторе, но в процессе работы сценарий претерпел изменения, получив дополнительные сюжетные линии: “Мы пытались создать такую 3D-драматургию...” [3]. Таким образом, выбор профессии героя представляется основополагающим в образном ряду фильма, поскольку отсылает не только к теме творчества вообще, как вере в то, что мир может быть исправлен на уровне творчества и при его помощи, но и коннотации с теологическим пониманием “архитектора мира”.

Повествовательная форма фильма метафизически будто располагает героев каждой из новелл на разных этажах недостроенного здания, как бы в разных хронотопических измерениях. Способствует этому и нелинейное течение времени, и пересечение персонажей новелл в различных сценах фильма, буквальный повтор эпизодов, обращение к сновидческим мотивам. По мысли автора, из “лишних” людей герои превращаются в “последних”, которым дано чувствовать чуть больше, чем окружающим, ощущать потребность в нравственном и ду-

Рис. 2.
Пустырь. “Под электрическими облаками”, реж. А. Герман-младший

Рис. 3.
Небоскреб. “Под электрическими облаками”, реж. А. Герман-младший

ховном величии. Именно показу своего рода “вымирания” этих последних содействует экранная реальность фильма. Оставаясь в рамках жизни одной страны, не уходя в поле мировой культуры, режиссер предъявляет мир, в котором все нестабильно, зыбко, призрачно, на всем лежит отпечаток перевоплощения: “Ваш папа был почти бог. Но теперь другое время, другие боги. А то, что вы думаете, что ваш папа больницы строил. Это вам кажется, что было. Может, ничего и не было”.

Замкнутый круг: “Трудно быть богом”

Говоря о творчестве Алексея Германа-старшего, нельзя обойти стороной трансформацию мироощущения режиссера и связанную с этим эволюцию художественного языка. За сравнительно короткий исторический период времени, разделяющий героев двух его лент “Мой друг Иван Лапшин” (1984) и “Хрусталеv, машину!” (1998), стратегия режиссуры автора претерпевает значительные изменения, ужесточаясь и доходя до своего апогея в последнем фильме режиссера по одноименной повести А. и Б. Стругацких “Трудно быть богом” (2013). Сравнивая эту ленту с вышедшей на экраны в 2015 году кинокартиной А. Германа-младшего “Под электрическими облаками”, нетрудно заметить, насколько близко по своему мироощущению художественное видение режиссеров в этих двух фильмах.

Пожалуй, сразу стоит отметить, что с ужесточением стратегии дискурса А. Германом деэстетизируется и экранная среда фильмов. Светлые надежды Лапшина на то, что “все еще впереди, что мы еще вычистим эту землю, посадим сад и еще успеем погулять в этом саду” [5, с. 55], оборачиваются в “Хрусталеv” заметным, нечищеным от снега пространством парка, гордо именуемым “Сад отдыха”, по которому со скрипом и лязгом разезжает ассенизаторская машина. Так, “финальные кадры фильма с безумным бронепоездом вывозят нас прямо на “историческую свалку” (очевидно как раз то, что случилось с “садом”

Н. Шаховская
Человек
в киновселенной
семьи Германов

Рис. 4. Кадр из
фильма “Трудно
быть богом”, реж.
А. Герман

Лапшина)» [там же]. Весенние пейзажи сменяются безжизненным лесоповалом с изредка чернеющими кострищами.

Что касается картины “Трудно быть богом”, то ее действие разворачивается на другой планете. Зброшенная сюда с Земли группа ученых-прогрессоров призвана наблюдать за развитием цивилизации, соответствующей по уровню земному Средневековью. Померещившегося землянам Возрождения здесь никогда не было, зато была “реакция на то, чего почти не было”. Один из таких ученых-наблюдателей Румата Эсторский живет под легендой благородного дона, пытаясь спасти одиночных носителей научной мысли. “Безвоздушное”, зловонное пространство порока, грязи и смерти не может оставить героя равнодушным.

Лишенное воздушной перспективы пространство “Трудно быть богом” выстраивается по принципу контррельефа и характеризуется движением не в глубину, а из глубины (стоит вспомнить аналогичные художественные эффекты — от “Мертвого Христа” Мантеньи до “Прибытия поезда” братьев Люмьер). “Блокированность” заднего плана (непроницаемый туман, стена дождя, плоскостная композиция) ведет к тому, что о глубинной перспективе речи не идет вовсе: ее здесь попросту нет (см.: Рис. 4, 5). Как следствие, пространство мыслится замкнутым. Подобное “выдвижение” формы на зрителя в результате способствует созданию “осязаемой” среды, что вместе с перегруженностью кадра доводит реципиента до состояния головокружения, почти физической тошноты. Безусловно, свою роль в этом играет и изобразительное решение фильма, апокалиптическая среда которого наполнена нескончаемой грязью, разлагающейся плотью, содержимым отхожих мест, почти физически ощущающейся вонью и смрадом болот. Зритель настолько погружен в этот ад, что даже там, где, казалось бы, появляется общий план, все равно остается запертым внутри нужника, как если бы он был одним из тех грешников, что вмурован в отложения ада без возможности визуального выбора.

ИЗ ФОНДОВ КУЛЬТУРЫ

Рис. 5. Кадр из
фильма “Трудно
быть богом”, реж.
А. Герман

А. Герман чрезвычайно последователен в своей приверженности единой языковой системе. Используемый режиссером художественный мотив ада уже становился предметом внимания отечественных и зарубежных киноведов в связи с его лентой “Хрусталеv, машину!” После выхода картины на широкий экран было высказано мнение о том, что фильм “*воспроизводит действующую модель ада*” [9, с. 17] (курсив Е.Я. Марголита), достигая художественными средствами антихудожественного воздействия. “Фильм буквально прорастает из сумеречности ночи, и практически все его события, происходящие на зыбком ночном фоне, как бы творятся самой стихией ночи с ее миражами и галлюцинаторным безумием” [4, с. 49]. В этом отличительная особенность “Хрусталева” — сама структура фильма, основанная на мотиве фантазмагории, бреда, прочитывалась как “сон, водворяющий сознание в мир ада” [14, с. 8], а потому спящий все же имеет надежду на пробуждение. В то время как главный герой “Трудно быть богом” изначально, в первых кадрах фильма, просыпается будто в преисподней, в мире, из которого нет выхода, настолько это пространство наполнено безысходностью и абсурдом. Перед героем лишь сходящиеся и расходящиеся тропы (см. Рис. 6), дорога, не имеющая перспективы, как блуждание по безумному лабиринту, в котором сколько ни ходи, все равно оказываешься в начале пути. Принципиальное различие в мотиве погружения в ад и бытования будто в самом аду ведет к тому, что художественное пространство “Трудно быть богом” предстает перед нами миром, не представляющим собой аллегорию, а утверждающим себя как единственно “реальный”.

Некая неопределенность времени суток, “одномерная” среда картины, в которой живут “не люди и не звери” (как замечает В.И. Мильдон, “...кто же еще может жить там, где нет ни времени и место на веки вечные окаменело в своей структуре” [10, с. 10]) выступают аргументами в понимании экранной действительности как мира, принадлежащего смерти. “Преисподняя есть мир, где время не имеет содержания. Если вообразить,

Н. Шаховская
Человек
в киновселенной
семьи Германов

Рис. 6. Кадр из
фильма “Трудно
быть богом”, реж.
А. Герман

что в живой жизни время движется, причем возможны и какие-то повторяющиеся движения (например, времена года), то в преисподней время исчезает, никому не известно его поведение там” [там же, с. 11].

Особое внимание режиссер уделяет механизму вовлечения зрителя в экранный мир фильма. Как замечает Ю.М. Лотман, “Где бы ни снимался фильм — на лоне природы или в павильоне киностудии, — пейзаж, который мы видим на экране, создают не природа и не художники и плотники, а режиссер и зритель... Фильм создает свою реальность” [6, с. 16]. С одной стороны, такой “включенности” зрителя служит сама стратегия режиссерского “письма”, с помощью которой автор, по выражению Н. Сиривли, “манипулирует нашим взглядом, не позволяя соединить видимое в осмысленную картину; он совершает акт почти физического насилия, он экспроприирует часть нашего естества — взгляд, отделяя его от мысли и действия, он покушается на психофизическое единство нашего “я”, на нашу свободу” [цит. по: 5, с. 54]. Как следствие такой “агрессивной режиссуры”, зрителю просто некуда бежать из этого пространства зловонного “нужника”. С другой стороны — сам принцип изобразительного решения фильма, его среды. Когда ребенок копошится во всей этой хлюпающей жиже, кажется, что “флюкает” не на экране, а здесь, под ногами у зрителя.

Град обреченных

Экранный мир картины “Под электрическими облаками” удивительно схож интонационно и по своей семантической атмосфере пространству неудавшегося Эксперимента еще одного произведения братьев Стругацких “Град обреченный”. Описанное Стругацкими в романе пространство Города и свалки рядом с ним, главным действующим лицом которого является мусорщик, удивительным образом синонимично пустырю вокруг заброшенной стройки, на котором то и дело появляются

Рис. 7. На берегу. “Под электрическими облаками”, реж. А. Герман-младший

безымянные уборщики (см. Рис. 7). Показанная разными средствами пространственная и временная неопределенность в романе и фильме выступает ключевой характеристикой места действия.

Как и герои “Облаков” (новелла “Наследники”) персонажи “Града...” попадают на эту территорию извне, не до конца понимая, где оказались. Действующими лицами романа высказываются разные мнения: от “аквариума” для наблюдений до первого круга ада. Между тем даже в финале произведения читателю не становится до конца ясной природа Эксперимента: то ли наличной для героев действительности, то ли тяжкого наваждения агонизирующего сознания. Прибывшие в поисках своего “вишневого сада” в продуваемый ветрами с мокрым снегом и дождем мир “Облаков” наследники бизнесмена, заказчика строительства башни, ощущают, впрочем, как и остальные “лишние”, свою инаковость, чуждость той действительности, в которой находятся. Происходящее вокруг них кажется им самым абсурдным подобием жизни, покрытым туманами симулякров: будто они сами попали в перевернутый с ног на голову мир. В этом отношении характерен эпизод с наследницей, использующей как снаряд для стойки на руках монумент вождя мировой революции (еще одна цитата из творчества А. Германа как продолжение констатации всеобщего безумия мира, запечатленного в “Хрусталева” в сцене с отцом семейства, генералом, проделывающим аналогичный кульбит на кольцах). Находясь в этой сумеречной зоне, герои, как и в “Граде...”, понимают, что иначе, кроме как раствориться в небытии, покинуть эту зону они не могут.

По ходу действия картины происходит нарастание сюрреалистических, абсурдистских тенденций: чего стоит эпизод с подростком Валея, ставящим себе на голову статуэтку божества счастья (аналогично тому, как мальчик из “Хрусталева” “короновал” себя собакой или Кленский водружал на голову стакан) и погибающим в финале фильма (см. Рис. 8). Черты

абсурдности в картине Германа-младшего присутствуют в достаточном количестве: начиная от самой абсурдности существования, во многом, кстати, проявленной в упомянутой выше сновидческой новелле “Долгие сны юриста по земельным вопросам” в диалоге мальчика с прохожим об эльфах и евреях (как и в “диалогах невопад”, неуместно заданных вопросах) до абсурдности надежд и самой действительности (кандидат в доктора наук, ведущий в гусарском мундире экскурсию для восточных гостей).

Характерно, что заполняющие кадр туманные дали определяют семантический строй всего фильма. Внутренняя напряженность героев проистекает не только из внешних обстоятельств, возможной войны, но и своими корнями уходит в некое внутреннее понимание того, что за скрытым туманами краем этого видимого мира вполне может оказаться бездна.

В какой-то степени главного героя “Трудно быть богом” тоже можно назвать “лишним” — за невозможность отключиться от жизни среди уродов, как и включиться в нее. Показанная на экране обитаемая Клоака — город живых, но “мертвых”. Этот герметичный мир без шанса выхода или прорыва, “втягивающий” в свою среду зрителя, выходит за рамки привычного для человеческого понимания хронотопа.

Использование А. Германом черно-белой эстетики уникально тем, что лишённые цвета кадры заставляют ощущать зловонный смрад болот, превращая картину в аудиовизуальный опыт над физиологией человека. Погружение в грязь, слизь и кровь, вид внутренностей является не чем иным, как художественным методом А. Германа, намеренным обращением к бессознательному зрителей.

Такого рода режиссура связана с тем, что, по словам Ю. Кристевой, “сегодня для очищения от скверны нужны текстовые аналоги физических рвотных спазмов. Сегодня задача режиссера — провести зрителя через ужас, отвращение и удушье” [цит. по: там же, с. 47].

Рис. 8. Валя. “Под электрическими облаками”, реж. А. Герман-младший

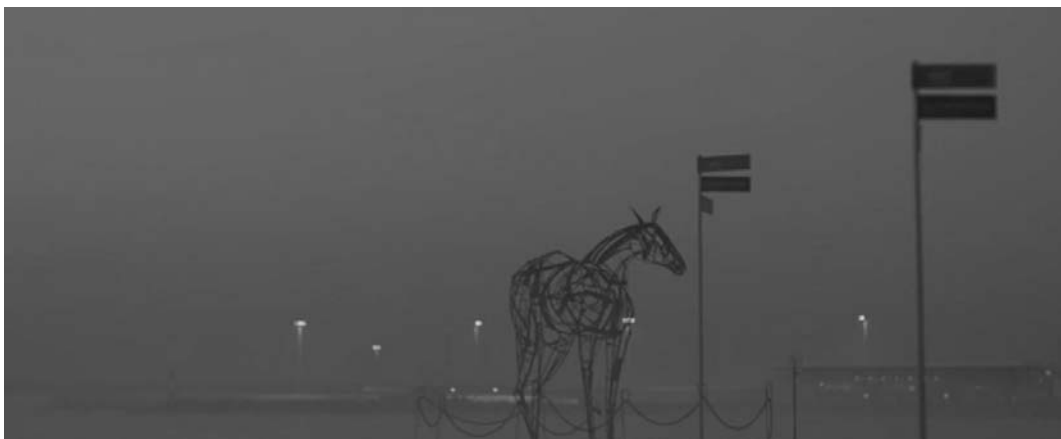

Рис. 9. Туман. “Под электрическими облаками”, реж. А. Герман-младший

Стоит подчеркнуть, что в “Трудно быть богом” изображение максимально перекрывает восприятие звукового ряда, не говоря уже о том, что сама режиссура А. Германа изначально стремится к невнятности реплик. Режиссер, эстетизируя безобразное, шокирующим аудиовизуальным рядом выстраивает в качестве орнаментального обрамления “фриз” из босховских людей-чудовищ, в которых, на первый взгляд, звериного больше, чем человеческого — настолько они неантропоморфны.

В итоге у зрителя возникает ощущение, что оба режиссера в какой-то степени проводят в кадре постепенную художественную деконструкцию: один деконструирует действительность, другой — образ человечества.

Исходный пейзаж

Кинематограф — чуткий барометр духовной жизни, и вышеупомянутые фильмы, безусловно, находятся в контексте современной культурной традиции.

Оба режиссера выстраивают свою экранную модель мира как особую эстетическую квазиреальность. Используемые для этого средства различны, но ведут к единому результату — погружению зрителя в пространство безвыходности и в некоторой степени даже обреченности.

В случае с картиной “Под электрическими облаками” такая вовлеченность может рассматриваться как эстетический эксперимент, опыт, процесс, в котором происходит самоидентификация зрителя. Только у “лишних” людей, героев картины возникает некое сомнение в “правильности” происходящего, в этичности действительности. Царящее в атмосфере фильма напряжение создает ощущение, будто вот сейчас где-то заискрит от короткого замыкания и что-то неминуемо произойдет: не то погаснет солнце (в упоминаемой выше повести Стругацких солнце каждодневно выключалось как гигантский светильник), не то вскроется онтологическая поднаготная мира, так

же испещренная полигональной сеткой, как и присутствующие в фильме арт-объекты (см. рис. 9), лишний раз доказывая, что все мы уже в каком-то смысле живем в матрице.

Примечательно, что еще до выхода фильма на большой экран по мотивам картины состоялась выставка под названием «Сейчас 2017». На закрепленный 17-метровый экран из органы был спроецирован летающий человек из одного из эпизодов фильма (см. рис. 10), вынесший таким образом изобразительную концепцию фильма, его экранную действительность в мир зрителя. Выставка стала арт-экспериментом, продолжением диалога со зрителем уже за рамками экрана.

Что же касается картины «Трудно быть богом», то тут режиссер достигает чувственного введения зрителя в визуальный мир посредством сенсуализации изображения. Помимо художественно-выразительных средств, использованных в изобразительном решении фильма, немалая роль в такого рода погружении принадлежит самой стратегии режиссуры А. Германа (сверхкрупные планы, «прямой взгляд в камеру», имитация подсмотренности, невыстроенности кадра, гиперреальная фактурность, перегруженность пространства и др.), ведущей к телесно-физическому воздействию экрана. (В «Хрустале» «это еще и бесконечные плевки, которые достигают не только персонажей, но, кажется, долетают и до зрителя» [4, с. 50]). Сохраняя найденную языковую палитру (стилистические особенности, приемы режиссуры), А. Герман-старший снимает так, как будто «вовлекает «глаза» и «уши» зрителя в кадр, создавая такое впечатление, что мир картины будто всасывает нас» [11, с. 35].

Оба фильма содержат множество цитат и самоцитат. В «Облаках» А. Герман-младший создает целую систему отсылок как к собственным фильмам, так и творчеству отца (потерянные вещи, цирковые трюки-аттракционы, идущая носом кровь). Перед зрителем возникает система диалогически взаимодействующих между собой цитат. Есть основания рассматривать такого рода нарочитое реминисцирование не только как насле-

Рис. 10. Летающий человек. «Под электрическими облаками», реж. А. Герман-младший

ИЗ ФОНДОВ КУЛЬТУРЫ

дие уже закрепившихся традиций, но и как диалог поколений: ведь как замечает М.М. Бахтин, “Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается” [2, с. 434]. В этой связи примечательно, что зонт в художественной системе двух режиссеров приобретает роль метасимвола, обыгрываясь на всех языковых уровнях. Это и поваленные в “Облаках” на берегу залива остовы конструкций, и реквизит в руках у героев обеих картин, и даже небольшое хокку об ожидании и одиночестве, читаемое доном Руматой в одной из сцен “Трудно быть богом”: “Ночь, темнота. // Нет, не ко мне, к соседу // Мокрый зонт прошелестел”.

Две киноленты, о которых идет речь, разъединяет исторический и литературный материал, на основе которого реализуется каждая из этих картин, но объединяет общая экранная трактовка пространства, естественным образом вытекающая из исходной авторской концепции.

Запечатленная А. Германом-младшим история об одном недостроенном здании перерастает в глобальное размышление режиссера о кризисе системы жизненных ценностей человека, об апокалипсисе культуры: мир, если не смертельно болен, то перевернут с ног на голову. Сама модель мира оказывается игрой с возможностью “проиграть” на экране вариант развития событий, потратить на это “виртуальную жизнь”, чтобы в итоге иметь в запасе еще одну, что-то в ней изменить.

В контексте разговора о конце времен, затеянного двумя режиссерами, в случае с “Облаками” скорее можно говорить о начинающейся “зиме” человечества. Точка невозврата героями А. Германа-младшего еще не пройдена. Намного бескомпромисснее автор картины “Трудно быть богом”. Клоака человеческих страстей, служившая Стругацким фоном, у А. Германа составляет основу фильма. В отличие от “Облаков” героям “Трудно быть богом” шанса на возможный выход из этого состояния не предоставляется. Перед нами запечатленный в босховских образах “труп человечества”, открывающаяся в финале картины “ядерная зима” бездуховности. При целостном восприятии киноленты делается видимым сознательный авторский отказ от очищения репрезентируемого мира от скверны посредством огня, ибо даже он бессилён что-либо изменить.

В обеих картинах зрителю дается указание на будущность как время действия. Стоит отметить, что такое моделирование художественным произведением будущего является давно известным и не единожды использованным в искусстве приемом, призванным заставить реципиента осмыслить его настоящее. В случае с “Трудно быть богом”, основываясь на фантастической прозе братьев Стругацких, А. Герман, тем не менее, не предлагает в фильме четких временных указаний. Это дает повод предположить, что по отношению ко времени автора-рассказчика, речь в фильме идет не о каком-то далеком буду-

щем и другой вселенной, а об уже свершающемся моменте “разложения” “тела человечества”.

Кульминационной по своему содержанию выглядит финальная сцена “Облаков” с уводящими в даль современную арт-модель коня наследницей и спасенной девочкой. Примечательно, что финальные эпизоды обеих картин связаны с образом ребенка как символом видения будущего мира. Кадр, движение в котором строится в определенном направлении слева направо, хоть и наполнен неясной тревогой, но, в конечном счете, воспринимается зрителем не чем иным, как попыткой движения не “с”, а “из”. В отличие от безапелляционного предсказания исторической обреченности человечества в “Трудно быть богом”, экранный мир “Облаков” наполнен смутным предощущением то ли конца, то ли уже иного, нового времени.

Литература

1. Алов и Наумов / Сост. Л.А. Алова. М.: Искусство, 1989.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит., 1972.
3. *Забалуев Я.* “Под электрическими облаками” Алексея Германа-младшего // URL:http://www.gazeta.ru/culture/2015/02/10/a_6406897.shtml (дата обращения 09.02.2016).
4. *Клюева Л.Б.* О значимости изменения стратегии дискурса на примере двух фильмов Алексея Германа // Вестник ВГИК. 2010. № 5. С. 41–52.
5. *Клюева Л.Б.* Постмодернизм в кино. О некоторых аспектах постмодернистского дискурса в кино. М.: ГИТР, 2014.
6. *Лотман Ю., Цивьян Ю.* Диалог с экраном. Таллинн: “Александра”, 1994.
7. *Маньковская Н.Б.* Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2009.
8. *Марголит Е.Я.* Живые и мертвое. Заметки к истории советского кино 1920–1960-х годов. СПб.: Мастерская “Сеанс”, 2012.
9. *Марголит Е.Я.* “Я оком стал глядеть болезненно-отверстым...” // Киноведческие записки. 1999. № 44. С. 17–20.
10. *Мильдон В.И.* Открылась бездна...Образы места и времени в классической русской драме. М.: Изд-во “Артист. Режиссер. Театр” СТД РСФСР, 1992.
11. *Силади А.* Сто лет смерти // Киноведческие записки. 1999. № 44. С. 28–36.
12. *Тарковский А.А.* Запечатленное время // Экранная культура. Теоретические проблемы: сб.статей / отв.ред. К.Э. Разлогов. СПб.: “ДМИТРИЙ БУЛАНИН”, 2012.
13. *Третьяков Н.Н.* Образ в искусстве. Основы композиции. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2001.
14. *Шилова И.М.* Карнавал, не знающий рая // Киноведческие записки. 1999. № 44.
15. *Шилова И.М.* Мимикрия действительности // Хроники кинопроцесса. 2008. М.: НИИ киноискусства, 2009.
16. *Эйзенштейн С.М.* Неравнодушная природа. Т. 2. М.: Музей кино. Эйзенштейн-центр, 2006.

Н. Шаховская
Человек
в киновселенной
семьи Германов

**ИЗ ФОНДОВ
КУЛЬТУРЫ**

**Бурькина
Александра
Павловна** — аспирантка фило-софского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ассистент кафедры Современного Востока ФИПП РГГУ. В журнале “Человек” опубликовала статью “Религия Японии в театре Но” (2011. № 2). E-mail: sashajenya@mail.ru

ТЕАТР НО В ЭПОХУ ЭДО: ЭЛИТАРНОЕ ИСКУССТВО И МАССОВЫЙ ЗРИТЕЛЬ

© 2016

А.П. Бурькина

Эпоха Эдо (1603–1868) в японской истории, возможно, ярче любой другой предстает перед глазами исследователя. Гравюры мастеров *ukiё-э* подробно запечатлели городские пейзажи и быт культурного и политического центра Японии XVII — XIX веков — Эдо, современного Токио. Примерно треть сцен, изображенных на этих гравюрах, восходит к спектаклям театра Кабуки: мы видим актеров в амплуа воинов-мстителей, разбойников, красавиц из веселых кварталов. Однако остановившись лишь на этой форме театрального искусства, мы упустим главную черту обсуждаемой эпохи: разнообразие развлечений, процветавших на благодатной почве городской культуры. Другой ключевой чертой этого времени была строгая градация всего населения страны на классы, четкое распределение обязанностей и прав каждого из них, что распространялось и на досуг: элитный или плебейский. Для правящего сословия сёгунами Токугава была разработана система придворного церемониала, неотъемлемой частью которого стал масочный театр Но. XVII–XVIII века считаются временем канонизации театральных форм Но и фиксации текстов пьес, призванных утверждать незыблемую мощь правления Токугава. В исследовательской литературе принято говорить о Но эпохи Эдо как о “ритуальном театре” *сикигаку*, призванном служить исключительно нуждам правящих элит, их объединению вокруг военного правительства *бакуфу*.

Некоторые историки театра считают, что ритуальность обескровила Но, лишила его связи с живой действительностью. Другие полагают, что именно канонизация спасла это искусство для будущих поколений. Но был ли театр Но на самом деле лишен связи с широкими массами?

Театр Но как “сикигаку”

Термин *сикигаку* появляется только в конце эпохи Эдо. Многотомный энциклопедический словарь XIX века “Собрание древностей” (“*Кодзируиэн*”) определяет *сикигаку* как “развлече-

ние, используемое в церемониях” [13, с. 745]. Далее сказано, что термин “используется для Но и Кёгэн, исполняемых для *бакуфу* в Эдо”; таким образом, круг зрителей и место проведения спектаклей оказываются основными маркерами “ритуальности”. Омотэ Акира и Аmano Фумио говорят о Но и Кёгэн в эпоху Эдо исключительно как о зрелищах для высокородных самураев, упоминая лишь вскользь, что порой некоторые актеры, нанятые воинской элитой, не участвовали в ритуальных представлениях, а многие труппы Но в Осаке или Киото не имели отношения к *сикигаку* в принципе [1]. Установка на рассмотрение Но только как части церемониала перечеркивает не только реальное разнообразие его форм, но и разнообразие стилей исполнения, а также региональные особенности исполнения, в том числе в рамках одной школы. Упускаются из виду важные для понимания театра Но как “ритуального” формы, в частности, благотворительные представления, о которых будет сказано ниже.

Долгое время идеологию *бакуфу* историки японской мысли считали исключительно неоконфуцианской. “Сёгуны, преданные конфуцианской доктрине, рассматривали ритуалы и музыку в качестве существенных элементов управления [...] Величественные движения театра Но были в почёте при дворе сёгуна, что соответствовало декору, наложенному конфуцианским кодом” [12, с. 39]; о сущности этого “кода” далее ничего не говорится. Д. Кин относит начало Но как ритуального театра ко времени правления первого сёгуна Токугава Иэясу и трех его потомков, то есть к 1603–1680 годам. Однако Г. Омс на многих примерах показывает, что первые сёгуны Токугава не особенно интересовались конфуцианскими идеями и тем более их использованием на практике [20, с. 27–61]. Почему же именно театр Но был избран в качестве придворного ритуала и в чем состояла его “ритуальность”?

Ответу на эти вопросы в духе *cultural studies* посвящено несколько исследований, в частности, работы Т.Д. Лузера и С.Т. Брауна [2; 16]. Оба автора следуют новой для исследований театра Но методологии, рассматривая театр как элемент истории социальных форм, трансформирующихся в историческом процессе и в то же самое время структурно меняющих саму историю.

Браун отдельную главу исследования посвящает Тоётоми Хидэёси (1536–1598) — “гегемону на сцене” [2, с. 119–130]. Именно Хидэёси, а не сёгуны Асикага или Токугава, стоял у истоков нового отношения к Но как к одному из способов упрочения авторитета военного лидера. По мнению Брауна, Хидэёси сознательно ставил задачу выстроить свой образ — образ великого правителя. Демонстрируя понимание искусства и любовь к нему, он подчеркивал свою близость к аристократическим кругам, к императорскому двору. Увлечение литературными сюжетами предыдущих столетий и театром Но было всеобщим в период Момояма (1573–1603), но именно Хидэёси

А. Бурькина
Театр Но в эпоху
Эдо: элитарное
искусство
и массовый
зритель

ИЗ ФОНДОВ КУЛЬТУРЫ

впервые воплотил новую модель постоянного патронажа над актерскими труппами *саругаку*, приблизив к себе одну из школ театрального мастерства — школу Компару. Тоётоми заплатил главе этой школы, чтобы тот покинул город Нара и переехал с труппой к нему в военную ставку в Осака. А в 1593 году Хидэёси назначил полное содержание основным четырем труппам театра Но (Хосё, Кандзэ, Компару и Конго) и распределил ответственность за выплату “дарственного риса” (*футё-комэ*) между своими союзными князьями-*даймё*. Так было положено начало “элитным труппам”, подвластным лишь сёгуну.

Главные соперники Хидэёси в борьбе за власть — Токугава Иэясу, Маэда Тосиэ, Ода Нобукацу — время от времени устраивали представления Но перед ним или даже сами исполняли пьесы вместе с ним, а он платил за это. Так, в 1592 году Хидэёси, Иэясу и Тосиэ выступали на одной сцене в императорском дворце в честь рождения сына и наследника Хидэёси. Соперники тем самым признавали легитимность власти и авторитет правящего сёгуна, но необходимо было предать забвению или же частичной корректировке истинную кровавую историю процесса завоевания власти. Хидэёси, использовал для этих целей уже ставший традиционным метод официальной фиксации генеалогии своей семьи, якобы связанной родством с императорским родом, что в случае Хидэёси было чистой фальсификацией.

Правда, став “гегемоном” и заняв высшие должности при дворе, он, вопреки обычаю, не взял родового имени одной из пяти благороднейших семей. Хидэёси создал новое имя для себя и для своей родни, что, безусловно, говорит о немалых амбициях Тоётоми. Причастность к могущественному роду Хидэёси укреплял, перевоплощаясь в своих предков на театральных подмостках.

На протяжении 1593 года Хидэёси совершал военные походы на Корею. Армия возила с собой мобильную сцену, которую устанавливали прямо на поле битвы для тренировок в исполнении пьес Но, что должно было привести к успешному исходу сражения. Считается, что первой пьесой, которую Хидэёси исполнял самостоятельно, была пьеса Дзэами “*Юмиявата*”, посвященной пожалованию титула сёгуна Асикага Ёсимоти в 1395 году, что связывалось с началом новой эпохи мирного правления. Эта пьеса в дальнейшем стала одной из пьес официального цикла Токугава. Важно отметить, что Хидэёси выбирал не из считавшегося в ту пору традиционным набора пьес, игравшихся при императорском дворе или во время основных храмовых празднеств, а сделал акцент на пьесах цикла *сюрамоно* (“о воинах”). Также он инициировал создание новых пьес о самом себе, в которых изображался как великий воин и могущественный бог, победитель и завоеватель Кореи и Китая — божество Тоёкуни, которому уже поклоняются как в Японии, так и в Китае. Подобные действия напрямую утверждали права гегемона на власть¹. Интересно, что пьесы о подвигах Хидэёси часто писались в преддверии самого события, как бы моделировали историю.

¹ Среди таких пьес, например, “Ёсино ханами” (“Любование цветами в Ёсино”), посвященная паломничеству Хидэёси в Ёсино во время цветения сакуры. Придворный возвещает о прибытии Хидэёси и выражает в стихах восхищение цветущей сакурой. Затем на сцену выходит бог местности Ёсино, объявляет о своем покровительстве Хидэёси и исполняет “благословляющий танец”.

Несмотря на все победы первого сёгуна Токугава Иэясу, угроза новых распрей ощущалась и в период его правления. Дело в первую очередь касалось регионального культурного разнообразия, выраженного не только в различии культурных практик, но и в разнице диалектов, способов исчисления времени, денежных систем. Как полагает Т. Лузер, Токугава Иэясу совершил очень важный символический и стратегический шаг по созданию нового организующего культурного пространства на новом месте, отстраивая Эдо. Уже в самом проекте города закладываются новые формы политических отношений — рабочая сила и материалы для постройки Эдо должны были приходиться со всей страны, от всех провинций, от каждого даймё. Так же строился и дворец Иэясу.

В отношении театра Но Иэясу идет тем же путем. Военное правительство предоставляет содержание четырем труппам, отобранным при Хидэёси, прибавив к ним труппу Кита. *Бакуфу* приказывает главам четырех школ переехать из других мест (в том числе из Осака, где была резиденция Хидэёси) в резиденцию Иэясу в Сумпу, откуда актеров привозили в Эдо. (При Хидэёси, наследнике Иэясу, актерам, оставшимся в бывшей резиденции Хидэёси, перестали выплачивать жалование.) Централизация политики Токугава четко прослеживается в распоряжении, чтобы каждый из глав школ (*измото*) пребывал в Эдо в течение одного года; далее его отпускали в родную провинцию, где обычно жила большая часть его труппы. Похожим образом при дворе сёгунов Токугава чередовались даймё; их регулярное передвижение из родных земель в Эдо и обратно определяло границы новой политической географии и само по себе носило ритуальный характер, выражало преданность сёгуну. Театр Но становится элементом новых политических связей между провинциями и центром власти сёгуната. Крупные даймё и зажиточные самураи стремились подражать примеру семьи Токугава, покровительствуя мастерам Но. Труппы постепенно превратились в иерархически структурированные организации наподобие гильдий и стремились защитить свое монопольное право на исполнение тех или иных пьес. Мастера Но учили актерскому искусству сёгунов, даймё и самураев; тем самым создавалась особая форма “высокой культуры”, утверждавшая превосходство правящего военного сословия.

В классической работе по истории театра Но [8] есть важное замечание: для рода Токугава приоритетное положение носила школа Кандзэ, а потому порядок чередования *измото* при дворе часто нарушался в пользу представителей Кандзэ. Только труппы Кандзэ и Хо:сё: целиком перебрались в окрестности Эдо. Школа Кандзэ постепенно стала ассоциироваться с образцовым “высоким” стилем, ниже ее оценивались труппы, игравшие в Киото, в Кага и т.д. Таким образом, как отмечает Т. Лузер, в рамках “официального Но” стиль также был политизирован.

А. Буркина
Театр Но в эпоху
Эдо: элитарное
искусство
и массовый
зритель

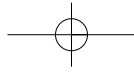
ИЗ ФОНДОВ КУЛЬТУРЫ

Контроль Токугава распространялся на всю страну; те *даймё*, которые присоединились к Иэясу сразу после смерти Хидэёси, стали называться *фудаи*, а те, которые были “присоединены” только после битвы при Сэкигахара, звались *тодзама*. Отношения с последними строились в том числе на основе их участия в организации представлений Но и приглашения присутствовать на таких представлениях в Эдо. Бывало, что *фудаи даймё* расценивали как обиду излишне частое присутствие *тодзама даймё* на представлениях, так как те якобы пытались тем самым подольститься к сёгуну. Так, семья Маэда из области Кага была ключевым союзником Хидэёси и оставалась одной из самых сильных среди *тодзама даймё*. Хроники Маэда пестрят записями о проведенных в честь различных событий представлениях Но. Маэда спонсировали выступления как в самом Эдо, так и в Канадзава, центре провинции Кага. Токугава, в свою очередь, отвечали представлением на представление, что обычно сопровождалось также и обменом всевозможными дарами — лошадьми, журавлями и прочими символами удачи и долгожительства. Этот обмен дарами фиксировался и в других социальных практиках, вплоть до свадеб, во время которых также было принято разыгрывать пьесы Но [7]. Театральные представления стали также и способом соревнования с Токугава. Например, когда в 1641 году родился долгожданный наследник третьего сёгуна Токугава Иэмицу, на празднование были приглашены все четыре главы школ Но, многочисленные придворные и *тодзама даймё* из Кага, Маэда Тосицунэ. Последний отвечал за проведение торжественных представлений Но, которые должны были последовать через пару дней после общей встречи. В программе среди музыкантов числился барабанщик школы Исии. В свое время, когда Иэясу попросил всех актеров покинуть ставку Хидэёси в Осака и переехать в его замок, труппа Исии отказалась и перебралась в Киото служить при дворе императора. Барабанщик из Сунпу, который должен был выступать вместе с музыкантом из труппы Исии², сказавшись большим, отказался играть на празднестве. Причиной отказа, как мы понимаем, была принадлежность второго барабанщика к “враждебной” школе. Тосицунэ был разгневан таким поведением и велел привести к нему музыканта, однако, тот неожиданно “выздоровел” и согласился выступать. Маэда же успел в сердцах воскликнуть: “Да кто такие эти Токугава?!” [9, с. 45].

² В музыкальном сопровождении театральных представлений обязательно участвуют два барабана (иногда три), а также флейта.

Все основные церемониальные мероприятия в Эдо сопровождалось выступлениями актеров Но. В качестве зрителей там обязаны были присутствовать все основные *даймё*, а порой и представители императорского дома. Когда сёгун посещал ставки *даймё*, в его честь непременно разыгрывались пьесы Но. То же касалось и ключевых придворных церемоний в честь сёгуна, которые дублировались в тот же день и час во всех провинциях. Можно выделить шесть видов основных категорий официальных церемониальных представлений в период Эдо: *сёгун*

сэнгэ иваи, утаидзомэ, мацубаяси, такиги, кандзин и матири; впрочем, они не всегда исключали друг друга. *Сёгун сэнгэ иваино* (“Но в честь провозглашения сёгуна”) были особенно торжественными и почти всегда продолжались в течение пяти дней.

Утаидзомэ (“первое пение”) и *мацубаяси* (“песнь сосен”) относятся к ежегодным новогодним церемониальным представлениям, которые обычно проводились на третий день первого месяца. Этот ритуал считался особенно важным и предполагал присутствие всех основных *даймё* и представителей императорского двора. Церемония начиналась с прибытия *даймё* в главный зал замка, приветствия главы труппы *измото* трех ветвей семьи Токугава и приказа начинать представление. Центральной пьесой, обязательной к исполнению, была “*Такасаго*”. Подарки вручались сперва актерам, а потом *даймё*. Как пишет Ногами Тоётиро, при этом становилось ясно, кто достоин особого расположения сёгуна.

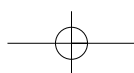
Спектаклями *Такиги-но* (“Но в свете факелов”) ранее называли исключительно представления, проводимые во время ежегодных ритуалов в храме Кофукудзи и святилище Касуга в Нара. Их проведение говорило о том, что сёгун отмечал Нара как особый религиозный центр, имеющий право на самоуправление. Однако актерам все равно требовалось получить разрешение покинуть Эдо. Тех актеров, которые в данный момент проходил официальный срок службы при дворе Токугава, не отпускали.

Почти все сёгуны Токугава устраивали приватные, неофициальные представления Но для собственного удовольствия, без какого-либо повода. Девятый сёгун Иэсигэ устраивал по сорок пять и более представлений в месяц, большая часть из них проводилась одновременно в разных залах замка для небольшой аудитории [19, С. 176]. Не все Токугава любили подобные развлечения, но все считали обязательными официальными выступлениями актеров Но. И среди таких выступлений особого внимания заслуживают *матири-но* и *кандзин-но*.

Кандзин-но и Матири-но

Матири-но (“Но восшествия в замок”) или “*госюги-но*” (“торжественное Но”) проводились в замках сёгуна или *даймё* и были единственной возможностью для простых горожан видеть театральное представление на территории замка. Такого рода представления синхронизировались с основными событиями придворной жизни — продвижением по службе, рождением или совершеннолетием наследника, а на высшем уровне — инвеститурой нового сёгуна. Эти представления обычно длились от одного до пяти дней. В особо торжественных случаях первый день считался наиболее формальным, когда среди зрителей должны были присутствовать как наиболее значительные представители императорского двора и высокопоставленные

А. Бурькина
Театр Но в эпоху
Эдо: элитарное
искусство
и массовый
зритель

ИЗ ФОНДОВ КУЛЬТУРЫ

фудай даймё, так и простой народ. Исследователь Кано Сигэру отмечает, что *матиури-но* проводились в Эдо по крайней мере раз в год что более десяти процентов взрослых мужчин Эдо видели *матиури-но* хотя бы один раз в жизни [10, с. 63].

Сегодня мы можем реконструировать подготовку к *матиури-но* и сами эти представления по сопроводительным документам и указам, подготовленным в 1745 году и представленным в собрании “Касси-ява” и в работе Икэноути Нобуёси [18, с. 3–10; 8, с. 188–195].

Приглашенных в замок горожан заранее поделили на несколько групп. Им приказали облачиться в льняные одежды *камисимо* и собраться в назначенный день на открытой площадке в городе. В первый день зрителей из пяти групп по 500 человек собрали еще затемно, в четыре утра. Около шести часов они под усиленной охраной направились в замок. При входе в ворота в знак великодушия сёгуна и для защиты от непогоды каждый зритель получил бесплатный зонтик. Гости должны были сидеть прямо на земле, но поскольку двор замка был засыпан гравием, сидение на котором, вероятно, походило на изощренную пытку, многие тайком пронесли подушки. Теснота привела к потасовкам, дракам и шуму, не утихшему и во время самого действия. Отсутствие воды и туалетов также умножало беспорядок. Однако в тот знаменательный день чиновники остались снисходительны к нарушителям спокойствия. По окончании представления исстрадавшимся зрителям выдали немало еды и питья, опять-таки в знак великодушия сёгуна. Затем утренняя группа зрителей вышла, позволяя войти следующей группе, которая ждала с восьми утра перед воротами замка [18 VI, с. 293–294; 8, с. 196–199].

Исследователь Каваками Мари предпринимает попытку “прочитать сообщение”, которое пытались передать сёгуны народу посредством подобного рода представлений, на материале утверждаемых *бакуфу* программ *матиури-но* и “вступительных слов” *каико* [11]. Во время представлений *матиури-но* ставилось пять пьес, перемежавшихся двумя-тремя фарсами. Первой шла пьеса “*Окина*”, за которой следовала пьеса *фурю-но*³, далее произносились торжественные слова *каико* всего в одну-две строки. Их пропевал актер *ваки*, выходящий на сцену в начале следующей пьесы *ваки-но*⁴, таких пьес исполнялось еще три. Между второй и третьей пьесами и после четвертой исполнялись фарсы Кёгэн. Завершал представление музыкально-танцевальный отрывок из второй части пьес *ваки-но* — *кири-но*. Правда, до 1680 года после *кири-но* следовала еще одна пьеса Кёгэн.

Традиция произносить “вступительные слова” *каико* перед первой пьесой *ваки-но* насчитывала уже несколько столетий со времен Дзэами, но в период Эдо эти стихи имели некоторые особенности, о которых практически никто не писал вплоть до недавнего времени⁵. До самого выступления содержание *каико* хранилось в строжайшей тайне — исполнитель, выучив слова,

³ В замке Эдо за все годы проведения *матиури-но* игралось с различной частотой всего семь пьес *фурю-но*: “Мацукадзэ”, “Аридори”, “Моти”, “Фукудзин”, “Хатидзэ”, “Нёиходзю”, “Касуга”.

⁴ Первой пьесой из четырех *ваки-но* игралась практически всегда “Такасаго”, 11 раз “Юмиявата”, три раза в день рождения наследника “Ромацу” и по одному разу в честь окончания строительства крупных храмов “Ёро” и “Тэйка”.

⁵ Исключение составляет работа [Tsuji Koichi 1980].

не имел право разглашать их. Анализ вступительных слов из записей клана Кага и тех, что делались *бакуфу*, показывает, что в *каиико* четко фиксировалась разница между тремя властными структурами: императорским двором, *бакуфу* и *даймё*. В случае с *матиури-Но* клана Кага в *каиико* обязательно включались фразы о том, что долгом вассала является уход за землями, народом и служба сёгуну. Из этого следует, что совместный просмотр представлений Но должен был выполнять воспитательную задачу. Над содержанием *каиико* работали идейно поддерживающие *бакуфу* конфуцианские ученые, а потому мы видим в этих стихах воспевание “гуманного правления” и военной мощи Токугава. В *каиико* прописывалась законность господства Токугава через отсылки к его историческим истокам.

О том, что с конца XVII века формируется взгляд на театр Но как на средство передачи идеалов правильного правления, гармонии между народом и правителем, свидетельствует и тщательный подбор пьес для *матиури-но*. Пьеса “*Окина*” в начале представлений отсылала к почитанию обожествленного Токугава Иэясу. Каваками Мари делает еще несколько интересных наблюдений насчет того, какие пьесы кроме этой считались идеологически подходящими. В “*Эдо бакуфу никки*” (“Дневниках военного правительства Эдо”) сказано, что *матиури-но* стали по-настоящему масштабным публичным мероприятием только в 1716–1736 годах при “рисовом сёгуне” Токугава Ёсимунэ. Этот источник объясняет порядок выбора пьес для *матиури-Но*.

Прежде всего внимание цензоров сосредотачивалось на тексте пьес: отбирались те, где содержались пожелания долголетия императору и поддерживался образ идеального правления, что по задумке конфуцианских ученых как раз должно свидетельствовать о процветании страны под властью и защитой Токугава. По содержанию отбираемых пьес можно понять, что *бакуфу* использовали символы воинской силы, возрождая на сцене славную историю рода Токугава и в то же время утверждая их исконное право на власть. Также пьесы отбирались исходя из наличия в стихах того или иного благовещего образа. Так, из предложенной программы на день рождения наследника в 1641 году были исключены пьесы “*Нанива*”, “*Камо*” и “*Ивафунэ*”, потому что в них нет упоминания сосны (образ стойкости и долголетия), а также отсутствовали ключевые фразы: “Стихли волны четырех морей”, “Ты — лодка, господин — вода”.

Несмотря на попытки *бакуфу* привить подданным трепет перед величием сёгуна и его приближенными, в “Тайных записях годов Бунка” отмечается, что *матиури-Но* бывали предметом язвительных насмешек, когда даже сами названия пьес становились основой для сатирических каламбуров [3, с. 304–306]. Смысл критики сводился к тому, что правительству в первую очередь следовало бы улучшить условия жизни народа, а не заниматься постановкой роскошных спектаклей. Однако *бакуфу* не изменяло традиции устраивать публичные представления.

А. Буркина
Театр Но в эпоху
Эдо: элитарное
искусство
и массовый
зритель

ИЗ ФОНДОВ КУЛЬТУРЫ

Самое масштабное за всю историю театра в Японии многодневное представление *Ко:ка кандзин-но* было организовано *бакуфу* в 1848 году, на закате сёгуната, когда политическая и экономическая обстановка отнюдь не способствовала проведению столь затратных мероприятий.

Платные “благотворительные” представления, *кандзин-но*, до эпохи Эдо были связаны со сбором пожертвований на строительство и реставрацию храмов или святилищ, мостов или дорог и другие общественные нужды. Инициаторы и организаторы мероприятий *кандзин* не только служили на благо народа, но и “отрабатывали карму”, накапливая “добрые дела”. В эпоху Эдо представления *кандзин* по большей части превратились в коммерческие предприятия, часто прибыль от них делилась между организаторами и исполнителями. Термин *кандзин-но* стал относится к двум очень разным типам представлений. Одна форма, как правило, предполагала выступления трупп Но на территории храмов и святилищ. Сцена могла быть выстроенная специально для данного представления, зрители обычно сидели на земле. Священнослужители были рады привлечь толпы народа, чтобы хотя бы некоторые зрители совершили пожертвования и на нужды храма. Записи о таких мелкомасштабных *кандзин-но* почти не сохранились; документы, собранные в работе исследователя Грёмера [6], не оставляют сомнений, что заинтересованные зрители без труда могли найти храм или святилище, где можно было посмотреть пьесы Но или Кёгэн.

Кандзин-но второго типа устраивались в честь “пика карьеры” главы труппы и назывались *иссэитидай кандзин-но* (“благотворительные Но раз в поколение”). Такие выступления были санкционированы *бакуфу* ради поддержки официальных трупп Но. Деньги, заработанные во время таких мероприятий, отдавали самой труппе. В отличие от *матишири-но*, подобные *кандзин-но* проходили за пределами дворца, но в черте города и предполагали присутствие городской публики всех сословий. Первый известный случай такого *кандзин-но* относится к 13–16 февраля 1607 года, когда труппы Кандзэ и Компару играли на сцене возле замка Эдо. Грёмер перечисляет 21 случай крупных представлений *кандзин-но* в Эдо, основываясь на дневнике крупного городского чиновника Сайто Гэссин (1804–1878) [21], а также на сведениях, данных в работах Икэноути [8] и др.

Поздние *иссэитидай кандзин-но* растягивались на 15 дней, но не подряд, а только в ясную погоду. Разрыв между представлениями мог порой исчисляться неделями и месяцами. Отметим, что японские специалисты подготовили великолепную исследовательскую базу для анализа упомянутого выше *Ко:ка кандзин-но* в 1848 году, длившегося с 6 февраля по 13 мая; множество статей посвящено отдельным документам и материалам, описывающим и фиксирующим это событие⁶. Как указывает Икэноути Нобуёси [8, с. 200] за всю историю Токугава подобные по масштабам представления Но, проведение которых

⁶ В 2009 году в университете Хосэй прошла большая конференция под названием “Мир Ко:ка кандзин-но”, где исследования, посвященные различным аспектам этого события, представили ведущие исследователи театра Но: Омотэ Акира, Минамото Кэйдзо, Яманакэ Рэйко и др.

доверялась исключительно главам школ, устраивались всего восемь раз. К представлению 1848 года начали готовиться за два года. В нем участвовали представители всех школ Но со всей страны. На время представления сёгун велел закрыть театры Кабуки, отменить городские спектакли *мисэмоно* и прочие зрелища. Все сословия должны были присутствовать в качестве зрителей — по 5000 человек каждый день; всего за 15 дней представление посетили около 50 000 зрителей.

В первой половине эпохи Эдо *кандзин-но* ограничивались четырьмя или пятью днями. Начиная с декабря 1661 года все масштабные выступления в Эдо необходимо было согласовывать с советом старейшин города (*мати-досиёри*), а с начала XVIII века руководители трупп Но обязаны были также просить разрешение выступать на публике у *дандзаэмон* — главы касты отверженных (*хинин*). Об этом мы узнаем из нескольких описаний скандала, разразившегося, когда глава труппы Конго в течение двух лет откладывал *кандзин-Но* из-за притязаний *дандзаэмона* на контроль всех театральных мероприятий в городе [15, С. 345—346]. Глава школы Конго отказался уплачивать сбор, что было, очевидно, равноценно признанию социального статуса труппы равным статусу “отверженных”. Представления были организованы Конго только в 1667 году без получения разрешения от *дандзаэмона*. Тот с группой из пятидесяти вооруженных соратников ворвался на сцену посреди спектакля, но, не обнаружив главы труппы Конго, потребовал, чтобы двадцать собачьих шкур были доставлены к нему домой. Любопытно, что приносить извинения вместо Конго пришлось представителям *бакуфу*, на чем инцидент был исчерпан. В последующие годы вражда между *дандзаэмоном* и труппами Но не прекращалась, так как тот продолжал настаивать, чтобы любые городские театральные мероприятия согласовывались с ним, даже если *бакуфу* уже санкционировало их.

Чтобы вместить одновременно несколько тысяч зрителей, устраивалась обширная территория. Так, в 1750 году только на территории в 850 кв. м размещались сцена и зрительский зал, состоящий из двухэтажных лож для аристократов, а также разделенных деревянным заборчиком квадратных секторов с настилом. Остальные сооружения — комнаты для переодевания актеров, соединенные крытыми галереями, чайные комнаты для отдыха аристократов, многочисленные лавочки с едой и сувенирами — также занимали немалые пространства. Сама сцена при этом не была больше, чем сцена для других театральных представлений Но — около 30. Тем не менее, помост *хасигакари* в длину составлял около 20 метров [17]. В общей сложности архитектурные сооружения занимали более гектара земли, окруженного высоким дощатым забором.

Заблаговременно устраивались рекламные кампании: развешивались объявления в самых людных местах города, барабанщики-глашатаи оповещали тех, кто не умел читать. *Иссэи-*

А. Бурькина
Театр Но в эпоху
Эдо: элитарное
искусство
и массовый
зритель

ИЗ ФОНДОВ КУЛЬТУРЫ

тидаи кандзин-Но финансировались не только самим *бакуфу*, но и за счет обязательных пожертвований как самураев, так и зажиточных граждан.

Билеты выдавались на разные дни представлений представителям разных классов из различных районов города, что контролировалось городскими управляющими и управляющими храмовых территорий. Так, например, в 1750 году во время спектаклей в честь Кандзэ Мотоакира (1722–1774) сто избранных горожан получали каждый по три билета на каждый день в огороженные места в “партере” на *татами* и по тридцать билетов для каждого на общей площадке без перегородок. Распределение билетов проходило несколько иначе в другие годы. В 1816 году, к примеру, билеты для жителей Эдо были впервые разделены на три категории: с высокой, средней и низкой стоимостью. Билеты были затем распределены в пропорции к размеру пожертвований каждого зрителя. Кроме того, билеты еще можно было приобрести на входе. Однако спектакли *кандзин-но* были едва ли дешевле более популярных форм развлечения — представлений театра Кабуки или кукольного театра Бунраку. Цена была оправдана использованием роскошных костюмов, дорогих музыкальных инструментов. Билеты на представление печатались на высококачественной бумаге с символами листьев клена и бамбука. К тому же в качестве закусок гостям предлагалась коробка дорогих суси и чарка сакэ⁷.

Согласно “Саду древностей” [14, с. 901], в первые годы эпохи Эдо даже сёгун мог посетить *кандзин-но*, наблюдая представление наравне с простыми горожанами. Присутствие на представлениях разношерстной публики оставалось основной чертой таких представлений, даже слепцы могли прийти послушать пение актеров [8, с. 273]. Бездомные и нищие проникали на представления в таких количествах, что был издан закон, запрещающий их присутствие [14, с. 908]. Однако основным зрителем все же оставались самураи и зажиточные горожане.

Труппы, ответственные за проведение *кандзин-но*, не всегда с радостью брались за организацию представлений, так как процесс этот был связан с серьезными рисками. Так, выступления труппы Кандзэ в 1816 году первоначально планировали начать в марте, но потребовалось пять месяцев отсрочки, так как глава труппы умер в сентябре 1815 года. Большие задержки привели к тому, что выступления были перенесены на следующую осень. На четвертый день штормовым ветром сорвало крышу над сценой. Несмотря на то, что основная сумма убытка была покрыта инвесторами, сами актеры также внесли значительную сумму денег. После восстановления сооружений выступления назначили на 22 сентября. Но из-за необычно сильных дождей их вновь отложили на три недели, однако и тогда в ночь после второго представления вспыхнул пожар, поглотивший сцену и зрительские места. Труппа Кандзэ не имела достаточных средств, чтобы вновь отстроить территорию, но глава труппы воспользовался

⁷ Сведения об этом также дает “Ко:ка Кандзин-но эмаки”.

своими связями в кругах чиновничества и сумел занять 1500 рё для очередных восстановительных работ. Кредит разрешалось погасить в течение шестнадцати лет. Выступления возобновились с апреля 1817 года, но были снова прерваны на два месяца в связи со смертью матери сёгуна. Завершились они только в конце 1817 года. Этот случай ясно показывает, что конечной целью представлений не было обогащение актеров. В первую очередь *кандзин-но* служили делу повышения авторитета *бакуфу* и их проведение могло быть навязано труппе.

Судя по “Тайным записям периода Бунка” [3, с. 333], многие зрители быстро уставали от представлений, шедших без перерыва с восьми часов утра до четырех часов дня. Расстояние от зрительских мест до сцены было таково, что даже знатоки пьес Но едва ли могли не то что разобрать, но хотя бы слышать пение актеров. В 1831 году один зритель отметил, что большинство посетителей были не только недовольны организацией, но и страшно скучали [4, с. 86]. Чтобы развеять скуку они общались между собой, ели, пили и болтали [8, с. 272]. После утомительного представления некоторые направлялись в театры Кабуки, где можно было увидеть действо поживее. В итоге, в дни представлений *кандзин-Но* по вечерам, вопреки запретам, наводнялись народом театральные кварталы.

Хотя большинство билетов распределялись без учета вкусов аудитории, зрители могли по крайней мере выбирать, на каких пьесах присутствовать. Так, в 1848 году зрители с большей охотой посещали представления в девятый и четырнадцатый дни, что вряд ли было случайным, так как в эти дни игрались пьесы “*Додзёдзи*”, “*Сяккё*”, “*Ёути Сога*”, известные по своим версиям в театре Кабуки. Однако были среди зрителей и те, кто с большим интересом относился к происходящему на сцене. Свидетельства в пользу этого можем видеть в том числе и на свитках “*Кока кандзин-но эмаки*”. Любителей Но можно легко распознать в толпе по текстам пьес в руках, с которыми они сверяются во время представления.

Для Токугава главной причиной проведения *матишири-но* и *кандзин-но* было стремление символически закрепить единение народа с правителем, подчеркнуть общие ценности и идеи. Сама идея *матишири-но* заключалась в общей радости в связи с благоприятным для всего государства событием, эту радость предполагалось привить всем жителям страны. Та же причина лежит в основе временных запретов на исполнение музыки и театральные представления в связи с общегосударственной скорбью. Обыватели, однако, вряд ли видели положение дел таким же, как *бакуфу* пьесы Но в “классической” форме исполнения оставались не слишком привлекательными для основной массы населения, так как большинство граждан считало его невыносимо медленным. То же касалось и музыки, которая была намного сдержаннее, чем в Кабуки или Дзёрури. Хуже всего дело обстояло с поэтическим языком, так как

А. Бурькина
Театр Но в эпоху
Эдо: элитарное
искусство
и массовый
зритель

ИЗ ФОНДОВ КУЛЬТУРЫ

неискушенный зритель совершенно не разбирал смысла пьесы. Многие зрители разделяли раздражение молодого героя романа Нацумэ Сосэки “Мальчуган”: “Я думаю, что нарочно распевать тексты на такую мелодию — это особый способ затруднить их понимание” (пер. Р. Карлиной).

Однако еще раз стоит подчеркнуть, что помимо “официальной”, “классической” версии исполнения пьес Но, которая действительно связывалась в сознании народа с властью Токугава, существовали и иные, народные и любительские формы исполнения. Действительно ли в эпоху Эдо простолюдины не принимали участие в постановках Но и Кёгэн? А если всё же да, то в честь чего и в каком контексте такие представления происходили? На эти вопросы дается подробный ответ в статье Грёмера [5]. Мы же ограничимся лишь коротким упоминанием о разнообразии “неофициальных” форм исполнения Но.

На протяжении всей эпохи Эдо любители Но из числа самураев, горожан среднего достатка собирали труппы, выступая как для своего круга друзей и знакомых, так порой и для широкой публики. Однако выступления любительских трупп в Эдо порой выливались в преследования и аресты актеров-организаторов, дерзнувших “сопоставиться” с официальными труппами Но. Однако официального запрета *бакуфу* на любительские выступления не издавалось. Среди исполнителей Но были и люди низших классов, чьи представления были известны под различными нелестными названиями: *цудзи-но* (“уличные Но”), *сиката-но* (“манерные Но”), *кодзики-но* (“Но для нищих”). В Эдо подобные уличные представления Но проводились ежедневно в достаточно больших развлекательных центрах за небольшую плату, хотя к середине XVIII века их популярность упала. В истории осталось несколько имен бродячих артистов, исполнявших Но. Самым известным из них в XIX веке был Хории Сэнсукэ (1828–1903), он прославился благодаря адаптации многих актуальных и популярных театральных приемов для исполнения пьес Но. Театр Но для простолюдинов был чем-то большим, чем просто традиция, он мог служить для выражения сиюминутных чувств и эмоций. Драма Но стояла на перепутье, где простолюдин черпал вдохновение из аристократической культуры. Тексты пьес Но *утаибон* оставались в ряду самых популярных печатных изданий на протяжении всей эпохи Эдо. Их печатали даже в мини-формате для путешественников. Существовали школы и мастера, обучавшие пению текстов пьес Но *су-уtai*. Такой стиль напевов был известным мнемоническим средством запоминания при обучении в школах, использовался он и зазывалами для распевания рекламных слоганов, и даже монахами для проповедей. Опубликованные тексты пьес использовались для практики чтения и каллиграфии. Цитаты и пародии на стихи из пьес Но можно найти в тысячах шуточных стихов (*сэнрю*), написанных людьми из всех слоев общества эпохи Эдо.

Литература

1. *Amano Fumio, Omote Akira*. Nogaku no rekishi [History of Noh theatre] (Iwanami koza: No kyogen. Vol. I). Tokyo: Iwanami, 1987.
2. *Brown St. T.* Theatricalities of Power: The Cultural Politics of Noh. Stanford: Stanford University Press, 2001.
3. Bunka Hihitsu [Secret writings of Bunka period (1804–1818)] / Mikan Zuihitsu Hyakushu. Vol. 8. Tokyo: Chuo Koronsha, 1976. P. 275–408.
4. Edo Hanjoki [Records of flourishing Edo] / Shin Nihon Koten Bungaku Taikei. Vol. 100. Tokyo: Iwanami, 1989.
5. *Groemer G.* Noh at the Crossroads: Commoner Performance during the Edo Period // *Asian Theatre Journal*, Vol. 15, No. 1 (1998). P. 117–141.
6. *Groemer G.* Elite Culture for Common Audiences: Machiiri No and Kanjin No in the City of Edo // *Asian Theatre Journal*, Vol. 15. № 2 (1998). P. 230–252.
7. *Heki Ken*. Kaga han shiryō [Documents of Kaga clan]. Vol. 1–10. Kanazawa: Meiji Insatsu, 1922–1958.
8. *Ikenouchi Nobuyoshi*. Nogaku seisui ki [The Rise and Fall of the Noh Drama]. Tokyo: Shunjusha, 1926.
9. *Kajii Yukiyo, Mitsuda Ryoji*. Kanazawa no nogaku [Noh theatre in Kanazawa]. Kanazawa: Hokkoku Shuppansha, 1972.
10. *Kano Shigeru*. Edo to No [Edo and Noh]. Tokyo: Wan'ya, 1989.
11. *Kawakami Mari*. Edojiro machiiri-no kaiko, enmoku to chitsujo: mibun shakai no kyodosei kukan [The Hierarchical Society represented by the Ceremony of Noh in the Edo Castle] // *Journal of Hosei Historical Society in Hosei University*. Vol. 62. 2004. № 9. P. 63–80.
12. *Keene D.* Noh and Bunraku: Two Forms of Japanese Theatre. New York: Columbia University Press, 1990.
13. Koji Ruien. Gakubu-bu [Garden of Ancient Wisdom. Music and dance] / Koji Ruien-shu. Vol.5. Tokyo: Jingu shicho, 1914.
14. Koji Ruien. Gakubu-bu [Garden of Ancient Wisdom. Music and dance] / Koji Ruien-shu. Vol.1. Tokyo: Koji Ruien Kankokai, 1931.
15. Kyoho sewa [Events during the Kyoho period (1716–1736)] / *Zoku Nihon Zuihitsu Taisei: Bekkan, Kinsei Fuzoku Kenbunshu*. Vol. 5, Tokyo: Yoshikawa Kobunkan, 1982. P. 329–444.
16. *Looser Th.D.* Visioning Eternity: Aesthetics, Politics and History in the Early Modern Noh Theater. New York: Cornell East Asia Series, 2008.
17. *Maruyama Nami*. Edo jidai goki no Edo ni okeru isseichidai kanjin-no kogyō [A Study On The space for once-in-a-lifetime performances of Noh theater in Edo of the late Edo period: Examinations of the Noh Theater in 1750, 1816, 1831 and 1848] // *Journal of Architecture and Planning*. Vol. 77. 2012. № 673. P. 675–684.
18. *Matsura Seizan*. Kasshi Yawa. Zokuhen [Night Tales from the Kasshi Day]. Vol. 1–6. Tokyo: Heibonsha, 1979–1981.
19. *Nogami Toyochiro*. Nogaku saisei [Regeneration of No]. Tokyo: Iwanami, 1935.
20. *Ooms H.* Neo-Confucianism and formation of Early Tokugawa Ideology: contours of a problem / *Confucianism and Tokugawa Culture*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1997. P. 27–61.
21. *Saito Gesshin*. Buko Nenpyō [Chronicles of Edo]. Tokyo: Heibonsha, 1968.
22. *Tsuji Koichi*. Edo jidai ni okeru kaiko no tokucho nitsuite [Features of kaiko in Edo period] // *Nihon kayō kenkyū*. Vol. 19. 1980. № 9. P. 17–22.

А. Бурькина
Театр Но в эпоху
Эдо: элитарное
искусство
и массовый
зритель

МЕМОРИАЛ

СИМВОЛИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПАМЯТНИКОВ СОТРУДНИКАМ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА

© 2016

А.Д. Попова

**Попова
Анна
Дмитриевна** —
доктор исторических
наук, профессор ка-
федры философии
Рязанского государ-
ственного универси-
тета им. С.А. Есени-
на. В журнале “Чело-
век” публикуется
впервые. E-mail:
a.d.popova@mail.ru

Формирование национальной идентичности по-прежнему остается важной задачей для властных элит, животрепещущей проблемой для национального самосознания. Неотъемлемой частью становления новой идентичности является форматирование исторической памяти во всем многообразии событий и судеб. Одно из важных средств решения возникающих здесь задач — мемориализация жизни и деятельности россиян, которые внесли личный существенный вклад в развитие страны. Среди чреды заслуженных россиян особое место занимают сотрудники органов правопорядка — милиции/полиции, спецподразделений ФСБ. Отчасти это обусловлено стремлением воздать должное работе и личным качествам представителей прежде “закрытых” профессий. Немаловажную роль играет и желание отметить вклад правоохранителей в борьбу с терроризмом, защиту интересов людей.

Идея данной статьи возникла неожиданно: автор, имея десятилетний опыт преподавания в ведомственном вузе МВД, во время путешествий по различным городам стала фотографировать памятники сотрудникам органов внутренних дел. Через некоторое время коллекция составила более десятка снимков. Потом соответствующие изображения уже целенаправленно отыскивались в Интернете на различных сайтах (ЯндексФотки [22], Форум сотрудников МВД [20], сайты городов и новостные порталы). Таким образом, эмпирической базой исследования стали более 70 визуальных изображений памятников сотрудникам МВД и спецподразделений ФСБ. Географически подборка охватывает разные страны и города: Россия — Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Псков, Ярославль, Омск, Томск, Калуга, Челябинск, Сергиев Посад, Белгород, Беслан, Владикавказ, Махачкала, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Геленжик, Иркутск, Мурманск и др.; Украина — Одесса, Киев, Ужгород, Львов, Донецк; Белоруссия — Минск, Гомель, Брест;

Чехия — Прага. В некоторых городах установлено по несколько памятников. Так, только в Санкт-Петербурге имеются памятник сотрудникам спецподразделений, памятник бойцам ОМОНа и памятник городскому. Ряд памятников сотрудникам органов правопорядка можно видеть и в Севастополе. Главными методами исследования стали классификация и анализ визуальных изображений такого рода памятников. Автором поставлена цель показать роль рассматриваемых памятников в формировании семиотического пространства города.

Тенденция ставить памятники сотрудникам милиции/полиции и спецназовцам относительно нова. Большинство из них появились во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов. Ныне увековечены и некоторые подвиги сотрудников милиции, имевшие место много лет назад. Например, в Белгороде в 1966 году при задержании опасного преступника героически погибли кинолог Федор Хихлушка и его собака Лира, а памятник им поставлен в 2010 году [2]. Самым старым из всех исследованных оказался памятник в Севастополе. Он воздвигнут в 1967 году в парке, напротив Управления МВД России по городу Севастополю.

Можно согласиться с А.В. Стрельниковой, которая подчеркивает, что памятники являются частью городских ландшафтов — они организуют городское пространство, часто выполняя роль визуального центра той или иной территории [19, с. 96]. В то же время очевидно, что памятник не может рассматриваться исключительно как украшение городского пространства, формирующее архитектурный облик той или иной местности. Образы, воплощенные как в памятниках, так и в городской скульптуре, подразумевают социально-коммуникативный характер их восприятия [там же, с. 97]. В литературе неоднократно отмечается, что город — это семиотическое пространство и можно выделить визуальную реальность города со своим механизмом передачи сигналов и знаков [7]. Т.В. Кашкабаш и А.К. Мамедов пишут: “Визуальную реальность необходимо рассматривать как культурный конструкт, подлежащий “чтению” и интерпретации в той же мере, в ка-

**Памятник
постовому в Москве
в Слесарном
переулке.
Установлен в 2008
году перед зданием
Управления ГИБДД
Московской
области. Автор
А. Рожников**

Статья
проиллюстрирована
фотографиями
автора статьи

Памятник сотрудникам милиции в Севастополе и памятная плита у памятника. Установлен в парке, напротив расположенного на улице Пушкина Управления МВД России по городу Севастополю. 1967. Скульптор С. Чиж

форме поставлены эти памятники.

Месторасположение большинства такого рода памятников носит “ведомственный” характер, то есть чаще всего они располагаются рядом с учреждениями МВД — городским или областным управлением органов внутренних дел (Москва, Йошкар-Ола, Чебоксары, Петрозаводск, Львов, Чернигов, Одесса, Гомель, Севастополь) либо, как вариант, учебным заведением системы органов внутренних дел. Например, в Москве рядом с Московским университетом МВД поставлен памятник сотрудникам правопорядка. Учитывая, что большинство зданий областных и городских УВД, как правило, расположены на центральных улицах, памятники сотрудникам милиции/полиции автоматически включаются в визуальный образ города, который формируется в сознании как самих горожан, так и гостей города. Гораздо реже место для памятника выбирается в городских парках и скверах. В Санкт-Петербурге памятник спецназовцам поставлен в парке Воинов-интернационалистов. В Севастополе монумент, установленный в память сотрудников милиции, которые ценой своей жизни спас-

кой этим процедурам поддается литературный текст” [8, с. 23]. Памятники — один из наиболее ярких носителей семиотической информации. Любой памятник не просто несет на себе печать исторического прошлого, но и демонстрирует отношение к нему общества, служит способом передачи данной информации новым поколениям.

Чтобы понять, какую семиотическую нагрузку несут памятники сотрудникам органов правопорядка, необходимо определить *где, кому, в какой*

ли детей в различных ситуациях, находится в скверике в новом, удаленном от центра районе.

Отдельную группу составляют памятники городским. Установка подобных памятников — сегодня достаточно распространенная тенденция. Она связана со стремлением разнообразить городской ландшафт, сделать его более привлекательным для горожан и гостей города. Бронзовые городские появились в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Омске, Ржеве, Владикавказе, Челябинске, Калуге, Ярославле. Как правило, они располагаются либо вблизи ведомственных зданий МВД, либо на привлекательных для отдыхающих и туристов улицах, которые местные власти часто позиционируют как “местный Арбат” (пешеходные зоны с большим числом магазинов, кафе и пр.).

Значимым становится и событийный фактор, когда месторасположение памятника определяется событием или местом деятельности сотрудника(ов) органов правопорядка. В первом случае с памятником связана конкретная история. В частности, именно история определила месторасположение памятника спецназовцам в Беслане, памятника кинологу Фёдоре Хихлушке и его собаке Лире в Белгороде, памятного знака на месте гибели сотрудников милиции Бакеева и Исакова в Ухте. Месторасположение ряда памятников сотрудникам, которые оставили о себе яркую память в сознании жителей того или иного города, привязано к месту несения службы этими сотрудниками. В частности, гостей Белгорода встречает памятник “Регулировщик” (фигура сотрудника ГАИ с жезлом в руке рядом со служебным мотоциклом). Памятник находится на оживленной автотрассе, так как его прототипом стал самый известный в городе сотрудник ДПС — старшина милиции Павел Кириллович Гречихин [14]. В Томске установлен памятник знаменитому “дяде Коле” — Николаю Платоновичу Путинцеву, который 25 лет заступал на службу по регулированию дорожного движения на одном и том же перекрестке — на пересечении проспекта Ленина и переулка Нахановича. Горожане всегда уважа-

Памятник городскому в Санкт-Петербурге на Малой Конюшенной. Установлен 27 мая 1998 года. Автор проекта А. С. Чаркин

*****

МЕМОРИАЛ

*****

ли регулировщика за добросовестное и принципиальное отношение к службе [17].

Иногда расположение памятника мало привязано к месту события или деятельности органов внутренних дел. Скажем, в Екатеринбурге памятник сотрудникам милиции поставлен на городском стадионе “Динамо”, а в Ужгороде — на набережной. Но в любом случае подавляющее большинство памятников расположены, как уже говорилось, в центральных районах, в людных местах. Поэтому есть основания рассматривать их как значимый элемент визуального образа городского пространства, что само по себе подразумевает их большое семиотическое значение.

Важным в анализе памятников сотрудникам органов правопорядка представляется вопрос *кому* они устанавливаются. В исторической, культурологической и социальных науках неоднократно подчеркивается, что установка памятника тому или иному персонажу есть одно из средств формирования коллективной памяти народа. Так, Т.А. Смирнова отмечает: “В мемориалах находит свое отражение такая характерная особенность феномена исторической памяти, как избирательность, то есть акцент на определенных исторических реалиях при игнорировании других” [18]. Иными словами, устанавливая памятник тому или иному персонажу — как реальному, так и вымышленному, — власть и общество показывают свои политические предпочтения, социальные идеалы. Не случайно вокруг установки памятников отдельным историческим личностям разворачиваются горячие споры. Большую известность получила полемика о памятнике Екатерине II в Одессе, неоднократно возникают дискуссии об установке памятника Сталину [1]. Подобные споры имели место и в XIX веке. Например, судьба памятника основателю Выборга Т. Кнутссону, шведскому генералу зависела от отношений с Финляндией. Когда надо было подчеркнуть, что Финляндия (бывшая часть Швеции) является частью Российской империи, то устанавливать памятник основателю Выборга запрещалось. В 1908 году Николай II решил продемонстрировать более лояльное отношение к “беспокойной окраине” и сам выступил инициатором установки памятника этому историческому деятелю [11].

В то же время установка памятника тому или иному историческому персонажу (реальному или вымышленному) свидетельствует о включении данного персонажа в контекст коллективной памяти образа прошлого, который формируется в настоящий момент. Можно согласиться с мыслью И.Г. Кравченко о том, что памятники используются для решения насущных проблем [10]. Таким образом, персонаж, которому “повезло” быть отлитым в бронзе, то есть включиться в общий образ прошлого, которое в той или иной степени мифологизируется (в зависимости от потребностей дня сегодняшнего), и сам подвержен мифологизации. А.В. Кошелев, анализируя известный

памятник 1000-летию Российского государства, установленный в Великом Новгороде, утверждает, что включение в скульптурную группу фигуры, представляющей образ М.Ю. Лермонтова, не просто позиционирует его как одного из величайших поэтов нашей страны, но и закладывает основу мифологизации его персоны [9].

Ныне налицо тенденция мифологизации советского периода. Она выражается в создании музеев, где выставляются артефакты советской эпохи, причем отмечается высокий уровень популярности таких музеев (“Ретро-автомобиль”, “Музей советских игровых автоматов”, “Музей коммунальной квартиры”). “Советский” стиль также активно используется в кафе и ресторанах, где в оформлении интерьера используются старые книги, приемники, плакаты, а само заведение называется, к примеру, “Вареничная № 1”. Появилось и большое число памятников конкретным персоналиям советского прошлого. Видимо, это происходит в силу возникающей в условиях рыночной экономики потребности найти поддержку в историческом прошлом. Поэтому появилась необходимость в тех героях прошлого, которые бы соотносились с современными ценностями и не вызывали политических дискуссий. И если монументы политикам подобные споры вызывают, то образ сотрудника милиции большинству понятен.

Исследование памятников сотрудникам органов внутренних дел показало, что бóльшая их часть не имеет конкретной персонализации. Сотрудникам спецподразделений памятников пока поставлено немного. В коллекции автора имеется только два таких изображения — в Санкт-Петербурге и Беслане. Они также не персонализированы. В ряде случаев персонализация осуществляется установлением на монументах памятных досок с перечнем фамилий сотрудников, погибших при исполнении своего долга (Челябинск, Махачкала, Йошкар-Ола, памятник сотрудникам ОМОНа в Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону). В Севастополе на специальных плитах, укрепленных на памятнике сотрудникам милиции, которые ценой своей жизни спас-

Памятник омовцам, погибшим в Чечне. Установлен в Сергиевом Посаде на улице Глинки 1 марта 2002 года

*****

МЕМОРИАЛ

*****

**Памятник
сотрудникам
милиции
в Чернигове**

ли детей в различных ситуациях, указаны имена героев и кратко описан подвиг каждого: Павел Бондарев — заслонил собой двух школьников от несущегося на них автомобиля; Андрей Усанин — предотвратил столкновение колонны автобусов, перевозившей 700 детей, с грузовиком, подставив под него собственный автомобиль; Евгений Скоробогатов — погиб, пытаясь вытащить детей из загазованной штольни.

Иногда на памятниках помещаются фотографии погибших сотрудников органов правопорядка (Буденновск). Думается, что персонализация памятников определяется не только художественным замыслом автора, но и возможностями ландшафта, где тот или иной памятник устанавливается. Имеющаяся площадь (чаще всего у зданий управлений, как уже упоминалось) далеко не всегда позволяет включить в композицию па-

мятника плиту с перечнем имен сотрудников, погибших при исполнении долга (которых, к сожалению, немало).

В то же время существует ряд памятников, что воздвигнуты конкретным сотрудникам органов правопорядка. Это памятники лицам, которые закладывали основы деятельности советской милиции в том или ином населенном пункте (памятник Г.К. Петрову в Рязани; памятник В.Я. Исаеву в поселке Шилово Рязанской области; памятник В.И. Бузину, возглавлявшему органы севавтопольской милиции в довоенные годы и первые годы войны и потом героически погибшему, и др.). Это также памятники сотрудникам, которые погибли при выполнении служебного долга или своей добросовестной службой оставили значимый след в памяти людей. Кроме уже упомянутых (памятник сотруднику дорожной службы П.К. Гречихину, памятник постовому “дяде Коле” — Н.П. Путинцеву) можно назвать монумент, установленный в Пензе около здания ОМОНа и ГИБДД. Прототипом его стал самый известный пензенский участковый Григорий Александрович Шелков, который нес службу в 1950-х — 1960-х годах.

Следует отметить и такой уникальный факт, когда памятник установлен не человеку, а собаке: в Приморск-Ахтарске рядом с памятником сотрудникам милиции воздвигнут небольшой памятник служебной собаке Елге, которая со своим проводником Евгением Шестаком несла службу в “горячих” точках, обнаруживала мины и фугасы. На памятнике надпись: “Боевой подруге от напарника”. А рядом с изображением самой собаки пояснение: “Благодаря Елге матери встречали живыми сыновей, жены — мужей, дети — отцов”.

Что касается *формы* памятников сотрудникам органов внутренних дел, то здесь скульпторы и архитекторы достаточно разнообразны в выборе композиционных решений. Чаще всего встречается строгое лаконичное решение: стела или обелиск с соответствующей надписью. Так выполнены памятники в Сергиевом Посаде, Владикавказе, Вологде, Воронеже, Петрозаводске, Чернигове, Сочи, Мурманске, Минске, Новочеркаске и других городах. Иногда мемориальную функцию выполняет памятная плита, на которой указаны фамилии сотрудников, погибших при исполнении служебного долга. Такая плита обычно помещается на внешней стене служебного здания или внутри него, в холле. В Праге подобная плита размещена в здании Музея полиции.

Стелы, обелиски и плиты часто дополняются атрибутами, традиционно символизирующими силу и власть, — мечами, щитами, дубовыми ветвями, фигурами хищных птиц. Как символ вечной памяти некоторые стелы украшает колокол (Воронеж, Вологда). В Севастополе стела, увековечившая память трех милиционеров, что погибли при спасении детей, завершена гранитными языками пламени вечного огня. Кроме того, используются символы, которые подчеркивают, что органы

А. Попова
Символические и
коммуникативные
функции
памятников

Памятная доска,
установленная
в Музее полиции
Праги

внутренних дел призваны защищать покой и порядок. Наиболее распространенным таким символом является фигура голубя. В некоторых памятниках присутствуют религиозные символы. Так, памятник в Донецке выполнен в виде большого каменного креста. Крест включен и в композицию памятника в Иркутске. Часто авторы памятников обращаются к образу святого Георгия Победоносца — всадника с копьем, который убивает змея (Львов, Екатеринбург, Ярославль).

Часть памятников представляют собой изображения людей в виде отдельной скульптуры либо скульптурной группы. Изображения людей как рисунок или барельеф присутствуют на обелисках. Чаще всего на них можно видеть самих сотрудников органов внутренних дел (Москва, Одесса, Челябинск, Махачкала, Санкт-Петербург) — как правило, в полевой форме (чтобы подчеркнуть, что солдаты правопорядка всегда находятся на посту,

в любой момент готовы защитить каждого, кому угрожает опасность). Памятник спецназовцам, установленный в Санкт-Петербурге, представляет собой запечатленную в момент выполнения боевого задания скульптурную группу из нескольких сотрудников в бронежилетах, касках, с оружием в руках.

Форменная одежда — обязательный атрибут бронзовых образов сотрудников органов правопорядка. Так, в Севастополе на барельефе памятника В.И. Бузину начальник милиции изображен в форменной гимнастерке и фуражке. Исключение составляют памятники создателям органов советской милиции. Они изображаются не в форменной одежде, а в той, с которой наиболее сильно ассоциируется образ такого человека в обществе. В частности, в селе Шилово Рязанской области воздвигнут памятник В.Я. Исаеву, который создавал советскую милицию в этом населенном пункте. Прежде Исаев служил во флоте, поэтому он изображен в бескозырке, морском бушлате, с биноклем в руках. Композицию памятника завершают несколько морских якорей, установленных рядом с ним.

Как образ вечной памяти и скорби в некоторых памятниках используются женские скульптурные изображения (Нижний Новгород, Йошкар-Ола, Ужгород, Сочи). Встречаются и скульптуры детей (Москва, Челябинск, Геленджик), поскольку они символизируют тот мир и спокойствие, которые сотрудники органов внутренних дел призваны защищать. Как правило, это девочка 7–10 лет, которая доверительно прижимается к сотруднику или держит его за руку, как бы ища защиты. На памятнике спецназовцам в Санкт-Петербурге один из бойцов, заслонив собой от опасности ребенка, держит его на руках.

Особым символом защищенного детства стал памятник сотрудникам спецназа в Беслане. Памятник очень лаконичен и пронзителен: спрятанные под бронезилет детская книжка и плюшевый мишка, а рядом — “сфера” — тяжелая каска с опускающимся защитным стеклом. Осенью 2004 года в Беслане спецназовцам пришлось ценой собственной жизни спасти детей, оказавшихся в руках террористов. Сочетание, казалось бы, совершенно несовместимых предметов — плюшевого мишки и специального обмундирования — подчеркивает трагизм тех страшных событий.

В некоторых памятниках сотрудники органов правопорядка представлены в виде художественных образов — героев фильмов и литературных произведений. Самыми народными персонажами в этом плане оказались Дядя Степа, а также Глеб Жеглов и Владимир Шарапов. Памятник Дяде Степе установлен на Кузбассе в городе Прокопьевске, в сквере недалеко от отделения полиции. Дядя Степа изображен постовым, который пропускает через дорогу утку и следующих за ней утят [3]. Беззащитные хрупкие фигурки птиц рядом с огромного роста постовым символизируют готовность сотрудников правопорядка защищать каждого, кому потребуется защита. В ноябре 2015 года бронзовой Дядя Степа появился и на пешеходной улице в Самаре [21].

В Киеве рядом со зданием УВД находится памятник Жеглову и Шарапову: две мужские фигуры в точности воспроизво-

Памятник
В.Я. Исаеву
в поселке Шилово
Рязанской области.
2001

Памятник В.И. Бузину, возглавлявшему органы сева­стопольской милиции в довоенные годы и первые годы войны (до сдачи города и своей гибели в 1942 году). Открыт в Севастополе на улице Пушкина в сквере им. В.И. Бузина. 2011

дят образы героев культового сериала “Место встречи изменить нельзя” (1979). А в Одессе вблизи здания областного УВД размести­лся памятник органам правопорядка, решенный совсем в ином ключе — в виде мужской фигуры в форме сотрудника милиции послевоенных лет. Милиционер запечатлен выходящим из здания на традиционную одесскую мостовую, в его протянутой руке — корм для голубей, кружащих тут же [4]. Птицы выступают как знак спокойной, мирной жизни, которую сотрудникам милиции послевоенных лет так и не довелось прожить: многие из них, имея гражданскую специальность, были вынуждены вначале воевать, а потом пойти служить в милицию — надо было восполнять кадровые потери, которые органы внутренних дел понесли в годы войны. Поскольку памятник появился вскоре после показа в Одессе сериала “Ликвидация” (2007), в народе его быстро окрестили “памятником Гоцману”, хотя внешне скульптура не имеет ничего общего с образом главного героя сериала, а очень схожа с реальным сотрудником Одесского уголовного розыска — Давидом Михайловичем Курляндом.

На фоне огромного числа памятников, выполненных в строгой, можно даже сказать “траурной” форме (что вполне логично, ведь большинство из них призваны увековечить память сотрудников, погибших при исполнении долга), выделяются скульптурные композиции, которые часто в туристических путеводителях значатся под рубрикой “необычные памятники”. Образ сотрудника милиции/полиции в таких композициях представлен в аллегорической или даже юмористической форме. Таковы памятник Дяде Степе в Прокопьевске, памятник первому светофору и милиционеру в Новосибирске. К “необычным памятникам” путеводители также относят памятники городо­вым, которых, как уже отмечалось, поставлено достаточно много. Причем образы городских можно встретить самые различные. Некоторые из них олицетворяют силу власти и закона. Скажем, нижегородский городской

А. Попова
Символические и
коммуникативные
функции
памятников

**Памятник
сотрудникам
милиции
в Петрозаводске.
Установлен
5 сентября
2008 года на
проспекте Карла
Маркса у здания
МВД Карелии.
Скульптор
Ч. Шуквани**

изображен в решительной позе: ноги поставлены на ширине плеч, взгляд устремлен вдаль, руки заложены за спину. Так же серьезен и питерский городской. В иных случаях городской изображен более раскованным, улыбающимся и даже подкручивающим усы, как в Омске.

Важным моментом в анализе памятников сотрудникам органов правопорядка как носителей семиотической информации является та социальная практика, что складывается вокруг таких памятников. Иными словами, большое значение имеет, какую оценку указанные памятники получают в сознании людей. Согласно Т.В. Кашкабашу и А.К. Мамедову, “процесс символизации осуществляется через определенную рационализацию ежедневных городских практик...” [8, с. 45].

Социальная практика определяется разными факторами. Во многом здесь играют роль образы и композиционные решения, которые выбраны самими авторами. Чаще всего памятники выполняют мемориальную функцию: вокруг них проходят торжественные ритуальные мероприятия (возложе-

Памятник спецназовцам в Санкт-Петербурге (и его фрагмент). Открыт 4 октября 2012 года в парке Воинов-интернационалистов. Скульпторы А. Иванов и М. Цхадаз

ние цветов, проведение траурных митингов). Данную функцию выполняют памятники во многих городах (Пенза, Сергеев Пасад, Беслан, Севастополь, Харьков, Днепропетровск, Гомель и др.).

Частью подобной социальной практики является и принятие присяги новыми сотрудниками органов внутренних дел и курсантами вузов системы МВД. В частности, это практикуется в Пензе и Минске, Севастополе. У памятника солдатам правопорядка, что расположен рядом с Московским университетом МВД, курсанты названного учебного заведения принимают присягу [15]. (Правда, в некоторых случаях данные мероприятия невозможны из-за расположения памятника — процедура принятия присяги требует большой площади.) Осуществляя указанную функцию, памятники выступают носителями семиотической информации — укрепляют связь между разными поколениями

правоохранителей, способствуют формированию представлений о долге и чести у новых сотрудников органов внутренних дел.

В то же время памятники сотрудникам правопорядка становятся брендовой и рекреационной частью городской среды. Привлекая внимание людей, они включаются в социальную практику. Как отмечают А. Ваньке и Е. Полухина, наиболее распространенной ее формой стало фотографирование на фоне памятника [5]. Если проанализировать фотографии таких памятников, выкладываемые на ресурсе ЯндексФотки, можно сделать вывод, что они появляются там после пополнения туристических альбомов. Ваньке и Полухина, изучавшие социальную практику, которая сложилась вокруг Вечно-го огня у могилы Неизвестного солдата в Москве, сделали вывод: к мемориалу люди подходят прежде всего в рекреационных целях [там же]. Однако нахождение у памятника становится поводом обращения к исторической памяти: люди начинают вспоминать, что знают о войне, делятся рассказами с друзьями и де-

тьми. В данном плане рассматриваемые нами памятники тоже становятся поводом обращения к исторической памяти. Нередко пользователи Интернета не просто выкладывают фотографии того или иного памятника, но и сопровождают изображение рассказом о прототипах и героях, которым памятник поставлен. Так, обстоятельные описания присутствуют о подвиге кинолога Хихлушки, службе участкового Шелкова, регулировщике Гречихине.

В упомянутых случаях семиотическая информация распространяется не только внутри системы органов внутренних дел, она охватывает широкие слои общества, выступает фактором укрепления патриотических чувств, повышает авторитет правоохранительных органов в обществе. Можно говорить и о мифологизации в общественном сознании образов конкретных сотрудников милиции. Более всего в этом плане повезло одесскому памятнику: именно фотографию одесского бронзового милиционера послевоенных лет выкладывают на ресурсе ЯндексФотки чаще всего. Конечно, по своей популярности памятникам сотрудникам органов правопорядка трудно конкурировать с памятниками, которые являются символами городов; в той же Одессе памятник Дюку навсегда останется самым известным и узнаваемым. Однако «памятник Гоцману» также становится все более и более популярной точкой туристического маршрута, вставая в один ряд с другими известными памятниками Южной Пальмиры — памятником Стулу в городском парке, тете Соне на Привозе, памятником Апельсину на бульваре Жванецкого. И уже трудно сказать, что олицетворяет памятник милиционеру в большей степени — героическую деятельность Д.М. Курлянда или не менее героическую деятельность вымышленного героя Гоцмана, собирательный образ которого воплощает в себе черты всех сотрудников уголовного розыска послевоенной поры, ныне подвергшиеся мифологизации.

В сети Интернета можно найти оценку памятников сотрудникам органов правопорядка и мнения, которые отражают отношение к ним общества. Примечательно, что большинство

Памятник милиционеру послевоенных лет в Одессе (в народе «памятник Гоцману»). Открыт 14 декабря 2008 года на Еврейской улице у здания областного УВД. Скульптор А.П. Токарев, архитектор В.Л. Глазырин

Памятник
постовому
в Екатеринбурге.
Установлен 3 июля
2011 года на улице
Чкалова у здания
ГИБДД.
Скульпторы
В.Ю. Баталов
и Ю.А. Заикин

такого рода памятников вызывают положительные оценки: “Замечательный памятник”; “Здорово!”; “Красиво смотрится... Отлично!”; “Интересный памятник”; “Хорошо, что есть такой памятник” и т.д.

Как правило, мифологизация отдельных персонажей вливается в процесс реконструкции общего образа исторического прошлого и общего образа системы органов внутренних дел как элемента государственной системы. Фотографии памятников становятся поводом для обсуждения деятельности милиции, показа отношения к ней. В частности, фотография памятника пензенскому участковому Шелкову породила целый ряд высказываний: “Тесть мне про него как-то рассказывал. Очень уважали, легенды ходили”; “Гроза хулиганов! Любимец народа!”; “Здорово! Вот это милиция раньше была!!!”. Последняя реплика ярко отражает отмеченный выше процесс — мифологизацию советского периода и даже некоторую ностальгию по нему. Весьма обсуждаемым оказался и одесский

“памятник Гоцману”. Он воспринимается не только как памятник конкретному человеку, но и как символ советской эпохи.

Популярность некоторых памятников в народной среде определила формирование такой социальной практики, которую Д.В. Громов называет стихийными (неорганизованными) обрядами [6]. Как следствие порождения различных примет и поверий такие стихийные обряды складываются и вокруг памятников сотрудникам органов правопорядка. Так, в Белгороде существует поверье: проезжая мимо памятника постовому Гречихину, следует ехать медленно, тогда сотрудники ГИБДД не будут водителя “замечать”. По мнению Громова, самым распространенным стихийным обрядом является прикосновение к памятнику и загадывание желания. В Киеве принято считать: если дотронуться до плеча бронзового Жеглова — будет удача [16]. В Одессе народная молва с той же целью советует коснуться рукой сумки бронзового милиционера. В Омске сложилась такая традиция относительно памятника городовому: в его руку, заведенную за

спину, необходимо вложить монетку, да к тому же подержаться за эфес шашки [12]. Интересная социальная практика сформировалась в Новосибирске вокруг памятника светофору и регулировщику: к памятнику приезжают свадебные кортежи и завязывают на нем ленточки на счастье [13].

Таким образом, памятники сотрудникам органов внутренних дел и спецподразделений ФСБ могут быть названы значимым элементом семиотического пространства города. Они составляют достаточно большую группу монументальных сооружений. Активное возведение такого рода памятников во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов объясняется стремлением найти выход из кризиса имиджа органов внутренних дел, который имел место в годы перестройки. В то же время процесс сооружения памятников сотрудникам органов правопорядка оказался в контексте мифологизации советского прошлого, что объясняется трудностями сегодняшних дней. Как правило, памятники расположены в оживленных местах. Многие из них привлекают внимание интересными композиционными решениями, поэтому они просто не могут оставаться незамеченными. В декоре памятников сотрудникам органов правопорядка активно используются различные символы — как светские, так и религиозные. Традиционно памятники такого рода символизируют силу государства, мужество сотрудников органов внутренних дел и спецназа, их готовность защищать всех от мала до велика. Касательно памятников органов правопорядка передача семиотической информации осуществляется как внутри самой системы, так и в обществе в целом. В первом случае памятники призваны содействовать укреплению связей между различными поколениями сотрудников силовых ведомств, воспитанию чувства гордости за свою службу, верности служебному долгу. Такое назначение памятников подкрепляется и соответствующей социальной практикой (ритуальные мероприятия, принятие присяги). Во втором случае пополнение туристами своих коллекций фотографиями памятников сотрудникам органов правопорядка, их обсуждение в сети Интернет показывает, что данные памятники не остаются без внимания общества. Более того, некоторые из них становятся столь популярными, что вокруг них складываются легенды и приметы. Соответственно не только сотрудники силовых ведомств являются участниками коммуникации, но и все общество, а памятники сотрудникам органов правопорядка выполняют многоплановые функции — ритуальные, воспитательные, образовательные, брендовые и даже рекреационные.

Литература

1. Аннинский Л. Памятнику Сталину? не место в XXI веке! // Родина. 2005. № 6. С. 49.
2. В Белгороде появился памятник милиционеру-кинологу. URL: <http://www.bel.ru/news/belgorod/50477.html> (дата обращения: 22.04.2015).

А. Попова
Символические и коммуникативные функции памятников

*****

МЕМОРИАЛ

*****

3. В Кузбассе сегодня открылся памятник Дяде Степе. URL: <http://zakon-kuzbass.ru/news/v-kuzbasse-segodnja-otkrylsja-pamjatnik-djade-stepe.html> (дата обращения: 22.04.2015).

4. В Одессе открыли памятник милиционерам 1940-х годов. URL: <http://for-ua.com/article/329969> (дата обращения: 22.04.2015).

5. *Ваньке А., Полухина Е.* Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2014. № 8. С. 36-51.

6. *Громов Д.В.* Обрядность в городском ландшафте: объекты и практики // Традиционная культура. 2013. № 3. С. 71–82.

7. *Касаткина С.С.* Повседневность российских городов: символы и смыслы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1–1 (51) . С. 65.

8. *Кашкабаш Т.В., Мамедов А.К.* Городское визуальное коммуникативное пространство как фактор социальной интеграции (на примере г. Москвы). М.: МАКС-Пресс, 2014.

9. *Кошелев А.В.* Лермонтов на памятнике "Тысячелетие России" // Вестн. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2013. № 72. С. 36.

10. *Кравченко И.Г.* Памятник как социокультурный феномен // Вестн. ВоГУ. Сер. 7. 2008. № 1. С. 61.

11. *Лапин В.В.* Война памятников и война с памятниками // Россия XXI. 2014. № 1. С. 127.

12. Памятник городовому. Омск. URL: http://traveltipz.ru/trips/attractions/id/18208_otzyvu-pamjatnik-gorodovomu-omsk-russia (дата обращения: 20.04.2015).

13. Памятник милиционеру. URL: <https://fotki.yandex.ru/next/users/hjcnjaabc/album/100429/view/91206> (дата обращения: 20.04.2015).

14. Памятник неподкупному гаишнику. URL: <http://smotra.ru/users/shalnaya/blog/31033/> (дата обращения: 20.04.2015).

15. Памятник солдатам правопорядка в Москве. URL: <http://fore-time.ru/pamyatnik-soldatu-pravoporyadka-v-moskve/> (дата обращения: 22.04.2015).

16. Под окнами Луценко появились Жеглов и Шарапов. Фоторепортаж. URL: http://censor.net.ua/photo_news/89245/pod_oknam_i_lutsenko_royavilis_jeglov_i_sharapov_fotoreportaj (дата обращения: 20.04.2015).

17. Регулировщик Николай Путинцев снова занял свой пост. Новости в Томске. URL: <http://news.vtomske.ru/news/53905.html> (дата обращения: 20.04.2015).

18. *Смирнова Т.А.* Монументы, мнемонические места и конструирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Англии // Ярослав. педагогич. вестн. 2011. № 4. С. 98.

19. *Стрельникова А.В.* Необычные памятники как объект визуального пространства // Соц. исследования. 2013. № 4. С. 95-99.

20. Форум сотрудников МВД. URL: <http://www.police-russia.ru/showthread.php?t=39721> (дата обращения: 20.04.2015).

21. Церетели и Михалков открыли памятник Дяде Степе в Самаре. URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/06/stepa/> (дата обращения: 16.01.2015).

22. ЯндексФотки. URL: <https://fotki.yandex.ru/next/> (дата обращения: 16.01.2015).

“ЛИЧНЫЙ МИФ” ОРЕСТА КИПРЕНСКОГО

© 2016

В.И. Чайковская

Как и большинство романтиков, Орест Кипренский в известном смысле творил по законам искусства и свою собственную жизнь, которую окружал легендами и умолчаниями — говоря словами Пастернака, “оставлял пробелы в судьбе”. Оттого-то исследователям так трудно написать его биографию. Об этом “легендарном” биографическом флере много и интересно пишет Валерий Турчин: “Не зачеркивать легенду, ибо она создана не случайно и является своего рода художественным произведением, а найти полагающееся ей место — вот в чем задача исследователя. Легенда о художнике достойна самостоятельного анализа, который можно вести параллельно с изучением его действительной жизни”. [7, с. 10]

Со сказанным трудно спорить: “мистификаторство” Кипренского Турчин со свойственной ему художественной интуицией почувствовал очень верно. Но беда в том, что, приводя примеры таких “мистификаций”, он слишком часто ошибается. Это особенно сильно бросается в глаза сегодня, когда материалы и документы о Кипренском, наконец, были собраны весте. Одина из публикаторов, Е. Петрова, отмечает ряд таких ошибок. Так, Турчин считает выдумкой Кипренского то, что в Неаполе, а потом в Риме некоторые его произведения, в частности, “Портрет отца”, принимали за работы Рембрандта или Рубенса. Петрова совершенно справедливо пишет, что приведенные в сборнике материалы “абсолютно снимают с Кипренского обвинение в мистификации” [3, с. 10].

Турчин также утверждал, что картина Тициана “Се человек” (с 40-х годов XIX века утраченная), которую Кипренский после своей реставрации предлагал приобрести Николаю I, была “его собственноручной подделкой, написанной на старом холсте” [7, с. 41]. Между тем, назначенные царской канцелярией “эксперты”: русский посланник в Риме князь Григорий Гагарин и русский посланник в Неаполе граф Штакельберг, советовавший с итальянскими знатоками, не выражают сомнений в подлинности холста. Штакельберг добавляет, что картина “если и не принадлежит кисти этого главы венецианской школы, то, по мнению знатоков, достойна считаться вышедшей из его мастерской” [3, с. 250]. Нет никаких оснований не доверять

**«ТАЙНА СЯ
ВЕЛИКА...»**

**Чайковская
Вера
Исаковна** —

кандидат искусствоведения. Постоянный автор журнала.
E-mail:
vchaykovskaya@mail.ru

157

О. Кипренский.
Портрет
А.К. Швальбе
(отца художника)
1804

в этом случае итальянским знатокам и самому художнику.

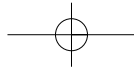
Однако и придирчивое следование фактам, которое демонстрирует Евгения Петрова в тщательно выверенной и содержательной монографии о художнике [5], тоже не все проясняет — вспомним о тех самых “пробелах”, которые никакими фактами не охватываются. Изучая жизнь и творчество Кипренского, понимаешь, что художник и в самом деле сочинял о себе какую-то легенду. Но вот какую?

В. Турчин как бы априорно не доверяет всему, что пишет и говорит о себе художник. Не избирался в Швейцарии в члены художественного общества [7, с.32] (хотя недавно найденные документы говорят, что избирался); не вызвал подозрения итальянских академиков, что работы написаны старыми мастерами и т.д. и т.п. А у Кипренского, на мой

взгляд, была, пусть и интуитивная, некоторая внутренняя “программа”, некий “личный миф”, ведущий начало от самого детства.

И, согласно этому мифу, он не мог “подделывать” картину, выдавая ее за работу старого мастера, то есть “фокусничать” и “мухлевать”. Он мог только состязаться с великими на общем поле искусства и славы. Подделать картину Тициана — художнический “фокус”, но стать с ним вровень в свою эпоху — вот планка Кипренского. Кстати, римские знатоки, в частности, глава итальянского академизма кавалер Каммучини, проверяя на “подлинность” его “Портрет отца”, нашли в нем “старательность и несовершенство подражателя” [3, с. 268], что едва ли обрадовало бы Кипренского, узнай он об этом отзыве для папской канцелярии. Думается, кое-что из этих отзывов до его ушей не могло не дойти. А он претендовал не на “подражание”, а на творческий “диалог”, как мы бы сейчас выразились, и даже на “состязание”. И когда рассказывал в письмах об этом эпизоде российским адресатам (брату умершего Сильвестра Щедрина, А.Х. Бенкендорфу), то напирал на лестное для себя сопоставление с великими художниками прошлого. Можно сказать, что именно это (а не сам факт, действительно имевший место) в некотором смысле есть “мистификация” Кипренского, попытка скрыть возникшие в оценках итальянских знатоков негативные обертоны. И не продуктивнее ли постараться найти тот миф, которым художник сам заполнял смысловые лакуны?

Выдвину одну гипотезу. Биограф до сих пор спорят, чей был сын Кипренский — крепостного крестьянина Швальбе или помещика Дьяконова. В. Турчин и Д. Сарабянов безоговорочно считают его не-

законным сыном Дьяконова [6, с. 136; 7, с. 13], а вот Е. Петрова полагает это не доказанным, склоняясь к кандидатуре Швальбе [5, с. 7]. Однако существующие документы не позволяют решить проблему однозначно, вопросы остаются в любом случае. Что, если эти вопросы оставались и у самого Кипренского?

Как мне представляется, Кипренский во многом следовал за “мистификациями”, связанными с его мнимым или реальным отцом, “дворовым человеком” бригадира Дьяконова лютеранином Адамом Швальбе. Тот как бы уже сам начал сочинять этот миф, направив мальчика Ореста на обучение в Академию художеств, то есть, безошибочно определив его творческий вектор¹. Адам Швальбе указал в своем прошении, что Орест “законорожденный”, в то время, как по документам он был незаконнорожденным², уменьшил на год его возраст и назвал Кипрейским — фамилия, которая в Академии была переделана в Кипренского [там же, с. 201]. Причем в свою “мистификацию” Швальбе вольно или невольно втянул и священника Петра Васильева, подтвердившего сведения из прошения Швальбе [там же, с. 201–202]. Алексей Дьяконов засвидетельствовал только свободное состояние Ореста, так как крепостных в Воспитательное училище при Академии художеств тогда не брали. Но это как раз было правдой.

Интересно, что после смерти Кипренского Президент Академии художеств Алексей Оленин в одном из официальных писем будет недоумевать по поводу фамилии Ореста: “В обоих сих документах (в прошении отца и свидетельстве священника — В. Ч.) ничего не упомянуто о фамилии Швальбе, хотя достоверно известно, что отец Кипренского имел это прозвание...” [там же, с. 335–336].

Подобного рода “мистификация” как бы сразу отделила Ореста от всех прочих детей Швальбе (трех сестер и брата), причем сама фамилия намекала на какую-то таинственную историю, связанную с древнегреческой богиней любви, часто называемой Кипридой. Ведь и имя у него было “мифологическое”. Вспомним, что и у незаконнорожденного Герцена фамилия была произведена помещиком Иваном Яковлевым от немецкого “сердца” (“Herz”).

Итак, отделение от семейства, изменение возраста, романтическая, намекающая на некую “историю” фамилия, — все эти мифы, идущие от Адама Карловича (или Карповича, как он именует себя в прошении) Швальбе, прочно войдут в жизнь художника. Он их должен был знать с детства. Так формировался его собственный “личный миф”.

Кипренский будет твердить приятелям-художникам, что у него из родных никого нет, — в точном соответствии с намеченной в прошении Швальбе его “отдельностью”. И в то же время исправно посылать пенсион сестре Анне Швальбе, которая после его смерти даже предъявит право на наследство³.

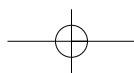
В документе о принятии католицизма в конце июня 1836 года Кипренский на целых 8 лет преуменьшает свой возраст — там обозначено 46 лет вместо 54 (ему хочется быть помоложе рядом с молодой Мариуччей, из-за женитьбы на которой он решил на эту процедуру) [1]. (Кстати, не знали его подлинного возраста и русские художники-пенсионеры, указавшие его на могильной плите с ошибкой на пять лет).

В. Чайковская “Личный миф” Ореста Кипренского

¹ После смерти Кипренского его сестра Анна и родственники умершего Дьяконова писали в документах, что именно Дьяконов определил его, а затем его брата, Александра Швальбе в Академию художеств [3, с. 300–301]. Но ведь только Швальбе, живя рядом с Орестом, мог заметить художественные пристрастия мальчика и рассказать о них Дьяконову. Его прошение в Академию художеств написано несколькими днями раньше, чем подтверждающий документ Дьяконова, что может говорить о его инициативе в этом вопросе. Интересно, что Адам Швальбе пишет прошение самолично, а вот за неграмотную Анну Швальбе впоследствии прошение напишет родственник Дьяконова.

² Сведения из метрической книги соборной церкви Преображения Господня в г. Копорье [3, с. 200].

³ Архитектор Н.Е. Ефимов писал из Рима В.И. Григоровичу после смерти Кипренского: “... он не только не упоминал никогда о своей сестре, но еще говорил, что он не имеет никаких ближайших родственников” [3, с.308].

«ТАЙНА СЯ ВЕЛИКА...»

А самого Адама Швальбе Орест называет в католическом брачном свидетельстве лета 1836 года Адамом Копорским, то есть хочет хотя бы для себя (католическим прелатам это было, скорее всего, безразлично) как-то повысить его статус, представить не крепостным, а родовитым помещиком, чье имя связано с названием его родового владения Копорья [3, с.292] Иными словами, — включает миф о Швальбе в свою собственную жизненную легенду.

И вот тут мы переходим к самому главному в личном мифе Кипренского.

Я уже писала, что скорее всего, ситуация с его рождением была ему самому не до конца ясна. И особенный интерес вызвала у него не личность помещика Дьяконова, которого многие исследователи считают действительным отцом художника, а фигура “дворянского человека” Дьяконова Адама Швальбе. Нам о нем, в сущности, ничего не известно. Фигура явно загадочная — лютеранин с немецкой фамилией, оказавшийся крепостным у русского помещика. Каким образом это могло получиться?

Видимо, и Кипренский, поступивший в Академию художеств шестилетним ребенком и редко отпускаемый к родным в далекое Копорье, задавался вопросами о загадочной судьбе рано умершего Швальбе (годы жизни предположительно 1842–1807). Недоумевал и фантазировал. На общественной лестнице Российской империи Кипренский, росший в семье крепостных крестьян, да к тому же еще незаконорожденный, занимал самую низшую ступень. Но как истинный романтик он верил в возможность чудес или, по крайней мере, творил их самолично. Тут, кстати, можно вспомнить “миф”, который сочинил о себе в детстве еще один художник романтического склада — Кузьма Петров-Водкин, родившийся в семье волжского грузчика в Хвалынске. В детстве он “признается” приятелю Вове: “... Ты должен знать, что я не тот, за кого ты меня считаешь — я только укрыт, усыновлен в Хвалынске...Моя родина далеко отсюда” [4, с. 220].

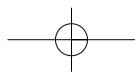
Все подобного рода фантазии можно свести к некоему древнему “прамифу”.

Есть общеевропейский бродячий сюжет о подброшенных в простую семью царских детях. Кипренский, судя по всему, всю жизнь ощущал себя таким “царским сыном”, “принцем инкогнито”. И в создании этого “мифа” огромную роль сыграла загадочная личность Швальбе, своего рода “короля в изгнании”.

Любопытно, что первым, поистине поворотным произведением молодого Кипренского в портретном жанре (учился-то он на отделении исторической живописи) был “Портрет Швальбе” (второе название — “Портрет отца”(ГРМ, 1804, повтор — ГТГ). Его он всюду возил с собой и сделал с него авторскую копию. В этом портрете-откровении он как бы невольно “проговаривается”. Старого Швальбе (ему в это время было 62 года) он пишет, используя как образец рембрандтовский портрет, который тогда считался портретом польского короля Яна Собеского (сейчас он называется “Портретом польского дворянина”). В те годы он был в Эрмитаже, а ныне — в Вашингтонской национальной галерее [2].

⁴ Слова из записок Федора Иордана [3, с.545].

Швальбе изображен, как и рембрандтовский король, в медвежьей шубе и с палкой в руке. Но костюм короля богаче благодаря меховой шапке с золотым украшением и золотой цепи с подвеском на шубе. У Рембрандта персонаж могуч, горделив и яростен. В его ухе жемчужная серьга — свидетельство некоторой авантюристичности персонажа. А вызолоченный на рукояти жезл — знак власти и силы.

Шуба Швальбе попроще, но тоже явно не “крестьянского” вида. И его высветленное лицо с каким-то вопрошающим взглядом, полуседые волосы, крепко сжавшаяся палке ладонь намекают на какую-то глубоко скрытую драму. Швальбе — “скрывающийся король”, переживший какие-то сильные потрясения, но сохранивший ту чистоту и “детскость”, которые Кипренский так ценил.

Интересно, что уже в этом портрете художник выйдет на тот уровень оригинального “стилизаторства”, когда чужое претворяется в свое. Он не копирует Рембрандта, а по-своему изменяет смысловую доминанту портрета предшественника, как гораздо позже будут делать Эдуард Мане, Пабло Пикассо, Сальвадор Дали, Валентин Серов, Константин Сомов и многие другие. Мифологизация личности Швальбе давала почву для создания собственного мифа.

Этот личный миф о “царевиче инкогнито” определит многие черты поведения художника. Вызовет толки о какой-то немислимой его гордыне (“самолюбию Кипренского не было меры”⁴) и несколько отдалит его от русских художников-пенсионеров, которым он по мере сил старался “покровительствовать”, то есть относился чуть-чуть свысока, но всегда доброжелательно и приветливо (это не касается К. Брюллова, в котором он признал ровню).

Но самое интересное кроется в его отношениях с царями и прочими “сильными мира”. Даже еще не прославившись как художник, он вел себя с ними немисливо дерзко. Еще учась в Академии художеств, нарушил строй “священного” для Павла I вахт-парада, бросившись к императору из толпы с глупейшей просьбой [там же, с. 203–204]⁵, а позже, находясь при Тверском дворе, на коленях признался в любви к дочери Павла Екатерине Павловне [3, с. 10].

Интересно, что эти “вольности”, так или иначе, сходили ему с рук. За проделку на вахт-параде он получил на собрании учеников Академии только выговор, а Великая княгиня просто его “удалила” (надо полагать, что из комнаты, где проходил урок рисования, а не от двора, где его очень ценили и где о его любви к Екатерине Павловне ходили слухи⁶).

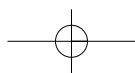
Столь же свободно он будет общаться в будущем с католическими кардиналами Консальви и Бернетти, с королем Обейх Сицилий Франциском I, своим “ангелом-хранителем” супругой Александра I Елизаветой Алексеевной, оплатившей его итальянское пенсионерство, с великими князьями Михаилом и Николаем, которым он давал уроки гравирования. Пожалуй, только Николай I, став монархом, не примет этого свободного стиля общения и будет относиться ко всем предложениям Кипренского с неизменным глухим раздражением. Но к императору мы еще вернемся.

Думается, что в основе этой свободы лежало не только то, что Кипренский считал себя “королем живописи” (фраза, которой он подпи-

В. Чайковская
“Личный миф”
Ореста
Кипренского

⁵ Кстати, произошло это в день рождения Кипренского 13 марта 1899 года.

⁶ См. замечание А.В. Кочубея в “Семейной хронике”, что “многие из приближенных, в том числе и знаменитый живописец Кипренский, были в нее влюблены...” [3, с. 371].

«ТАЙНА СЯ ВЕЛИКА...»

сал записку в ответе баварскому королю, не заставшему его дома), но и идущий со времен детства “личный миф” о каком-то особом, едва ли не королевском происхождении, о тайне, окружавшей его и его отца Адама Швальбе. Тут не нужно было никаких реальных подтверждений, достаточно было интуиции и пылкого воображения. Этот миф Кипренский никогда не оглашал, но именно он, как мне представляется, во многом определял его жизненное и творческое поведение.

Я уже писала, что В. Турчин точно уловил “мистификаторскую” подоплеку некоторых поступков и слов Кипренского. В ряде случаев он ошибался, что подтверждают источники. Но два примера он отметил совершенно правильно. В обоих случаях за мистификациями зримо или незримо встает фигура Николая I, с которым у художника шел какой-то постоянный метафизический “поединок”.

В 1831 году, находясь в Неаполе, Кипренский предложил ему в личном письме, переданном через Бенкендорфа, сделку: царь ему одалживает 20 тысяч рублей “на пять лет без процентов” под залог восьми картин. Семь из них были работами самого Кипренского, а восьмая — уже известная нам картина Тициана “Се человек”. Просьба была довольно дерзкой, так как Кипренский говорил не о “милости” (а именно на милость и на поощрение таланта художника напирали в своих экспертных оценках царские сановники), а о сделке, выгодной обоим. Николай ему отказал.

Уже сама эта просьба говорит об отсутствии у Кипренского каких-то сословных барьеров, о готовности свободно и даже “на равных” общаться с царями, что приверженного ко всяческим “ранжирам” Николая должно было сильно раздражать. Самое интересное, что Кипренский интуитивно чувствовал, что царь сух и холоден. Поэтому он переименовал одну из предложенных Николаю картин из “Анакреоновой гробницы” в “Пляску при гробнице Теокрита”. Древнегреческий поэт Теокрит (иначе Феокрит) входил в принятый набор изучаемых тогда древностей. Анакреон (Анакреонт) особенно был значим для романтического искусства с его буйной “анакреонтикой”, воспеванием вина и веселья. Но для Николая, как догадывался Кипренский, романтический культ радостей жизни был весьма подозрителен. “Культ этот был хорош, быть может, во времена Александра I, но не Николая I” [7, с. 41]. Потому-то художник и пошел на “мистификацию” с названием.

Вторая мистификация, которую отмечает Турчин, связана с картиной “Читатели газет в Неаполе”. (1831, ГТГ). Тут тоже возникает спорный момент. Одни исследователи говорят что, в ней автор изобразил поляков, другие, — что русских. Д. Сарабьянов, в частности, безоговорочно считает, что Кипренский представил на ней “русских путешественников, читающих сообщение о событиях в Польше” [6, с. 76]. С ним согласна и Е. Петрова, напоминая, что сам Кипренский называл персонажей “русскими путешественниками в Неаполе” и предназначал картину для графа Дмитрия Шереметева, который участвовал в подавлении польского восстания и даже получил за это награду [5, с. 18]. Граф картину, в конце концов, и купил. Но в данном случае, думается, прав все же Турчин, видящий в словах

В. Чайковская
 “Личный миф”
 Ореста
 Кипренского

О. Кипренский.
Читатели газет
в Неаполе. 1831

Кипренского о “русских путешественниках” сознательную мистификацию: “...сам Кипренский запутал вопрос о том, кто изображен в картине “Читатели газет”, ведь о поляках- героях картины — в России полагалось молчать” [7, с. 41].

В самом деле, Кипренский писал из Рима В.В. Мусину-Пушкину-Брюсу по поводу предполагаемой в Петербурге экспозиции: “Одна из сих картин изображает политическое чтение в 1831-м году. Я сцену взял с натуры. Русские путешественники в Неаполе читают *La gazette de France* статью о Польше...”⁷. Однако современник Кипренского Андрей Иванов, академический профессор, уволенный в отставку в виду плохого отзыва царя об одной из его картин, писал сыну, знаменитому в будущем живописцу Александру Иванову, что на картине изображено “несколько особ польской нации, читающих газету”. Причем считал характеры изображенных “верными и свойственными (этой — *В.Ч.*) нации”⁸.

В самом деле, четверо изображенных уже по своему внешнему виду мало напоминают русских путешественников — обычно или художников, или аристократов. Они как-то слишком раскованно держатся, свободнее одеты в какие-то домашние халаты. Один прижимает к себе маленькую собачку, другой — в смешной соломенной шапчонке с кисточкой. Они стоят на фоне темной глухой стены, но в проеме виден кусочек залива с клубящимся голубым небом и Везувием, что добавляет картине “воздуха” и общего ощущения свободы.

Действительно, зачем было русским путешественникам так внимательно слушать статью о польских событиях? А тут изображены

⁷ Орест Кипренский. Переписка, с. 181–182.
⁸ Там же, с. 465.
 Сноски надо перевести в литературу. М.М.

«ТАЙНА СЯ ВЕЛИКА...»

люди, которых читаемый вслух текст необыкновенно затрагивает и сближает, — случайно увиденная сцена могла эмоционально захватить Кипренского. Особенно вдохновенно лицо персонажа, стоящего рядом с читающим и смотрящего на зрителя или, скорее, углубленно в собственные размышления. Именно его выделил Андрей Иванов: «...одно лицо в оной (картине — *В. Ч.*), довольно значительное, как по своей правильности, так и хорошо написанное, слушает со вниманием читающего, внимание его совершенно изображено художником» [там же. с. 465].

Существует давнее предположение, что это «мятежный», высланный в 1824 году из Литвы и оказавшийся в Петербурге (и в других российских городах), а после 1829 года — за пределами Российской империи Адам Мицкевич⁹. В 1829–1830 годах и частично в 1831 году он и в самом деле жил в Италии. Кипренский его давно знал. В 1824 году в Петербурге, уже после своего первого итальянского путешествия, нарисовал его карандашный портрет в полупрофиль, где взгляд Мицкевича поражает какой-то особенной «поэтической» самоуглубленностью (ГТГ). Из-за этого взгляда он выглядит несколько старше и умудреннее своих 26 лет. Зачесанные назад темные волосы, высокий лоб, густые бакенбарды — все похоже. Если Кипренский действительно изобразил на картине опального, революционно настроенного Адама Мицкевича, то он, конечно, сильно рисковал: польского поэта в России знали в лицо. Но была особая радость у этого вечного «принца инкогнито» в том, чтобы морочить своего петербургского «покровителя» графа Дмитрия Шереметева, не спешащего с выплатой гонораров за полученные картины, и даже самого царя «мифами» о «русских путешественниках». Говорят, царь, увидев картину на академической выставке, «остался доволен» [7, с. 41] — деталь в свете сказанного особенно пикантная.

Таким образом, многое говорит, что неоднократно отмечавшиеся исследователями жизни творчества Кипренского «мистификации» были не случайным капризом, а проявлениями его «личного мифа», определившего манеру поведения мастера с собратьями-художниками и с «сильными мира».

Литература

1. *Бочаров И., Глушакова Ю.* Орест Кипренский. М., 1990. С. 331.
2. *Линник И.В.* Кипренский и культура и Запада // Орест Кипренский. Новые материалы и исследования. СПб., 1993. С. 71–72.
3. Орест Кипренский. Переписка. Переписка. Документы. Свидетельства современников. СПб., 1994.
4. *Петров-Водкин К.С.* Хлыновск. Пространство Евклида. Самаркандия. Л., 1982. С. 220.
5. *Петрова Е.Н.* Орест Кипренский М., 2000.
6. *Сарабьянов Д.В.* Орест Адамович Кипренский, Л., 1982.
7. *Турчин В.С.* Орест Кипренский. М., 1975.

⁹ Предположение, высказанное Н.И. Романовым в 1905 году. Исследователь предложил атрибуции и прочих поляков-персонажей картины [3, с.603].

ФЕНОМЕН АВТОБИОГРАФИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1–2 июня 2016 года в Научно-исследовательском университете “Высшая школа экономики” (Москва) прошла международная конференция “Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики”. Конференция была организована группой междисциплинарных исследований автобиографии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Организаторы стремились инициировать открытую дискуссию об особенностях и роли личных письменных свидетельств (эгодокументов), и методах их исследования с позиций разных областей социального и гуманитарного знания: истории, культурологии, филологии, философии, антропологии, психологии, социологии. Помимо пленарной сессии прошло работало секций, на которых исследователи из ведущих университетов и научных центров России, Нидерландов (Университет Амстердама), США (Университет штата Индиана) и Японии (Токийский университет) представили более 60 докладов¹.

Со словами приветствия к участникам конференции обратились заместитель декана факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ профессор Д.М. Носов и директор Германского исторического института в Москве профессор Николаус Катцер.

Конференцию открыл **Рудольф Деккер** (Университет Амстердама) лекцией “Долгосрочные тенденции в развитии автобиографического письма в Нидерландах после 1500 года”². Впрочем, содержание ее было гораздо шире заявленной в названии темы: резюмируя многолетнюю работу по поиску, инвентаризации и каталогизации автобиографических свидетельств, проф. Деккер обозначил несколько принципиально важных тезисов:

— систематизация эгодокументов, основанная на методах социологического анализа и статистических данных, позволяет проследить тенденции и зафиксировать изменения в социальной жизни и сознании людей конкретной эпохи;

— массовое распространение практик автобиографического письма является следствием популярности книжной продукции определенных жанров (“Тайный дневник” Каспара Лафатера, 1771; “Ис-

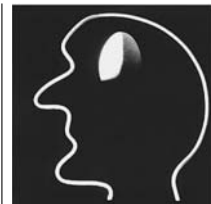
поведь” Жан-Жака Руссо, 1782), а также коммерческого интереса издателей и появления особой профессии литератора.

— гендер, классовая и религиозная принадлежность авторов, их политические убеждения, а также жанровые особенности автобиографических текстов являются ключевыми критериями в исследовательской работе с эгодокументами, позволяют в исторической перспективе оценивать изменения в обществе и сознании людей;

— эгодокументы не являются прямыми и объективными историческими свидетельствами, их интерпретация может отражать текущую политическую конъюнктуру.

Тезисы, намеченные профессором Деккером, в той или иной мере иллюстрировались в остальных докладах пленарной сессии.

Д.Ю. Дорофеев (Санкт-Петербургский горный университет) в докладе “Антропология античных ав-

**ГУМАНИТАРНАЯ
ХРОНИКА**

¹ Материалы конференции с тезисами докладов опубликованы в информационной брошюре и размещены на странице научной группы (<https://phil.hse.ru/autobio/news/185507583.html>, дата обращения 29.06.2016).
² Текст лекции публикуется в настоящем номере журнала.

ГУМАНИТАРНАЯ ХРОНИКА

токоммуникаций: специфика личного автобиографического самосознания” представил обзор разных в жанровом отношении античных текстов, воплощающих важную для духовного опыта древних практику письменного разговора с самим собой.

Е.К. Карпенко, (“Автобиографические свидетельства в междисциплинарной перспективе: инвентаризация текстов и исследовательских подходов”) проанализировала принципы периодизации и систематизации текстов в основных библиографических справочных изданиях, к которым обращаются исследователи русских личных свидетельств. **Т.А. Сабурова** (Университет штата Индиана) посвятила свой доклад исследованию мемуарного наследия общественного деятеля писательницы Ариадны Тырковой-Вильямс (1869-1962), которая после революции 1917 года стала одной из знаковых фигур эмиграции. В докладе было показано, каким образом в беллетризованных биографиях и поздних мемуарах проявляются особенности личной истории и индивидуальной памяти автора, как политические убеждения и переживания исторических событий, пространства и времени воплощались в биографических и мемуарных текстах. **Ю.П. Зарецкий** (НИУ ВШЭ) реконструировал генеалогию советской делопроизводительной автобиографии, проанализировал несколько архивных эгодокументов, составленных представителями разных социальных групп советского общества (крестьяне, священники, рабочие, ученые). Его целью было показать, что, с точки зрения жанровой структуры, делопроизводительные автобиографии не были изобретением советского режима, но воспроизводили аналогичные практики официального документооборота в бюрократическом аппарате императорской России (пример — две автобиографии А.В. Суворова). Вместе с тем тотальные практики

составления автобиографий способствовали формированию и интериоризации идентичности советского гражданина; сравнение же делопроизводительных автобиографий в разные периоды советской истории позволяет оценить характер и влияние государства на представления людей о себе, своей личной и семейной истории.

Тематические секции были организованы по предметному принципу, предполагающему междисциплинарный подход. В секциях “Литература и автобиография на перекрестке жанров и интерпретаций”, “Многообразие саморепрезентаций и интерпретаций” были представлены результаты исследований социально-критической и мифологической функции автобиографической литературы, проанализированы практики автобиографического письма на основании не только опубликованных, но и архивных эгодокументов, чьи авторы так или иначе участвовали в литературном процессе, интеллектуальной и культурной жизни своего времени.

В частности, **А.В. Попова** (Донецкий национальный университет) в докладе “Особенности реализации исповедальной интенции в “Истории моей жизни” Жорж Санд” проанализировала, как в литературной автобиографии писательницы конструируются практики женской благопристойной исповедальности и образ идеального исповедника — “читателя-друга”. **Л.А. Мартынова** (Чеховская комиссия РАН) показала, каким образом в беллетризованных мемуарах Л.А. Авиловой “А.П. Чехов в моей жизни” (1947) создается биографическая легенда о любви великого писателя, а реальные факты превращаются в факты литературной биографии автора воспоминаний. **Т.А. Снигирева** и **А.В. Подчиненов** (Уральский федеральный университет) на материале двух литературных текстов: “Таинственная страсть: роман о

шестидесятниках” В. Аксенова (2009) и “Автопортрет: Роман моей жизни” В. Войновича (2010) выделили сходства (синхронность публикации, подведение итогов, жизненная и творческая судьба героев, общий круг персонажей) и различия (способы презентации “личной памяти”, понимание достоверности) в методах конструирования литературной автобиографии: она может выступать “романом о своей жизни” (случай В. Войновича) или “романом со своим поколением и самим собой” (случай В. Аксенова). **Е. И. Воробьева** опираясь на книгу Линор Горалик “Частные лица” (2013) продемонстрировала, что в современной культурной ситуации происходит маргинализация поэзии и, как следствие, трансформируется автобиографический нарратив, который теперь строится не как уникальная история личного творчества, но как история поколения, профессиональной группы, гендера и т.п.

Блок докладов был подготовлен по неизданным личным документам известных писателей, публицистов и ученых своего времени. Так, **М.В. Михайлова** (МГУ им. М.В. Ломоносова) и **К. Рампаццо** (Падуанский университет) проанализировали автобиографическую составляющую в корпусе неопубликованных писем активного участника литературного процесса первой половины XX века Георгия Ивановича Чулкова (1879–1939), адресованных жене (около 600 писем) и возлюбленной (около 50 писем). **Т.В. Левченко** (ВНИИгеосистем, Москва) подготовила обзор недавно открытого личного архива литературного критика и полемиста Федора Левина (1901–1972), важную часть которого составляют дневники и автобиографические сочинения: “История моего космополитизма” (1958), “Коктебельская тетрадь” (1962), “Записки в стол” (1962–1972), “Автобиография” (1966). Эти документы интересны не только в качестве свидетельства

о литературном процессе 1960–70 годов, но и как пример духовной практики человека, реализующего таким образом свое право на личную и профессиональную свободу мысли и убеждений вопреки господствующим идеологическим установкам.

Принципиально иной пример автобиографического письма представила **Ю.В. Клочкова** (Екатеринбургский государственный театральный институт), проанализировав мемуары Софьи Семеновны Чекиной, сотрудницы Наркомпроса и Главреперткома, работавшей в провинциальных и столичных театрах. Написанный в 1948 году текст является документально-эталонным описанием служебной деятельности автора, содержание жизни описывается и оценивается в терминах большой истории и в связи с моральными и идеологическими задачами, стоявшими перед работником соответствующих институций.

А.В. Шаманаев (Уральский федеральный университет), **М.С. Рыбина** (Башкирский государственный педагогический университет) и **М.Ю. Роцин** (Институт востоковедения РАН) в своих докладах проанализировали автобиографии, написанные учеными-гуманитариями в разные периоды их творческой и личной биографии. В опубликованных в 1886 году мемуарах историка, археолога, одного из основателей Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевича (1806–1883) А.В. Шаманаев увидел показательный пример автобиографического свидетельства представителя русской провинциальной интеллигенции XIX века. “Ленинградская тетрадь” (1952)³, написанная в 18 лет будущим филологом, профессором русской литературы Башкирского государственного университета Р.Г. Назировым (1934–2004), по мнению М.С. Рыбиной, является “литературной лабораторией”, где автор конструирует свой жизненный опыт по аналогии с сюжетом “романа карье-

Е. Карпенко
Феномен
автобиографии:
междисциплинарные
исследования

³ Фрагменты опубликованы в журнале “Нева”, 2014. № 6.

ГУМАНИТАРНАЯ ХРОНИКА

ры”, и ретроспективно портретом ученого в юности, когда юношеский взгляд фиксирует то, чему впоследствии ученый посвятит свои исследования. “Автобиографическая справка” (1966)⁴, написанная на русском языке за четыре года до смерти всемирно известным историком исмаилитской литературы В.А. Ивановым (1886–1970, Тегеран), была представлена М.Ю. Рощиным как образцовый пример жизни свободного от политики и идеологии исследователя, бескорыстного служителя науки, который с 1918 года жил и работал на Ближнем Востоке и в Индии и при этом до конца своей жизни сохранял профессиональную идентичность — сотрудника отдела рукописей Азиатского музея в Санкт-Петербурге.

В секциях: “Из архивов: голоса и судьбы”, “История России о первого лица”, “Голоса женщин” обсуждались конкретные случаи автобиографических практик, а также значение эгодокументов для социальной истории и исторической антропологии, истории повседневности, гендерной истории.

И.П. Кулакова (МГУ им.

М.В. Ломоносова) выделила ряд культурно-исторических причин, в силу которых в XVIII веке россияне, принадлежавшие к определенной социальной группе, начинают практиковать ведение дневников. Это — традиция письменного обращения подданных к государю, систематическое упражнение в письме и новая система государственного управления и делопроизводства, введенная при Петре I, трансфер идей европейского Просвещения. Кроме того, в докладе была обоснована связь жанровых особенностей личных свидетельств, социального статуса автора и обстоятельств автобиографического письма: “государев человек” (дворянин), купец, образованный разночинец. Также на примере двух эгодокументов: “Дневник поручика Васильева” (1774–1777) и “Дневника масона Алексея Яковлевича Ильи-

на” (1775–1776) были показаны способы усвоения русскими людьми навыка письменной автокоммуникации, самоописания и самоанализа.

Р.П. Биланчук (Вологодский государственный университет) познакомил исследователей с практически неизвестным сочинением первой трети XVIII в. “Летописец о препровождении маловременныя настоящая сея жизни” Матвея Жданова (1661–1736)⁵, который во время петровских реформ сделал карьеру от подьячего до коменданта Пустоозерска. Этот текст является одним из самых ранних документов автобиографического характера, появившихся в русской провинции в среде незнатных горожан. **А.Е. Агеева** (Музей истории МГУ им. М.В. Ломоносова) на основании анализа архивных документов обнаружила в следственных делах и личной переписке автобиографические сюжеты, восходящие к традиции старообрядчества, и реконструировала биографии духовных лидеров староверия XIX века.: Сергея Семеновича Гнусина (1765–1839) и Геннадия, епископа пермского (1825–1892).

А.В. Крестьянинов (Казанский федеральный университет) представил частично опубликованные автобиографические заметки православного миссионера в Казани Евфимия Александровича Малова (1835 — 1918) как интеллектуальные и духовные упражнения проповедника, которые могли бы стать основой “учебных пособий” для священников в поликонфессиональных приходах.

Н.А. Родионова (НИУ ВШЭ) на материале неопубликованной переписки генерала А.А. Брусилова с женой во время Первой мировой войны⁶ реконструировала базовые ценности, эмоциональное состояние, моральные дилеммы человека, от решений которого зависят жизни многих людей.

Серия докладов была посвящена женским автобиографическим практикам, прежде всего днев-

⁴ Опубликовано в “Петербургском востоковедении”. Вып. 10. СПб. 2002.2
Текст лекции публикуется в настоящем номере журнала.
⁵ ОР БАН. 45.13.2

никам. Так **З.В. Шушпанова** проанализировала “Дневник русской женщины” Елизаветы Дьяконовой (1874–1902)⁷, в частности, то, как менялся внутренний мир и религиозное чувство женщины-провинциалки, приехавшей в Петербург, как происходило интеллектуальное и духовное взросление под влиянием школьного и высшего образования, чтения и духовного общения. **И.Н. Минеева** (Петрозаводский государственный университет) на материале юношеского дневника В.А. Горной (р.1924), написанного в период Второй мировой войны, показала, как практика ведения дневника примиряет автора с травматическим опытом войны, эвакуации в Узбекистан и лишений; при этом главным содержанием письма становятся размышления о сути и ценностной основе происходящего, осмысление идеологических установок и стереотипов, особенности культуры и взаимоотношения между русскими, евреями и узбеками. Важным мотивом написания дневника оказывается духовное самосохранение, чему способствует чтение целенаправленно отобранных книг. Горная практикует разные языковые регистры, переходит с русского на английский язык, что позволяет ей в игровой форме справляться с травматической ситуацией.

Стоит отметить особый интерес исследователей к автобиографическим свидетельствам советских людей. Так, **Л.Е. Терещенков** (РГИА) проанализировал принципы и методы конструирования воспоминаний о революции и гражданской войне, написание которых было инициировано Комиссией по изучению истории революционного движения и гражданской войны при ЦК РКП(б)-ВКП(б) (Истпарт, 1920–1928). **Е.А. Зайцева-Баум** (МГУ им. М.В. Ломоносова) на материалах эгодокументов 1920–1930 годов из архива НИИ Химии МГУ реконструировала процесс вхождения советских женщин в научное сообщество в качестве

научных работников, проанализировала, как трансформировались их научные интересы в ситуации изменяющегося идеологического контекста. **С.И. Быкова** (Уральский федеральный университет) сравнила дневниковые записи из личных архивов двух молодых людей первого “советского” поколения: сына свердловского чиновника Евгения Давыдова (1920 г.р.) и сына сосланного крестьянина Ивана Хрипунова (1923 г.р.) и обнаружила общность мировоззренческих установок, подкрепленную влиянием литературного чтения, на сознание молодых людей. **М.М. Наумова** (НИУ ВШЭ) в докладе “Детские свидетельства о себе в журналах “Пионер” и “Чиж” 1930-х гг.” проанализировала, каким образом официальная детская и юношеская периодика воспитывала в молодом поколении определенные ценностные установки.

Отдельная секция была посвящена делопроизводственным автобиографиям, их типам, социальным функциям и интерпретациям. **С.В. Волошина** и **А.В. Литвинов** (Национальный исследовательский Томский государственный университет) проанализировали типы формальных бланков, композицию и содержание делопроизводственных автобиографий, их речевые и стилистические особенности на материале 300 документов, написанных жителями Томска с конца 1920-х по 1990-е годы. **А.П. Килин** (Уральский федеральный университет) в докладе “Автобиография в структуре судебно-следственных дел Уральского областного суда (1923–1934 гг.)” представил результаты исследования автобиографий обвиняемых в экономических преступлениях предпринимателей и чиновников по материалам следственных процессов периода НЭПа, отметил сходства и различия в их жизненных стратегиях, в частности, показал, что автобиографии писались с целью демонстрации лояльности власти, гражданской благонадежности, упоминания заслуг человека и т.п.

Е. Карпенко
Феномен
автобиографии:
междисциплинарные
исследования

⁶ ГА РФ. Ф. 5972.
Оп. 3. Д. 59, 60, 70
⁷ Опубликовано
в 1904–1905 годах.

ГУМАНИТАРНАЯ ХРОНИКА

Иную функцию выполняли публицитические автобиографии заключенных ГУЛАГа. **Ю.В. Матвеева** (Уральский федеральный университет) на основании анализа автобиографической прозы эмигранта “второй волны” Геннадия Андреева (Хомякова) (1910-1984) показала, как личный опыт (Соловецкий лагерь, война и немецкий концлагерь) становится основным содержанием литературы свидетельства, в которой известные факты оцениваются и интерпретируются с точки зрения авторской позиции. **И.А. Мартынов** и **Г.В. Кузовкин** (НИПЦ Мемориал, г. Москва) представили проект сравнительного иконографического исследования фото(авто)биографии двух ключевых фигур позднесоветского нон-конформизма — А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова. В качестве материала был выбран корпус фотографий, опубликованных в альбомах-вклейках вместе с текстами воспоминаний⁸.

Специальные тематические секции были посвящены философской рефлексии и автобиографическим практикам, а также экзистенциальному и социальному измерению эгодокументов. Исследователи анализировали военные дневники и опыт философской автобиографии в интеллектуальном наследии Ж.-П. Сартра (**Е.В. Золотухина-Аболина**, **Н.С. Шуринова**, Южный федеральный университет, Ростов на Дону), спорили о феномене Льва Толстого—автобиографа (**И.Ф. Салманова**, Белгородский государственный институт искусств и культуры), а также о мировоззренческих различиях опыта философской автобиографии Василия Розанова и Николая Бердяева (**С.М. Климова**, НИУ ВШЭ).

К.В. Солоед (Институт практической психологии и психоанализа) показала на примерах автобиографических интервью с жертвами сталинских репрессий и фашистских концлагерей, как можно анализировать и интерпретировать автобиографические свидетельства

методами психоанализа. **А.Б. Салихова**, (МГУ им. М.В. Ломоносова) и **Итая Томоаки** (Токийский университет) в докладе “Автобиографическое в памяти о местах: идентичность, феноменология и функции памяти” представили результаты исследования 83 испытуемых, которым было предложено вспомнить и описать образы мест, значимых для личной, социальной и национальной идентичности. Анализ ответов позволил выделить различия в содержательном, феноменологическом и функциональном аспектах образов памятных мест. **Н.К. Радина** (НИУ ВШЭ, Нижний Новгород) на материале проблемно-ориентированных неструктурированных биографических интервью 108 горожан описала закономерности в конструировании жизненного сценария, которые основаны на связи прошлого травматического опыта с представлением о настоящем в личной истории (гипотеза А. Адлера). **А.Н. Липасова** (НИУ ВШЭ) проанализировала автобиографические нарративы современных российских отцов, принадлежащих к разным социальным группам, и предложила типологию нарративов на основании типов вовлеченности отца в родительские практики.

В секции “Теории и методы исследования” обсуждались факторы, влияющие на успешность междисциплинарных исследований, а также конкретные проекты и базы данных, такие как Биографический фонд СИ РАН (**О.Б. Божков**, **С.Н. Игнатова**, Социологический институт РАН, Санкт Петербург; **Ю.Е. Зайцева**, СПбГУ). Были представлены доклады, уточняющие основные понятия социально-критического и дискурсивного анализа, а также их инструментарий для анализа эгодокументов (**Е.Ю. Рождественская**, НИУ ВШЭ, **Р.С. Черепанова**, Южно-Уральский государственный университет). **В.В. Глебкин** (РАН-ХИГС, гимназия №1514, Москва) предложил к обсуждению три тези-

⁸ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом... М.: Согласие, 1996; Сахаров А.Д. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1990).

са об автобиографии в проблемном поле когнитивной науки.

Автобиографические исследования в европейском контексте были представлены докладами **С.Ю. Павловой** (Саратовский национальный исследовательский государственный университет) об истории возникновения и формирования жанра мемуаров во Франции XVII века, а также о политических и культурных причинах, обусловивших его популярность в среде придворной аристократии. **О.А. Бурина** (НИУ ВШЭ) сравнила полноту изданий и качество переводов Дневника Феликса Платтера (1536-1614), которые публиковались французскими и английскими издателями в XIX и XX веках, и обосновала релевантность изданий 1878, 1892 и 1961 годов оригинальному источнику.

Два доклада, подготовленные по материалам из личных архивов, были посвящены тому, как конкретные люди, представители профессиональной элиты, фиксировали и осмысливали свой личный и семейный опыт в ситуации радикальных перемен, происходивших в России в начале XX века. **Н.С. Демкова** (СПбГУ) и **С.А. Лунц** (ИРЛИ РАН) подготовили к публикации “Ежегодник моей жизни” С. Д. Чечулина (1866–1940), который сохранил дневниковые записи с 1885 по 1922 годы, а также воспоминания о детстве и последних годах жизни. Посвященный жене и адресованный детям, дневник позволяет увидеть эпоху разрушения империи, повседневную жизнь малых городов России глазами железнодорожного врача. Завершал конференцию доклад **В.О. Васильевой** (НИУ ВШЭ) “Любительские занятия семейной историей: случай инженера Н.М. Щапова (1881-1960)”. В выступлении были представлены материалы личного архива представителя технической интеллигенции, профессионально успешного как до 1917-го года, так

и при советской власти; проанализированы любительские практики Н.М. Щапова по семейно-генеалогической реконструкции, которые включали семейный архив, фотоархив, работу с воспоминаниями живых свидетелей и создание собственного повествования об истории семьи в письменной форме. В заключении В.О. Васильева отметила примечательный факт, который еще предстоит осмыслить и объяснить: основной массив коллекции семейных фотографий и прочих документов приходится на дореволюционный период; с 1920-х гг. Щапова-фотографа интересуют, главным образом, индустриальные и городские пейзажи.

Подводя итог двум дням крайне напряженной и плодотворной работы, отмечу как председатель оргкомитета, что результаты конференции превзошли все ожидания и планы. На одной площадке удалось собрать представителей разных научных школ и исследовательских центров, создать условия для живого общения, обмена идеями, обсуждения проектов и результатов исследований. Масштабы мероприятия — а мы получили около 90 тезисов — показывают, что интерес научного сообщества к “историческим” людям и их свидетельствам о себе крайне высок: ведется активная работа по поиску и введению в оборот новых документов, создаются базы данных, фиксируется и анализируется актуальный автобиографический опыт наших современников. Самый же важный вывод по итогам конференции состоит в том, что научное сообщество исследователей эгодокументов в России является реальным, а принцип междисциплинарности объединяет представителей разных областей социального и гуманитарного знания.

©2016 *Е.К. КАРПЕНКО*,
кандидат философских наук,
доцент НИУ ВШЭ

Е. Карпенко
Феномен
автобиографии:
междисциплинарные
исследования

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

ОТ КАРЛА МАРКСА К КАРЛУ БАРТУ

В издательстве Библейско-богословского института вышел в свет четвертый том “Церковной догматики” крупнейшего протестантского теолога XX века Карла Барта (1886–1968)¹. Всё издание предположительно должно состоять из пяти томов, включающих ключевые разделы теологической эпопеи, писавшейся Бартом с 1932 по 1965 гг.

Фундаментальная текстовая тетрактида заставляет испытывать пиетет перед этим внушительным трудом. В отдаленном прошлом похожие чувства российские читатели могли испытывать разве что перед “Капиталом” Карла Маркса. Тогда о Карле Барте никто и слыхом не слыхивал. Однако *tempora mutantur et nos mutamur in illis*. Стрелка внутреннего указателя многих поменяла направление. Маркс стал малоинтересен, тем более, что его идеям так и не удалось повысить количество обещанного счастья на душу населения. Нас потянуло от приземленного материализма в совершенно другую сторону, к полузагадочным текстам людей с непривычными именами — Бультман, Бонхеффер, Тиллих, Ранер, Блондель, Бальтазар. Марксистская гавань теснила ум, душу и дух, вызывая только одно желание — скорее покинуть ее.

В неведомых далах обозначился маящий к себе континент западной теологии с ее особыми интеллектуальными сюжетами. Этот мир оказался богат тем, что М.М. Бахтин называл “неограниченными массами забытых смыслов”. Надо было снаряжать свои умственные шхуны и опрavelяться, подобно Колумбу, открывать для себя эту интеллектуальную Америку.

Конечно, в случае с Бартом отечественные гуманитарии оказались

едва ли не позади планеты всей. На фоне его экстраординарной популярности во всем мире наши первые робкие шажки в его сторону выглядят, вероятно, неловкими. Но делать нечего, приходится признать это и продолжать продвижение.

Интеллектуал-аутсайдер

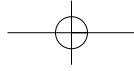
Далеко не всякий мыслитель способен справиться с выполнением двойной функции — обеспечить современников и потомков как интеллектуальной, так и духовной пищей. Но Барт, по общему признанию, оказался способен. В этом одна из разгадок его уникальной популярности среди ценителей серьезной, не массовой культуры.

Имя Карла Барта, ставшего столпом современной теологии, сегодня ставят сразу же за именами Мартина Лютера и Жана Кальвина. В рамках XX века его фигура сопоставима разве что с таким гигантом мысли, как Мартин Хайдеггер.

Освоение наследия великого швейцарца — задача не менее трудная, чем освоение стотомника великого немца. А, может быть, даже более сложная, поскольку требует и философской, и богословской подготовки. Впрочем, пишет Барт легко и красиво, причем через внешне привлекательное письмо он умеет передавать движения напряженной мысли. Это сближает его с Лютером, также мастерски владевшим искусством говорить просто о сложном.

Барт был хорошо подготовлен для поджидавшего его поприща. Он вырос в протестантской семье пастора реформатской церкви, ставшего затем профессором богословия. Получил хорошее университетское теологическое образование, слушал

¹ Барт К. Церковная догматика. Том I, II, III, IV / Пер. с нем. (Сер. “Современное богословие”). М.: Библейско-богословский институт. 2007, 2011, 2014, 2015.

лекции Когена и Наторпа. Имел практический опыт пастырского служения, позволявший ему впоследствии видеть проблемы духовной жизни, которые оставались скрытыми от теоретиков с сугубо академическим кругозором.

Став пастором, Барт обнаружил, что либеральное богословие, привыкшее заигрывать с духом секуляризма и даже заискивать перед ним, совершенно не годится там, где надо решать обычные, повседневные, душепопечительские вопросы. Теоретические конструкции, изобретенные университетскими профессорами, не желали сраться с нуждами простых прихожан. Выход из тупика Барт находит в знаменитом лютеровском кличе "Sola Scriptura!" ("Только Писание!"). На помощь приходит Библия. Молодой пастор погружается в ее чтение и заново открывает для себя мир божественного откровения Ветхого и Нового Заветов. На собственном опыте он убеждается в правоте Лютера и Реформации, признавших авторитет Библии выше авторитета церкви и поставивших ее во главу угла духовной жизни христианина. На протяжении всей жизни он будет каждодневно убеждаться, что нет таких текстов, которые хотя бы в чем-то превосходили Библию. Никакие научные, философские и даже богословские трактаты не могут сравниться с ней. На волне этой уверенности Барт врывается в большую теологию книгой "Послание к Римлянам" (1919), направленной против устоев либеральной теологии. Современников она поразила мощным духом интеллектуального нонконформизма.

Либеральное богословие вызвало у Барта решительную антипатию своей излишней покладистостью, готовностью легко идти на компромиссы с духом секуляризма, а также стремлением покомфортнее устроиться в дружеском соседстве с той интеллектуальной средой, которую его французский однофамилец Ролан Барт назвал "фаустовским пространством гре-

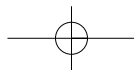
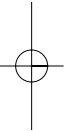
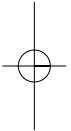
ха". В этом максимализме было то, что роднило его с Лютером и Кальвином и отделяло от инертных, мягкотелых либеральных теологов. Способность чувствовать допустимые пределы толерантного отношения к христианскому разномыслию и вольномыслию всегда была сильной стороной Барта.

Обновление теологической позиции, принесшее Барту мировую известность, имело явную политическую мотивацию. Ему довелось пережить самые трагические события в судьбе Германии XX века, связанные с мировыми войнами. Впоследствии он писал о "черном дне" в августе 1914 года, когда было опубликовано заявление 93-х немецких интеллектуалов в поддержку военной политики кайзера Вильгельма II. Барт признался, что с ужасом увидел в списке имен почти всех своих учителей теологии, которых глубоко чтит. Пережив сильнейшее духовное потрясение, разочаровавшись в их "этосе", он понял, что уже не сможет следовать их пониманию Библии, догматики, истории, этики. Отныне в его глазах представляемая ими либеральная теология больше не имела ценности.

Признание пришло к Барту не сразу. На протяжении двадцати с лишним лет "Церковная догматика" (далее — ЦД) и он сам подвергались регулярным нападкам либеральных богословов. Их пугали его консерватизм, излишне глубокая укорененность в евангельской ортодоксии. Либеральной теологической мысли нравилось гулять на непомерно длинном поводке раскованной вольноотпущенности, постоянно забредая на территории секулярного рассудка и временами напрочь забывая о Боге, Библии и вере. И она, конечно же, увидела в Барте угрозу своему зашкаливающему вольномыслию.

Карл Барт олицетворяет любопытнейший феномен культуры позднего модерна. Он продемонстрировал, что в условиях повального увлечения модернистскими изысканиями мыслитель, находящийся

В. Бачинин
От Карла Маркса
к Карлу Барту

в максимальном удалении от вольных интеллектуальных стрелков и модных новаторов, может успешно соперничать с ними, не уступать им в популярности и заметно превосходить своей продуктивностью. И дело здесь не только в гигантских масштабах дарования Барта как мыслителя. Главная причина скрыта глубже. Она — в насущной потребности гуманитарной, философской, теологической мысли в прочности своих оснований, в фундаментальности собственных построений. Многие увидели в Барте флагмана, в кильватере которого можно было вырваться из стихии модернистско-постмодернистского релятивизма.

Теология кризиса

Барт — интеллектуал-максималист. Его влекут только самые крупные предметы и самые важные проблемы. Он ставит перед собой масштабные цели и решает сложные задачи. В одном из выступлений он объяснил суть замысла «ЦД» при помощи динамической метафоры. Мол, центральную для него тему божественного откровения, можно сравнить с громадой величественной, очень красивой горы. А он — всего лишь путешественник, который многократно обходит ее, любуясь и восхищаясь открывающимися мощью, красотой и величием. Обнаруживая с каждым следующим обходом все новые поводы для интеллектуальных восторгов, он стремится передать свои впечатления другим людям, чтобы и они приобщились к этой божественной красоте и мудрости.

Барт выказывает себя теологом с широчайшим кругозором. Он не замыкается в богословии, не игнорирует философию и регулярно спускается с теологических вершин в метафизические долины, где вступает в поединки с крупнейшими европейскими мыслителями, дискутирует с Лейбницем, Шлеймахером, Фихте, Ницше, Сартром, Хайдеггером.

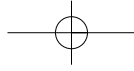
Барт отважно сражается с Кантом, объявившим учение о Троице бесполезной богословской фигурой, воздвигает мощную доказательную конструкцию, обосновывающую ценность тринитарного мышления. В итоге базовый догмат, составляющий сердцевину христианского учения, приобретает блистательное интеллектуально-аналитическое сопровождение, на какое в наше секулярное время уже, казалось бы, и рассчитывать не приходилось.

Барт уделяет значительное внимание философии Ницше и его герою Заратустре. Глубина и тонкость бартовской аналитики делают ее образцом критики ницшеанства.

Для российского читателя особый интерес представляют точки соприкосновения Барта с Ф.М. Достоевским, чьи идеи оказали на него определенное влияние. Прежде всего это мысль о мощи иррациональных начал греха, живущих в человеке, властно детерминирующих его жизненный путь, мешающих ему приблизиться к Богу и приводящих к глубоким кризисам духа в личной и общественно-исторической жизни. Кризис наступает тогда, когда человек выказывает свою несостоятельность в выстраивании должных отношений с Богом, становится радикальным, сильнодействующим средством, которое Бог использует, чтобы основательно встряхнуть человеческое существо, дать ему спасительный шанс, заставить задуматься, одуматься и измениться.

Мыслитель чрезвычайно усложнил наше понимание природы социально-исторических кризисов, продемонстрировав продуктивность теологической методологии, ее способность выявлять множество таких смысловых граней и оттенков в феномене кризиса, которые без нее невозможно разглядеть.

Барт убежден: Бог не вмещается в пространство человеческой культуры, даже самые блистательные духовные ценности, гениальные шедевры литературы и искусства, лучшие философские трактаты

ты бледнеют рядом с Его мудростью, сосредоточенной в Его Слове, в библейском тексте. Культурные артефакты редко оказываются в состоянии спасти человека и его душу. Самое большое, на что они способны в экзистенциальном плане — это инициировать внутренний кризис личности, указать на духовную несостоятельность ее мировоззренческой позиции и тем самым подготовить ее к восприятию библейской мудрости.

Голос Бога, взывающий к человеку и требующий от него серьезных перемен в своих воззрениях, может прозвучать откуда угодно. И если у человека духовный слух не притуплен, то у него есть шанс выйти из кризиса посредством метаноии и катарсиса.

Кризис действует как темная, строптивая, неблагодарная сила. Он идет на рожон, наперекор порядку вещей, открыто ломится во все двери, ставит под сомнение существование абсолютно всего. Он задает работу человеческому уму, превращая в проблему любую втянутую в его поле форму сущего и должного. Обрушивая иерархии привычных смыслов, отменяя устоявшиеся оценки, сдвигая критерии, делая непригодной обычную шкалу ценностей, он «ставит на попа» главные экзистенциальные смыслы.

Для Барта важно, что в этимологии слова кризис (греч. *krisis* — решение, приговор, суд) присутствует смысл, тождественный содержанию понятия *суд*. Кризисы всякой предметности, всякой плоти, всякого человека свидетельствуют, что Бог не просто властвует над ними, но и судит их.

Человек не располагает собственными достаточными средствами спасения, инициатива такого спасения всегда принадлежит Богу. Кризис-суд, грозящий уничтожением, приводит личность к самоотрицанию-самоуничтожению, пониманию своей полной зависимости от воли Творца. А вслед за пониманием приходит и надежда на спасение. Фаза духовного умирания сменяется фазой духовного воскресения.

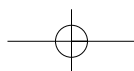
Всесторонний, скрупулезный анализ разрывов, надломов, разломов, настаигающих человеческое «я», отрывающих его от Бога, наносящих сокрушительные поражения индивидуальному духу, опрокидывающих рассудок, сминающих ментальные структуры, составляет теологию кризиса Барта.

Теология зла: ничтожное

Идеи своей теологии зла Барт черпал не только из философских и богословских трактатов, но и из области непосредственных жизненных впечатлений. Следует помнить, что «Церковная догматика» была начата почти одновременно с приходом Гитлера к власти. Около половины всего текста написано непосредственным свидетелем того почти апокалипсического кошмара, который переживал европейский мир. Барт каждодневно ощущал огнедышащее зловоние, исходившее из зева нацистского левиафана. И это отразилось на его творчестве: тема зла заняла важное место в «ЦД».

Барт наблюдал и взлет Гитлера, и его падение. Много лет перед его глазами зиял умопомрачительный парадокс триумфа духовного ничтожества. В том, как духовно убогое существо взмыло над всем миром и возжелало стать его хозяином и господином, присутствовал фермент мрачной загадочности. В этом парадоксе было что-то унижительное для нормального человеческого разума. Он занозой сидел в сознании множества людей и не давал покоя. Барт с его высокогорным, заоблачным богословием не являлся исключением. Его теологическое сознание было обеспокоено темой трансформации зла, загадкой невиданного триумфа ничтожеств. И он предложил свою разгадку, ни в малейшей степени не пожертвовав теологией, не ударившись в психологию, социологию и политологию. Он остался богословом и применил имевшуюся в его распоряжении богословскую оптику для анализа тайны зла. Результат оказался впечатляющим и весьма поучительным.

В. Бачинин
От Карла Маркса
к Карлу Барту

По мысли Барта, основная вина трагических травм, разрывов и сломов ложится на некую специфическую данность, на совершенно особое нечто, которому он дает свое название — *ничтожное*. Этим словом Барт маркирует злое, смертельно опасное начало, находящееся в коренном разладе с Божьим порядком. Уже самим актом подобного проименования острая мысль теолога ухватывает этот неблагоприятный предмет исследования за его самое существенное свойство и бесцеремонно выволакивает на свет беспощадного анализа. Умственному взору читателя предстает темное скопище негативности, жалкое в своей неказистой ничтожности, отвратительное в своем аморальном безобразии и смертельно опасное в своей готовности все осквернить, растлить, разложить, растоптать и уничтожить. Враждебное Богу, оно временами может взмывать, подобно коршуну, и чувствовать себя триумфатором.

В том, как Барт изображает ничтожное, есть нечто парадоксальное. В своих функциональных, то есть разрушительных проявлениях оно оказывается совсем не ничтожным, а, напротив, сильным и даже могущественным, способным радикально влиять на судьбы мира и людей. Ничтожное — не значит слабосильное, ведь, как известно, крохотная, но смертельно опасная бацилла способна, при определенном стечении обстоятельств принести неисчислимы бедствия множеству людей.

Ничтожное наделено свойством прилепляться к тому, что не является ничтожным. Так оно маскируется, выжидает, приобретает алиби, исподтишка осуществляя разрушительные действия. Умение маскироваться, которым оно мастерски владеет, позволяет ему долго оставаться неузнанным. Его истинная суть, вызывающая изумление и растерянное недоумение, испуг и отвращение, остается до поры до времени скрытой, чтобы в конце концов обнаружить себя во всей красе.

Ничтожное — непримиримый, несправимый, беспощадный враг бытия, тварного мира, самой жизни. Перед этим врагом ни в коем случае нельзя капитулировать. Он не является носителем каких-то временных, простительных, преодолимых недостатков. В нем сосредоточена гигантская концентрация подлинного, стопроцентного зла, в его бытии нет ни единого смысла, который оправдывал бы его. В нем нет *ничего*, что позволяло бы идти с ним на компромиссы и заключать перемирия.

* * *

Давно замечено: чем глубже копает мыслитель, тем шире круг людей, которым близки его мысли. В глубоком уважении и даже любви к Карлу Барту сегодня признаются, помимо протестантов, и католики, и православные, и атеисты. Его могучий интеллект и твердая вера, облекшиеся в глубокие по содержанию и блестящие по форме мысли, не оставляют места для сонного равнодушия.

Можно, конечно, понять издателей, у которых не хватило духу издавать перевод «ЦД» целиком, в его идентичности многотомнику оригинала. Уж слишком монументален последний: различные издания «ЦД» состоят из 13-ти, 14-ти и даже 31-го тома (с подробными примечаниями и комментариями). А это слишком твердая пища для нежного возраста наших формирующихся механизмов восприятия современной западной теологии. Потому, вероятно, издатели ограничились публикацией избранных фрагментов текста «ЦД». Но, как говорится, и за это большое спасибо. А поскольку выпущенные в свет тома на книжных прилавках не залеживаются, то нет сомнений, что со временем полный русский перевод всей «ЦД» непременно появится. Уж слишком крупной фигурой является ее автор. Поэтому пожелаем себе: «Читать и перечитывать Карла Барта!»

© 2016 В.А. БАЧИНИН,
доктор социологических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

ДУХОВНЫЙ РЕЗОНАНС СО ВРЕМЕНЕМ. ТВОРЧЕСТВО И СУДЬБА ДАНИИЛА ГРАНИНА

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов в серии «Почетные доктора университета» издал книгу выдающегося писателя Даниила Гранина «Интеллегенды. Статьи. Выступления. Эссе»¹. Сборник включает четыре раздела: «Война», «Литература», «Петербург и интеллигенция», «О душе». В книгу вошли рассказы о М. Горьком, И. Бунине, В. Шкловском, Н. Сладкове, избранные интервью писателя, в которых он рассказывает об истории создания «Блокадной книги» и биографии Н.В. Тимофеева-Ресовского, размышляет об отечественной истории, о войне и блокаде, о судьбах российской интеллигенции, проблемах и перспективах российского общества после распада СССР. В издание вошли также выступления и лекции Д.А. Гранина в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов — Даниил Гранин является почетным доктором университета, часто выступает перед студентами и преподавателями вуза, принимает активное участие в работе различных общественных и научных форумах.

Духовно-нравственная миссия писателя

По концепции известного психолога и писателя Э. Эриксона, ис-

точником гениальности является подобие человека и времени, когда личностная боль творца резонирует с актуальной проблематикой общества, когда модель индивидуального «исцеления» становится одновременно проектом духовного оздоровления культуры и общества.

Творчество и судьба Даниила Гранина полностью вписывается в эту концепцию. Издание представляет нам писателя с философским взглядом на мир, яркого и оригинального мыслителя, затрагивающего вечные вопросы бытия: свободы и ответственности, нравственности и совести, жизни и смерти. Публицистика Гранина — увлекательное нравственно поучительное путешествие во времени, в котором сливаются воедино художественность и документальность, исторические факты и детали судьбы конкретного человека. Нравственно ответственное слово писателя несет веру в человека и его созидательные возможности, надежду на лучшие для Родины времена. Публичные выступления и интервью писателя — это усилия подвижника, пытающегося наполнить смыслом духовную пустоту эпохи потребительства, гедонизма и лжи. Гранин умеет быть поучительным без назидательности, соединяя в своем творчестве глу-

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

¹ Даниил Гранин. Интеллегенды: статьи, выступления, эссе. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: СПбГУП, 2015. 640 с. (Почетные доктора Университета). Слово «интеллегенды» — неологизм автора, сочетающий в себе два понятия — «интеллигент» и «легенда».

бинный анализ проблем с простой изложения своих мыслей. Даниил Александрович постоянно подчеркивает, что его задача — ставить диагноз, а не давать рецепты. Между тем рецептом исцеления современного общества становится сама жизнь и судьба писателя, его глубокое понимание экзистенциальных проблем и чаяний человека.

В судьбе и творчестве Даниила Александровича, помимо писательской деятельности, была и миссионерская составляющая, смысл которой заключается в духовно-нравственном служении истине, правде и справедливости, в стремлении ставить не всегда приятный диагноз человеку и обществу. В этом плане Гранин повторяет судьбу русского философа Александра Зиновьева. На одной из встреч в нашем университете Зиновьеву был задан вопрос: почему вы так резко и категорично высказываетесь о реалиях этого мира? Ответ был таков: “Представьте, что группа слепцов, ведомая таким же слепым вожаком, приближается к пропасти, и гибель их неминуема. Я могу их спасти только одним: громко крикнуть “остановитесь!”. Именно в этом состоит смысл моей философской и социологической публицистики — крикнуть этому миру, который катится к пропасти, не ведая того, что он творит”.

По словам Даниила Александровича, беда наша в том, что “мы живем без будущего, во всяком случае, наше обыденное сознание начисто лишилось представления о будущем: куда мы идем, какие перспективы у нас, чего добиваемся, чего хотим. Это ненормальное состояние жизни не только для общества, но и для каждого человека”. Огромный жизненный опыт, способность чувствовать истину душой дают писателю право говорить о бессердечии и бессовестности нашего времени, о бездуховности человека, “зияющих

пустотах” в сегодняшней русской культуре, об утрате духовной миссии писательского Логоса. “Мне не нравится нынешнее время. Оно полно надувательства и фальши. В герои выходят бездари и проходимцы: жулики!. ...Мы еле удерживаемся, чтобы не зарости шерстью, не рычать”.

“Моя война пахнет страхом и солдатским потом”

В марте 2011 года на встрече с читателями в Центральной городской библиотеке им. Маяковского писатель так сказал о замысле романа “Мой лейтенант”: “Я не хотел писать про войну, у меня были другие темы, но моя война оставалась нетронутой, она была единственная война в истории Второй мировой войны, которая проходила два с половиной года в окопах, — все 900 блокадных дней. Мы жили и воевали в окопах, мы хоронили наших погибших на кладбищах, пережили тяжелейший окопный быт”. Писатель говорит о великой миссии исторической памяти, которая лежит в основе культуры, составляет ее глубинные истоки. Ядро духовного опыта народа составляет память человеческого подвига: “Никто не забыт и ничто не забыто”, — слова Ольги Берггольц, высеченные на камнях Пискаревского кладбища, были прежде всего призывом, мольбой, обещанием. С годами их превратили в успокаивающее заверение, ибо на самом деле, на месте имен все чаще водружаются общие обелиски”. “Из всех кладбищ самые мертвые — воинские. Из всех могил самые усопшие — солдатские. Ряды одинаковых каменных крестов расходятся вширь и вглубь. Ни эпитафий, ни портретов, никаких аллегорий. Как шли строим на параде, так и уходят в вечность”.

Читая воспоминания Гранина о военном времени, трудно изба-

виться от чувства благодарности молоденькому пареньку, который ушел на фронт добровольцем², прошел мясорубку отступления и Лужский рубеж, которому посчастливилось не погибнуть под пулей и не умереть с голоду в окопах под Ленинградом. И предупреждением современной Европе звучат слова Гранина о фашизме — самой опасной и губительной для человечества болезни ненависти и непримиримости, тяжком преступлении, которое не подлежит амнистии истории. Эту болезнь спровоцировали идеологи и политики, *“но люди, обольщенные фашистской пропагандой, были жертвами в руках правителей, они истекали кровью и погибали, страдая и ужасаясь своей смерти. В последний смертный миг они молились о спасении так же, как и все люди”*.

Город “королевского происхождения” и страданий

Даниил Александрович с большой любовью пишет о Санкт-Петербурге. *“Для меня это город, без которого я бы во многом не состоялся как писатель и, может быть, даже как человек. Этот город я защищал во время войны, восстанавливал после войны, о нем писал. Петербург — город, имеющий особое значение для России. Он всю свою жизнь тащит Россию в Европу. Или, точнее, к Европе. Правда, она, Россия, упирается. И здорово упирается”*. Гранин говорит о том, что человеческое “Я” образуют не только история, литература и ближайшее окружение, но и то место, где человек живет. *“Если бы я жил не в Ленинграде, если бы в детстве жил не у Спасской церкви с пушками, если бы потом не на Петроградской стороне, если бы перед глазами моими не была набережная, в гранит одетая Нева, проспекты, то “Я”, о котором тут идет*

речь, было бы несколько иное”.

Петербург Гранина — город неразгаданный и таинственный. Даниил Александрович признается, что, рассматривая черно-белые сюжетные гравюры М.В. Добужинского к повести Достоевского “Белые ночи”, он понял мистику белых ночей: все светло, но дома и люди лишены теней.

Но Петербург для писателя — город не только красоты и таинственности, но и безмерной человеческой скорби. В истории XX века судьба Ленинграда—Петербурга неразрывно связана с Ленинградской блокадой. Писатель раскрывает историю написания и издания “Блокадной книги” — со всеми цензурными препонами и редакторскими правками. Он вспоминает, как не пропустили фрагменты про людоедство, мародерство, махинации с продуктовыми карточками, убрали нелюбезные высказывания о Жданове, объясняя это идеологическими установками времени. Но Даниил Александрович не может понять, почему вычеркнули кусок про первую открытую в блокадном городе баню, в которой отопления хватало только на одно отделение, поэтому мужчины и женщины вынуждены были мыться вместе. *“Но это были не мужчины и не женщины. Это были просто скелеты, которые помогали друг другу, потому что поднять шайку с водой не могли. Глава была запрещена категорически как порнография. Хотя то был пример истинно целомудренных, трогательных отношений людей”*. В свое время эта книга вызвала, с одной стороны, возмущение партийных историков, которые считали, что содержание разрушает героический образ ленинградской эпопеи. С другой стороны, *“последовали сотни писем блокадников, которые посылали свои рассказы, чтобы дополнить книгу, некоторые требовали от нас большей правды, говорили о том, что мы приукрашиваем, были вещи*

А. Марков
Духовный
резонанс
со временем

² В июле 1941 года Д.А. Гранин ушел в народное ополчение, отказавшись от брони инженера танкового конструкторского бюро Кировского завода, воевал на Ленинградском фронте в дивизии народного ополчения, в партию вступил в 1942 году, потом был направлен в Ульяновское танковое училище. Войну закончил командиром роты тяжелых танков в Восточной Пруссии.

ЛИСТАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

куда страшнее и т. д. Книга эта была для нас цепью открытий. Мы увидели, что люди во время блокады относились друг к другу гораздо более сердечно, гуманно и милосердно, чем в конце семидесятых годов. Что ныне происходит процесс дегуманизации людей, очерствения, бессердечия; блокада в этом смысле — пример того, как в тех страшных условиях люди не позволяли себе эгоизма, который и в семидесятые, и вплоть до нынешнего времени позволяют себе”.

Писатель позитивно оценивает возвращение городу имени — имя имеет онтологический статус, нередко выполняет мистические задачи, метафизически выражает нечто сущностное, которое ускользает от рационального понимания. “Когда возвращается имя, то вместе с ним возвращается подлинность, история”. При этом Даниил Александрович с неизменным мягким юмором укоряет петербуржцев, в суете проходящих мимо красот нашего величественного города, который, “как женщина, нуждается в том, чтобы его красоту замечали...”.

Быть милосердным — главное назначение человека

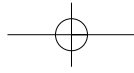
Сострадающая любовь лежит в основе милосердия — стержневого качества, определяющего смысл человеческого существования. Не случайно глава книги “Интелегенды” так и называется: “Потерянное милосердие”, а ее центральная мысль удивительно проста: “Я понял важную вещь: надо придерживаться принципов сочувствия”. Милосердие и благотворительность для писателя — явления принципиально бескорыстные: человек не имеет права ожидать от своих действий какой-либо выгоды. “Нет рекламы, нет пиара, зачем я буду на это давать деньги, думают они. А на что тебе

эти деньги? А что ты оставляешь после себя в этой жизни? Вот тут мы касаемся самого главного — нравственного смысла жизни, идеи жизни”.

Действительно, жизнь человеческая, если оценивать ее в категориях пользы, успеха и материального благополучия, не имеет смысла: “Какой, в самом деле, смысл, если все неизбежно кончается смертью? Как писал Державин, «река времен в своем течении уносит все дела людей...». Небольшой, частный смысл жизни можно найти в том, чтобы помогать другим. Любить их, сочувствовать им — в этом все-таки назначение человека. Ничего другого не остается”. Поэтому “вернуть милосердие — это вернуть нравственность, вернуть понимание своего долга, понимание, что у нас есть общество, народ, а не население”.

О судьбах русской интеллигенции

Даниил Александрович отмечает главное душевное качество русского интеллигента: совесть — как способность услышать чужой голос, услышать весточку боли или радости. Олицетворением этого качества он считал А.Сахарова и Д.Лихачева, которые жили по самым высоким нравственным законам. Именно совесть определяет бытовую скромность, не позволяя русскому интеллигенту жить в роскоши. “Богатая интеллигенция — это странное понятие. ...XX век прежде всего дал нам двух человек, которые являются предметом гордости нашей интеллигенции — это Сахаров и Лихачев. Я был знаком с ними обоими. Как жил Сахаров и как жил Лихачев? Не могу сказать бедно, это неправильно, но очень скромно. Я думаю, это была принципиальная скромность. Они не хотели позволить себе жить богато. Потому что это неприлично”.

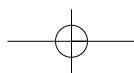
В судьбе русской интеллигенции особую роль играла идея справедливости и построения “царствия божьего” на земле — сила такой идеи укрепляла ум и волю русского человека, и ради ее утверждения духовно русский интеллигент готов был пожертвовать самым дорогим — жизнью. Но эта идеальная устремленность, отмечает Д. Гранин, противоречива: с одной стороны, идея отвлекает от устройства земного мира. “Мы не можем отказаться от идеи, — если она в нас «засела». ...В этом гениальность Достоевского — и абсолютная трагедия нашей истории”. Вместе с тем, служение идее придает народу силу духа. Это особенно важно для русской цивилизации — без национальной идеи русский народ теряет смысл своего исторического существования. Д. Гранин ставит вопросы, которые заставляют задуматься: что делать народу, который потерял великую цель? Как, чем и во имя чего ему жить дальше? Что делать стране, которая теряет или почти потеряла интеллигенцию?

Интеллигентность, считает Д. Гранин, не обязательно предполагает оппозицию к власти. “Врожденное свойство любой власти — быть неприятной. Вопрос только — как человеку себя с ней вести. У меня отношение к власти такое: с властью приходится считаться, власть иногда хочется и убеждать, и в чем-то поправлять. Это редко дает результаты, но все-таки иногда дает... Я не конфликтный человек, я писатель, а это главное. Либо надо конфликтовать, превратиться в диссидента, либо писать и работать. Но душа все-таки не может мириться с глупостями, безобразием, гадостями, с враньем, иногда душа возмущается”. Писатель, поясняя свое отношение к проблеме взаимоотношений художника и власти, вспоминает сюжет, описанный Р. Ролланом:

“В 1812 году в Карлсбаде встретились Гете и Бетховен. Во время прогулки произошла любопытная сцена. На аллее показалась императорская фамилия. Увидев их издали, Гете оставил руку Бетховена и отошел на край дороги. “Тогда, — пишет Бетховен, — я надвинул шляпу на самые брови, застегнул сюртук и, заложив руки за спину, стремительно двинулся в самую гущу сановной толпы. Принцы и придворные стали шляперами, герцог Рудольф снял передо мною шляпу, императрица поклонилась мне первая. Великие мира сего знают меня. Я имел удовольствие наблюдать, как вся эта процессия продефилировала мимо Гете. Он стоял на краю дороги, низко кланяясь, со шляпой в руке. И задал же я ему головоломку потом...”. Д. Гранину поведение Бетховена симпатичнее, но он понимает и “немалую правду” Гете, который участием во власти “купил себе условия работы” и тем самым “стал духовным властелином чуть ли не всей просвещенной Европы”.

Писателя восхищает и поражает в человеке чувство долга, которое становится выше голода и страха смерти. Вот лишь один эпизод из блокадного времени: “Есть масса вопросов, которые для меня самого остаются загадками... В Институте растениеводства им. Вавилова ... существовала замечательная коллекция семян, накопленная столетиями. Из них можно было бы варить кашу, их можно было бы как-то размягчить и есть, но сотрудники института себе этого не позволили. Вы знаете, вообще психология того времени сейчас становится все менее понятной. Она была построена на какой-то мечте о справедливости, на каких-то возвышенных принципах, утраченных и испорченных ныне... советский человек во многом, во всяком случае в чем-то значительном, превосходит человека нынешнего. Это че-

А. Марков
Духовный
резонанс
со временем

ЛИСТАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

ловек, у которого очень ранимая и работающая совесть”.

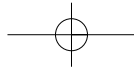
В то же время Даниил Александрович с грустью фиксирует процесс вырождения русской интеллигенции: “Уходит интеллигенция. Знаменитая русская интеллигенция. Ощущение было подспудное и неотступное. Путаная двухвековая история нашей интеллигенции, по-видимому, заканчивается. Примириться с этой мыслью нелегко. ...Интеллигенция потеряла свою функцию, она уже не идет впереди, поскольку не знает, куда идти, да и позади у нее никого уже не осталось. Все разбрелись по движениям, партиям. Устали от споров и разговоров”. Уходит то главное, что составляло “наше бесспорное преимущество и привилегию перед всем миром” — напряженная духовная жизнь, которая оправдывала нашу бедность и обиды, уходит особый мир общения, вместе с его радостями и тревогами, поисками смысла жизни и обсуждением “вечных проблем”.

Личность и судьба писателя — в резонансе со временем

Даниил Гранин собственной судьбой и нервом творчества олицетворяет духовно-нравственный стержень русского интеллигента. Интеллигентность Даниила Александровича — в его обостренной совестливости, сверхчувствительности к чужой боли. “Внешне Даниил Гранин прост, как просты в восприятии и его тексты. Но есть в этой простоте какое-то загадочное величие, выделяющее его не только в писательском ряду, но и во всей культуре России. Гранин — олицетворение русского человека, русской души. Никогда не стремящийся к самоидеализации и морщащийся при словах “совесть нации”, он стал таковой удивительно естественным образом. Ушедший в то самое ленин-

градское ополчение, где на каждого вернувшегося оказалось 99 погибших, сохранивший достоинство в сосуществовании с безжалостной командно-административной машиной, не впавший в разврат ельцинского безвременья, этот человек обрел за свой век удивительный нравственный авторитет, личным бытием поддерживая моральный климат в обществе, напоминая о почти утраченных идеалах просвещения и гуманности, справедливости и милосердия. ...Несомненно, что Гранин вслед за Лихачевым стал выразителем дум и чаяний петербургской-ленинградской интеллигенции, носителем ее культурно-исторического кода. А затем стал и ее символом. В итоге и Лихачев, и Гранин оказались в одном ряду — фигур, олицетворяющих простоту и величие русской культуры своего времени” (А.С. Запесоцкий. Даниил Гранин: простота и величие русской культуры. Предисловие к книге “Интелегенты”).

Своей писательской и человеческой судьбой Д. Гранин демонстрирует высокое качество гражданина и патриота — любовь к Родине, которая сегодня особенно нуждается в таком отношении. “Россия больна сегодня так, как не болела никогда. Как среди этой болезни остаться человеком? Человеком, который ее любит, любит ее историю, ее подвижников?”. Даниил Александрович не отрекается от своего времени, от советского прошлого, в котором народ демонстрировал самоотверженность и величие подвига. “В последние десятилетия, особенно после 1991 года, мы стали относиться к советской эпохе высокомерно, пренебрежительно, даже стыдиться ее. Мы гордимся только победой — якобы это действительно был подвиг, а все остальное было ошибкой. Но это по меньшей мере странно. Огромная страна и народ с такой богатой историей мог прожить 70-летний пе-

риод только потому, что в нем было что-то хорошее. Грешно и некрасиво отказываться от хорошего и помнить только плохое. Это относится и к личной судьбе каждого из нас. Наша жизнь состоит из хороших и плохих дней, заслуг и ошибок, а нередко даже из преступлений. И только когда она завершается и человек уходит, возникает цельная картина — что за жизнь это была”.

В том, как живет и о чем пишет Д. Гранин, он предельно честен и правдив и с собой, и с читателем. *“Пришел день, когда я обнаружил в своей душе опасную трещину. Но в том-то и штука, что душа — это не сердце, и разрыва души быть не может”*. Даниил Александрович верит в свое писательское призвание, но не скрывает своих сомнений по поводу возможности художественного слова менять мир. *“Говорят, что биография писателя — его книги. Но почему-то, когда я сижу за столом, работаю, меня мучает чувство утраты, мне кажется, что биография моя прерывается, что настоящая жизнь, с солнцем, морем, природой, встречами, эта жизнь проходит мимо, она слышна за окнами смехом детей и шумом машин. А когда я не пишу, а гуляю с друзьями, куда-то еду, я корю себя за то, что не работаю, трачу время впустую. Наверное, такое противоречие неизбежно, но оно доставляет немало горя, оно портит жизнь. Не хочется работать за счет жизни, лучше все же жить за счет работы, потому что жизнь — она выше, она дороже. у еще одна книга — говорю я себе, — что от этого изменится? Доказываю себе, что ничего, — и тем не менее сажусь писать...”*

Встречи с самим собой — говорит он, самые трудные. *“К сожалению, мало кто из нас хочет встречаться с самим собой...”*. Он с большим уважением относится к себе двадцатилетнему, который пошел воевать в народное опол-

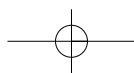
чение. Но он осуждает себя тридцати-сорокалетнего, который мирился со многими творящимися вокруг безобразиями, а иногда и участвовал в них. Ему жалко того Гранина, который плакал, когда умер Сталин, стыдно за его *“зашоренность, глупость, неисторическое мышление”*. Гранина часто называют образцом чести, нравственным эталоном, совестью нации. Даниил Александрович относится к этому с иронией, считает все это сильным преувеличением. *“Моя жизнь полна грехов. Был грешен и хочу грешить и дальше”*.

Д. Гранин глубинно оптимистичен — даже в самых отчаянных ситуациях он мог утешать себя простыми вещами: тем, что уцелел на войне, что делает нужное людям дело, что для своего возраста достаточно здоров и работоспособен. *“Вообще тем, что существует этот прекрасный божий мир, которому плевать на нас, на все наши беды и который так прекрасен, что грех жаловаться на то, что наша маленькая жизнь не удалась...”*

Писатель с улыбкой говорит о секретах своего долголетия: *“Недавно ко мне пришли геронтологи и спрашивают: почему я до сих пор жив? А я им объясняю: во-первых, потому что никогда об этом не задумывался. Во-вторых, когда вернулся с фронта, я долгое время пребывал с ощущением счастья. И это ощущение продолжаю сохранять и теперь. А в-третьих, я очень благодарен маме с папой. Ну да, за генетику тоже. А еще — своей жене, сейчас уже покойной, которую очень любил. И дочке, которую очень люблю. Любовь — это главное, что помогает жить”*.

Даниил Александрович не скрывает, что он — счастливый человек. *“Я пишу, и мне нравится этим заниматься. Когда я работаю, я наслаждаюсь... Но иногда мне тяжело. Я ощущаю недостаток таланта, времени, сил. Иногда*

А. Марков
Духовный
резонанс
со временем

бывает сложно выразить мысль так, чтобы весь ее смысл был понятен. Тем не менее работа приносит мне огромное удовлетворение". Но для счастья человек услышать зов судьбы. "Я думаю, самое сложное в жизни человека — найти себя, свое призвание, возможность себя реализовать... Человек, для того чтобы узнать свои способности, почувствовать свое призвание, должен проделать огромную внутреннюю работу, которая не всегда кончается успехом, и тогда человек проживает свою жизнь, так и не узнав, для чего он рожден. ...Это огромная человеческая проблема...".

В человеческой жизни и судьбе много таинственного. В самом процессе художественной деятельности, считает писатель, есть нечто, уравнивающее человека с Богом. Художник обретает особый масштаб, он становится Создателем: "Вот мне сейчас делали операцию. Я спросил хирурга после операции: "А что такое сердце? Вы столько сердце держали в руках! Что же такое сердце?" Он мне сказал: "Сердце — это насос, и больше ничего. Насос, клапаны". Я говорю: "А откуда же выражение "сердечный человек", "бессердечный"? Он говорит: "Это все ваша литература". ...Но большой художник проникает дальше, чем обычные люди. Он видит такие вещи, какие мы не видим. Это его преимущество, свойство гения, его отличие от таланта. Гений видит неоткрытые звезды".

Писатель Даниил Гранин относится к своему поразительному творческому долголетию как к чуду, которое сопровождает всю его жизнь: чудо состоит в том, что вы-

жил на войне, где из его танковой роты уцелели единицы, в том, что сумел пережить все парадоксы и ужасы XX века. Но главное чудо — быть человеком вопреки времени и обстоятельствам. "Мы прожили странную, удивительную жизнь. ...Оставаться человеком с достоинством среди такого безобразия — это, наверное, главный итог".

Не будет преувеличением сказать, что Слово Даниила Гранина в значительной степени повлияло на духовную жизнь и ценностные приоритеты значительной части нашего общества второй половины XX века и прежде всего русской интеллигенции. И это закономерно — слово в русской культуре получает особый статус, особенно если это слово талантливого человека. Даниил Александрович своим творчеством продолжает традиции русской гуманитарной мысли, которая всегда рассматривала слово как нечто большее, чем имя вещи. Слово в русской культуре — это то, что было в Начале, это Логос, противостоящий хаосу, идея, предваряющая и определяющая саму действительность. Творящая миссия Слова — в его способности быть "сопричастным бытию" (П. Флоренский). В этом плане отягощенное интеллектом, душой и сердцем слово Даниила Гранина играет в сегодняшнем культурном пространстве особую роль: оно становится идеей, "требующей" своего воплощения.

© 2016 А.П. МАРКОВ,
доктор культурологии, профессор
Санкт-Петербургского гуманитарного
университета профсоюзов

Аннотации и ключевые слова публикуемых статей

Трансдисциплинарность в философии и науке: материалы Круглого стола

Публикация представляет собой обзор материалов Круглого стола, состоявшегося в марте 2016 года в Секторе методологии междисциплинарных исследований человека ИФ РАН. Он был посвящен обсуждению коллективной монографии «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы». Тема монографии — одна из востребованных, поскольку налицо усиление интеграционных тенденций в развитии научного знания, обусловленных как внешними по отношению к науке факторами, так и внутренними императивами.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, междисциплинарные исследования, научная дисциплина, биотехнологии, этос науки, проективность, постконсерватизм.

Transdisciplinarity in the philosophy and in the science: A round-table

The publication provides an overview of the materials of the Round Table, held in March 2016 in the IF RAN Sector of methodology of interdisciplinary research of Human being in order to discuss the monograph of the same name. The subject is one of the most topical since trends to transdisciplinarity in the development of scientific knowledge there is on the rise due to both extrascientific factors and internal imperatives of the science.

Key words: transdisciplinarity, interdisciplinary research, scientific discipline, biotechnologies, ethos of the science, projectiveness, post-conservatism.

Мануильский М.А. Культурно-антропологические детерминанты терроризма

Рассматриваются культурно-антропологические составляющие терроризма. Обсуждаются факторы, демотивирующие выработку общезначимого понимания данного феномена: самоманифестация террористов и государственный террор. Впервые в научной литературе предлагается аналитическое определение терроризма: это действия индивида или группы лиц, направленные на устрашение других людей, подчинение их своей воле в целях установления порядка, декларируемого идеологией (приверженцами которой являются террористы); при этом используются методы, выходящие за рамки принятых в данном сообществе способов разрешения конфликтов, прежде всего, психологическое, моральное и физическое насилие, имеющее конкретно-не-избирательный характер, то есть объектом и жертвой которого являются случайные люди. Предметом специального рассмотрения выступает человеческая природа. С одной стороны, ее деформация — главный пусковой механизм терроризма, с другой, ее подавление, разрушение у максимально большего числа людей — основная задача террористов.

Ключевые слова: терроризм, культурно-антропологические факторы жизнедеятельности, насилие, человеческая природа, жизнь и смерть, добро и зло.

Ключевые слова: терроризм, насилие, природа человека, добро и зло.

Manuilsky M. A. Cultural and anthropological determinants of terrorism

Cultural and anthropological components of terrorism are considered. The factors discouraging the development of universally valid understanding of this phenomenon are discussed, those being self-demonstration of terrorists and the state-performed terrorism. For the first time in scientific literature analytical definition of terrorism is suggesting: terrorism is the action of the individual or a group of persons aimed at intimidating of other people, at submission them to the will with a view to establish the order declared by by some or other ideology (whose followers the terrorists are); at the same time using the methods which are beyond the ways of resolution of conflicts accepted in this community; first of all, indiscriminate psychological, moral and physical abuse so that their victims are quite random people. The human nature is a

subject of a special consideration. On the one hand, this is its deformation that is the main trigger of terrorism, on the other hand, it is its suppression, destruction in the greatest possible number of people that is the primary objective of terrorists.

Key words: terrorism, cultural and anthropological factors of activity, violence, human nature, life and death, good and evil.

Гребенщикова Е.Г. Проекты улучшения человека и тезис технологической неизбежности

Проблема улучшения человека все больше привлекает внимание философов, социологов, специалистов по биоэтике и представителей других смежных дисциплин. В обсуждении рисков и перспектив развития технологий улучшения человека часто звучит тезис о неизбежности, который затрагивает экономические, политические, социальные и этические аспекты реализации технологических инициатив в современном обществе. Произвольный перенос идей неизбежности, рассмотренных на примере проектов генетического улучшения человека, некорректен, поскольку не учитывает различные факторы, определяющие как нормативно-правовые аспекты, так и социокультурные факторы.

Ключевые слова: тезис неизбежности, улучшение человека, генетические технологии, биоэтика.

Grebenshchikova E.G. Projects of human enhancement and the thesis of technological inevitability

The theme of the human enhancement is attracting an increasing attention of philosophers, social scientists, bioethicists and representatives of other related disciplines. In the debates on the risks and prospects of human enhancement technologies argument of inevitability are often heard that touches upon the economic, political, social and ethical aspects of the implementation of technology stimuli in today's society. Any expansion of ideas of inevitability from the domain of genetic enhancement on other areas is invalid for it does not take into account various factors that determine a legal and regulatory context, as well as socio-cultural factors.

Key words: inevitability thesis, human enhancement, genetic technologies, bioethics.

Волошинов А.В., Кирюшкина В.В. Трансформация концепта "гений" в художественном сознании английского Просвещения первой половины XVIII века

Рассматривается трансформация понятия "гений" на материале критических и эстетических сочинений английских поэтов и художников первой половины XVIII века. Анализируются формы, контексты словоупотребления, выявляются основные коннотации этого концепта в текстах Дж. Аддисона, А. Поупа, У. Хогарта, Эд. Юнга и других авторов указанного периода. В качестве основной тенденции обнаруживается персонализация понятия "гений" в просветительском художественном сознании.

Ключевые слова: гений, художественное сознание, персонализация, Просвещение, Дж. Аддисон, А. Поуп, У. Хогарт, Эд. Юнг.

Voloshinov A.V., Kiryushkina V.V. Transformation of the concept of genius in Enlightenment's artistic consciousness in the first half of the XVIII century

The transformation of the concept of genius as exemplified in English poets' and artists' critical and aesthetic works in the first half of the XVIII century is considered. The authors have analyzed the forms, contexts, the principal connotations of the concept in the texts by Joseph Addison, Alexander Pope, William Hogarth, Edward Young. The personalization of the concept of genius became apparent as the main trend in Enlightenment's artistic consciousness.

Key words: genius, artistic consciousness, personalization, Enlightenment, J. Addison, A. Pope, W. Hogarth, Ed. Young.

Фролова М.И. Проблемы этики технонауки в трудах Э. Агацци

Итальянский интеллектуал — видный современный философ и методолог науки. Проблемы этики науки и технонауки — наиболее интересная и актуальная часть творчества Э. Агацци, которая анализируется в статье. Философ разграничивает познавательную свободу науки как знания и ответственность науки как вида человеческой деятельности. В первом аспекте наука не должна быть ничем ограничена, а во втором наука подпадает не только под правовые, но и

под моральные регулятивы. Во многом идеи Э. Агацци перекликаются с теми воззрениями, что развивались в нашей философии со второй половины 1980-х годов в рамках направления комплексного исследования человека и в биоэтике.
Ключевые слова: этика науки, биоэтика, Э. Агацци, добросовестность в исследованиях, риски, регулятивы научной деятельности.

Frolova M.I. The problems of the ethics of technoscience in the works by E. Agazzi

The analysis of ethical problems within the science and technoscience are the most interesting and topical segment of the creative work by the famous Italian philosopher and methodologist of the science. The philosopher differentiates the cognitive freedom of science as a knowledge from the responsibility of the science as a human activity. In its first mode the science may not be subject to any restrictions while the science put in the second mode is subject not only to legal imperatives but to moral ones as well. The ideas by Agazzi closely echo the views that were being developed in the home philosophy since late 1980-ies within interdisciplinary research of the Human and within bioethics.

Зарецкий Ю.П. Рудольф Деккер, историк

Статья представляет собой введение к публикации лекции известного голландского историка Р. Деккера “Долгосрочные тенденции автобиографического творчества в Нидерландах”. Кратко описывается научная биография ученого и его роль в становлении исследований автобиографического письма — дневников и документов — как важного и самостоятельного направления исторических исследований.

Ключевые слова: Р. Деккер, автобиография, дневники, эгодокументы, Нидерланды.

Zaretskiy Yu.P. Rudolph Decker, a historian

The text is an introduction to the publication of the opening lecture by well-known Dutch historian R. Decker at the “Long-term developments in autobiographical writing in the Netherlands since 1500”. A brief description of the scholar’s creative biography is presented as well as his role in the establishment of the research of autobiographical writings as an important and substantive area of historical researches.

Key words: autobiography, diary, egodocuments, Netherlands.

Деккер Р. Долгосрочные тенденции автобиографического творчества в Нидерландах

Публикуется текст лекции, прочитанной известным нидерландским историком на открытии международной конференции “Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики”. На примере собственных исследований корпуса текстов дневников и автобиографий нидерландских авторов XVI–начала XX веков автор рассматривает фундаментальные вопросы изучения автобиографических материалов (“эгодокументов”) как направления исторических исследований и роль этих материалов в постижении истории общества и личности.

Ключевые слова: автобиография, дневник, эгодокументы, Нидерланды.

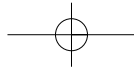
Dekker R. Long-term developments in autobiographical writing in the Netherlands since 1500

The text of the opening lecture delivered by a well-known Dutch historian at the International Conference Autobiographical Compositions in an International Research field: people, texts, practices is presented. The author used an example of his own researches of the corpus of diaries and autobiographies texts by Dutch authors of XVI–early XX centuries to consider some basic aspects of investigation of autobiographical texts as a line of historical studies as well as the role of that material in comprehension of the history of the society and personality.

Key words: autobiography, diary, egodocuments, Netherlands.

Гуревич П.С., Спинова Э.М. Идентичность и ее тень (Социокультурные конфигурации самотождественности)

Статья посвящена выходу в свет сборника работ известного американского психоаналитика Эрика Эриксона (1902–1994). В ней отмечено, что данный автор является признанным лидером во многих областях психологического и фи-

лософского знания. Более обстоятельно рассмотрена концепция идентичности, которая разработана Э. Эриксеном. Он трактует это понятие как самосознание, которое дает возможность человеку создать устойчивое, прочное представление о самом себе. Самые видные мыслители минувшего века, в том числе М. Бубер, П. Рикёр, М. Хайдеггер, К. Ясперс, отдали дань этой теме. Понятие идентичности буквально вросло с философскую антропологию. За последние годы оно стало ключевым и в осмыслении актуальных вопросов культуры и общества. В наши дни проблема идентичности имеет множество интерпретаций. Концепция авторов статьи заключается в том, что идентичность — это то, чего нет. Несмотря на это отдельные люди, как и целые народы, продолжают искать ответы на вопросы: “кто я?” или “кто мы?”.

Ключевые слова: идентичность, Эрик Эриксон, эго-психология, кризис идентичности, человеческая природа, тело, самосознание, партикулярии, социализированность, психоистория.

Gurevich P.S., Spirova E.M. Identity and its shadow (Sociocultural configurations of self-identity)

The article is devoted to the publication of collected works by a well-known American psychoanalyst Erik Erikson (1902–1994) recognized as a leader in many fields of psychological and philosophical knowledge. The concept of identity developed by E. Erikson is discussed in detail. He interprets this notion as self-awareness that offers a Human being an opportunity to create a stable, solid understanding of oneself. The most eminent thinkers of the past century, e.g. M. Buber, P. Ricoeur, M. Heidegger, K. Jaspers, were engaged in deliberating this theme. The notion of identity has literally taken its root in philosophical anthropology. In the recent years, it has become a key concept also for comprehension of topical problems of culture and society. Nowadays, the problem of identity has many interpretations. The point of the authors of the article is that the identity is a non-existing entity. Nevertheless, individuals and nations continue to seek answers for the questions: “Who am I?”, or “Who are we?”.

Key words: identity, Erik Erikson, ego psychology, identity crisis, human nature, body, self-awareness, particulars, socialization, psychohistory.

Эриксон Э. Жизнь перед лицом смерти (из лекции “Человеческая сила и цикл поколений”)

Автор рассматривает в своей лекции проблемы жизни и смерти и зависимость этих вопросов от затянувшегося детства человека, его установок и традиций.

Ключевые слова: идентичность, жизнь и смерть, человеческая природа, самосознание.

Erikson E. The life in the face of death (Excerpt from the lecture human strength and the cycle of generations)

The problems of the life and death are considered as well as their correlation with one’s childhood prolonged, one’s apperceptions and traditions.

Key words: identity, life and death, human nature, self-awareness.

Шаховская Н.А. Человек во вселенной двух Германов

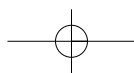
Статья посвящена трактовке экранного пространства в фильмах “Трудно быть богом” Алексея Германа и “Под электрическими облаками” Алексея Германа-младшего. Выявляется роль пейзажа в раскрытии художественного смысла фильмов. Предпринята попытка анализа художественного пространства двух картин, отличительной особенностью которых является доминирование антиутопического начала.

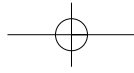
Ключевые слова: эстетика экрана, пространство, образ пейзажа, симуляция, художественный дискурс

Shakhovskaya N.A. A Human being in the universe by A. German and A. German Jr

The article deals with the rendition of the screen space in the films “It’s hard to be a God” by A. German and “Under electric clouds” by A. German-junior. The article identifies the role of landscape in revealing the artistic sense of the movies. The author makes an attempt to analyze the artistic space of the films with the distinctive feature of dystopian principle domination.

Keywords: screen aesthetics, space, image of landscape, simulation, artistic discourse.

Бурькина А.П. Театр Но в эпоху Эдо: элитарное искусство и массовый зритель

Статья посвящена рассмотрению разных форм бытования театра Но в японской культуре эпохи Эдо (1603–1868). Акцент делается на описании и раскрытии значения проведения санкционируемых *бакуфу* масштабных представлений Но, на которых должны были присутствовать представители всех сословий городского населения. Сначала раскрывается смысл, который вкладывали представители *бакуфу* в такие мероприятия, далее приводятся свидетельства очевидцев и дается оценка восприятия представлений Но массовым зрителем. *Ключевые слова:* театр Но, период Эдо, элитарная и массовая культура, сикигаку, бакуфу, кандзин-Но, матири-Но.

Burykina A.P. Noh theatre in Edo period: elite art and mass audience

This article depicts different forms of Noh theatre in Japanese culture of Edo period (1603–1868). The emphasis is placed on the description and disclosure of the value of the sanctioned by *bakufu* large-scale Noh performances, which representatives of all the classes of the city dwellers were expected to attend. Firstly the meaning putting by government officials to such performances is disclosed; then some evidences of witnesses and analysis of evaluation of Noh theater art by mass audience are presented. *Key words:* Noh theatre, Edo period, elite and mass culture, Kanjin Noh, Machiri Noh

Попова А.Д. Символические и коммуникативные функции памятников сотрудникам органов правопорядка

Анализируется семиотическое значение памятников сотрудникам органов милиции/полиции и спецподразделений в городском пространстве. Исследовано более 70 визуальных изображений указанных памятников. Автор приходит к выводу о том, что памятники такого рода выступают носителями символов, олицетворяющих силу и порядок, свидетельствуют о готовности органов внутренних дел охранять покой людей даже ценой собственной жизни. Отмечено, что рассматриваемые памятники привлекают внимание не только сотрудников органов правопорядка, но и широких слоев населения, которые формируют вокруг них разнообразные социальные практики — от возложения цветов до веры в различные приметы. *Ключевые слова:* памятники, символы, милиция, полиция, город, городское пространство.

Popova A.D. Symbolic and communicative functions of the monuments to law enforcement bodies members

The article analyzes the semiotic value of the monuments of soldiers of law and order in the urban space. The analysis of more than 70 photos of the monuments to police and special forces members revealed that the monuments carry symbols representing power and order. The the willingness of the police and special forces to protect the life, rights and freedoms of people at any cost is underlined by the very composition of the monuments. The sites are the focus of public attention. Various social practices are formed around these monuments, both official and informal, e.g. omens and popular beliefs.

Key words: monuments, symbols, police, city, urban space.

Чайковская В.И. “Личный миф” Ореста Кипренского

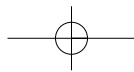
Автор размышляет над тем, как складывался в детстве и на чем основывался “личный миф” О. Кипренского, предполагавший аристократическое происхождение его “официального” отца, и рассматривает несколько примеров его “мистификаций”, показывающих, что в них художник не был произволен, а следовал за своим “личным мифом”, определившим манеру поведения мастера с собратьями-художниками и с “сильными мира”.

Ключевые слова: О. Кипренский, “Портрет отца”, происхождение Кипренского, мистификации,

Chaykovskaya V.I. Orest Kiprenskiy’s “personal myth”

The author speculates on the origination and formation of Kiprenskiy’s “personal myth” that implied noble descent of his “official” father. Several examples of his well-known “mystifications” demonstrate that those acts were not quite sporadic but were rather determined by those “myth”, that formed the manner in which the artist dealt to both fellow-artists and “the high and mighties”.

Key words: Kiprenskiy, “the portrait of the father”, Kiprenskiy’s descent, mystifications.

Human Being
Founded in 1990
Bi-Monthly

CON

Science of Man: Theory, History, Method

Transdisciplinarity in the philosophy and
in the science: A round-table 5

Cultural and anthropological determinants
of terrorism 20
M.A. Manuilsky

Humanitarian Perspectives

Projects of human enhancement and the thesis
of technological inevitability 30
E.G. Grebenschikova

Where from and Where to?

Transformation of the concept of genius
in Enlightenment's artistic consciousness
in the first half of the XVIII century 40
A.V. Voloshinov, V.V. Kiryushkina

The Measure of All Sciences

The problems of the ethics of technoscience
in the works by E. Agazzi 55
M.I. Frolova

The Human Face

Rudolph Decker, a historian 69
Yu.P. Zaretskiy

Long-term developments in autobiographical writing
in the Netherlands since 1500 71
R. Dekker

Philosophical Anthropology: Pages from the classics

Identity and its shadow (Sociocultural configurations
of self-identity) 84
P.S. Gurevich, E.M. Spirova

190

TENTS

- 95** **The life in the face of death (Excerpt from the lecture Human strength and the cycle of generations)**
E. Erikson

From the Treasuries of Culture

- 111** **A Human being in the universe by A. German and A. German Jr**
N.A. Shakhovskaya
- 126** **Noh theatre in Edo period: elite art and mass audience**
A.P. Burykina

The Memorial

- 140** **Symbolic and communicative functions of the monuments to law enforcement bodies members**
A.D. Popova

Great is This Mystery

- 157** **Orest Kipenskiy's "personal myth"**
V.I. Chaykovskaya

Humanitarian Chronicle

- 165** **The Phenomenon of auto-biography: interdisciplinary research**
- 172** **From Karl Marx to Karl Barth**
B.A. Бачинин
- 177** **Spiritual resonance wwith the time. The creative work and the fate of Daniil Granin**
A.P. Markov

- 39** **The new books**

- 185** **Annotations and key words of published articles**

- 192** **To our authors. New rules of designing the articles**

На первой странице обложки фрагмент картины "Молодой человек, пишущий у окна письмо" художника Габриэля Метено. 1662–1665

На второй — памятник милиционеру послевоенных лет в Одессе (в народе памятник Гоцману)

На третьей странице обложки месяц саругаку. Гравюра из серии "100 образов луны" Цукиока Ёхитоси

На четвертой — Магири-но. Гравюра Тоёхира Тиканобу (фрагмент)

К сведению авторов

Журнал «Человек» публикует статьи по комплексным междисциплинарным исследованиям человека, статьи в помощь преподавателям гуманитарных и общественных наук, обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Издание включено в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по специальностям культурология, философские науки, социологические науки).

К рассмотрению не принимаются материалы, которые полностью или частично (более 20% текста) уже были опубликованы в другом издании.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1 авт. л.) в одном экземпляре, напечатанном через два интервала на одной стороне листа формата А4, или в электронном виде в версии Word for Windows.

Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации; предоставить иллюстративный материал, если он необходим по тексту.

Обращаем Ваше внимание на то, что в перечень пристатейного сопровождения внесены изменения. К статье прилагаются: аннотация (200–250 слов); ключевые слова (не более десяти); справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя, отчество, официальное название места работы (в том числе город, страна, почтовый адрес), должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты автора или учреждения, номера контактных телефонов. Перечисленные сведения представляются на **русском** и **английском** языках. К статье также прилагается фотография автора.

Оформление литературы. Используемые в тексте источники оформляются в качестве затекстового библиографического списка под заглавием «Литература» в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Фамилия и инициалы автора набираются курсивом. В тексте статьи для связи с затекстовым списком используются отсылки в виде номера соответствующей затекстовой ссылки в квадратных скобках, с указанием при необходимости страницы [9, с. 12] или без нее, если источник цитируется единожды или все отсылки на источник содержат одну и ту же страницу [9] — в этих случаях страница приводится в соответствующей ссылке затекстового списка (*Петров И.Д.* Проблемы познания. М.: Наука, 2014. С. 20). Вторичное упоминание источника предполагает использование указания **там же/ibid.** со ссылкой в случае необходимости на страницу. В библиографической ссылке затекстового списка обязательно указание не только места издания, но и названия издательства. Библиографические ссылки оформляются согласно ГОСТу Р.7.05.—2008.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Издатель — Российская академия наук, издательство «Наука»
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90.

Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90.

Тел.: 8 (495) 276-11-58 (доб.) 3351.

E-mail: humanus-1@naukaran.ru; www.chelovek21.ru

Сдано в набор 31.05.2016. Подписано к печати 02.08.2016.

Формат 70 × 100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48 + 0,64 вкл.

Усл. кр.-отт. 3,64 тыс. Уч.-изд. л. 20,2.

Бум. л. 6,0 + 0,5 вкл. Тираж 226 экз. Заказ № 386

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»» с готового оригинал-макета.
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6